

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Попова Яна Викторовна

**КОММУНИКАТИВНАЯ ОБРАБОТКА ТАБУИРОВАННЫХ
РЕЧЕСМЫСЛОВ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Л.В. Куликова

Красноярск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАБУИРОВАННЫХ РЕЧЕСМЫСЛОВ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	12
1.1. Понятие табуированного речесмысла	12
1.2. Дискурсивные практики экспликации табуированных речесмыслов	20
1.3. Институциональные сферы дискурсивных практик табуирования и детабуирования.....	23
1.4. Прагматические факторы актуализации табуированных речесмыслов	31
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	53
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНАЯ ОБРАБОТКА ТАБУИРОВАННЫХ РЕЧЕСМЫСЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	57
2.1. Языковые средства выражения табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования.....	57
2.2. Способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования	67
2.2.1. Эвфемизация	67
2.2.2. Криптолалия	75
2.2.3. Дезинформация	77
2.2.4. Ритуализация	79
2.2.5. Коммуникативный приём «позволить объяснить себе»	80
2.3. Способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики детабуирования	84
2.3.1. Дисфемизация	85
2.3.2. Прямая номинация табуированного речесмысла	88
2.3.3. Использование номинаций, принадлежащих к бинарной	

оппозиции «свой / чужой»	90
2.3.4. «Сенсационализация».....	94
2.3.5. Псевдодисфемизация	99
2.3.6. Стереотипизация	101
2.4. Невербальные способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов	108
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	113
ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ОБРАБОТКИ ТАБУИРОВАННЫХ РЕЧЕСМЫСЛОВ В МАСС-МЕДИАЛЬНОМ ИНТЕРДИСКУРСЕ	117
3.1. Масс-медиаальный политический дискурс	117
3.2. Масс-медиаальный военно-политический дискурс	127
3.3. Масс-медиаальный рекламный дискурс	139
3.4. Масс-медиаальный религиозный дискурс	149
3.5. Масс-медиаальный спортивный дискурс	158
3.6. Масс-медиаальный научный дискурс	164
3.7. Масс-медиаальный медицинский дискурс	172
3.8. Масс-медиаальный деловой дискурс	181
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	203
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	230
ПРИЛОЖЕНИЕ	239

ВВЕДЕНИЕ

Процессы порождения, актуализации и интерпретации смыслов в речи всегда представляли интерес для исследователей из разных областей социально-гуманитарного знания (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, И. Т. Вепрева, В. В. Дементьев, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Г. Е. Крейдлин, М. Л. Макаров, О. И. Матьяш, В. М. Погольша, А. В. Соколов, Дж. Сёрль, S. Ullmann и др.).

Междисциплинарный подход к решению проблемы поиска возможности выражения того, что человек думает, и как он при этом говорит, открыл ряд вопросов, актуальных для современной коммуникативной лингвистики.

Как известно, любая единица коммуникации имеет план содержания и план выражения, поэтому считается, что не может быть невыраженного смысла. Однако экспликация речевого и смыслового содержания высказывания часто является для общающихся нежелательной, неприемлемой, запретной. Это обуславливает появление коммуникативных ограничений (табу) в дискурсе.

Феномен табу неоднократно попадал в фокус научных исследований. Теоретический анализ соответствующей литературы показал, что отечественными и зарубежными авторами активно изучались вопросы происхождения и разграничения социальной и религиозной природы табу (Ж. Ж. Варбот, А. М. Кацев, И. С. Кон, Д. Фрезер, S. Freud, G.-K. Kaltebrunner, K. Seibel, H. Schröder), особенности выделения слов- и тем-табу в разных культурах (Л. И. Гришаева, В. Б. Кашкин, О. А. Рутер, И. А. Садыкова, Е. М. Смоленцева, Л. В. Цурикова, C. Balle, K. Bölling, R. Dahrendorf, I. Leisi, K. Wingen, U. Sander); рассматривался аспект приравнивания или дифференциации табу и запрета (Н. Б. Мечковская, R. Browne, H. Eggert, R. Keller, A. Musolff). Как правило, внимание лингвистов было сосредоточено на способе передачи табуированных понятий только с помощью эвфемизмов (Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, Н. С. Болотнова, Ж. Вандриес, С. Видлак, И. Р. Гальперин, В. И. Заботкина, А. М. Кацев, М. Л. Ковшова, Л. П. Крысин,

Г. Г. Кужим, Б. Купер, Б. А. Ларин, Э. А. Меликова, В. П. Москвин, Г. Пауль, Е. П. Сеничкина, R. Rada, N. Zöllner и др.), что явно высвечивает необходимость расширения палитры исследовательских подходов к пониманию и актуализации табуированных коммуникативных феноменов в современных контекстах коммуникации.

Обозначенная лакунарность данной проблематики обусловила **актуальность** нашей работы, выполненной в рамках интенсивно развивающегося в последние десятилетия коммуникативно-дискурсивного направления отечественной лингвистики, и заключающейся, прежде всего, в новом осмыслении феномена табу в теории языка через понятие табуированных речесмыслов, а также в обращении к системному изучению способов коммуникативной обработки последних в контексте интердискурсивных характеристик институционального масс-медиа-пространства.

Объектом диссертационного исследования выступает специфика функционирования табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе; **предметом** – коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в опосредованных масс-медиа типах институционального дискурса.

В качестве **гипотезы** исследования выдвигается положение о том, что табуированные речесмыслы реализуются как минимум двумя разнонаправленными дискурсивными практиками в отношении экспликации табуированного денотата. При этом способы коммуникативной обработки, выбор коммуникативно-языковых средств их реализации детерминированы уровнем табуирования и видом табу, типом институционального дискурса, а также рядом прагматических факторов.

Разработка номенклатуры способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов и выявление специфики их языковой экспликации в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования составляют **цель** нашего исследования. Для её реализации предполагается решение следующих **задач**:

- 1) систематизировать имеющиеся подходы к пониманию и определению феномена табу и процессу табуирования как явлению языка и культуры;
- 2) сформулировать понятийный тезаурус исследования;
- 3) описать механизм функционирования и экспликации табуированных речесмыслов в дискурсе;
- 4) выявить институциональные сферы дискурсивных практик табуирования и детабуирования;
- 5) охарактеризовать факторы, влияющие на способы репрезентации табуированных речесмыслов в институциональных дискурсивных практиках;
- 6) установить и классифицировать способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках табуирования и детабуирования;
- 7) проанализировать выделенные типы институционального общения, представленные в пространстве масс-медиаального интердискурса, в логике выявления в них специфики коммуникативной обработки табуированных речесмыслов и соотношения дискурсивных практик их репрезентации.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые представлено описание процессов табуирования и детабуирования как дискурсивных практик экспликации табуированных речесмыслов, а также предложена авторская классификация способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в разных типах институционального общения, опосредованного масс-медиаальной сферой.

Материалом исследования послужили видеозаписи немецко- и русскоязычных телевизионных трансляций (телепередач, ток-шоу, документальных фильмов, дебатов и выступлений известных деятелей в сферах политики, культуры и спорта, межкультурных телепроектов германских СМИ), аудиозаписи интервью с мигрантами на немецком языке, видеоматериалы из сети интернет общим объёмом более 100 часов, а также тексты речей, опубликованные на официальных сайтах ведомств и канцелярий (*Православие, Bundespräsident, Der Heilige Stuhl* и др.), печатные и интернет-статьи из авторитетных российских и германских источников (*Российская газета,*

Россия-онлайн, РИА Новости, Советский спорт, Süddeutsche Zeitung, Spiegel Online, Stern и др.) общим объёмом более 120 текстов. Временные рамки собранного и проанализированного эмпирического корпуса ограничены 2006–2014 годами.

В качестве **единицы исследования** выступают фрагменты разных типов институционального дискурса в рамках масс-медиа, в которых эксплицитно или имплицитно с помощью различных лингвокоммуникативных средств реализуются табуированные речесмыслы.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в области теории дискурса и дискурс-анализа (А. Г. Алтунян, Т. А. Ван Дейк, Е. А. Вебер, Р. Водак, В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, М. В. Йоргенсен, В. И. Карасик, Е. А. Кожемякин, М. Л. Макаров, А. В. Олянич, Е. А. Селиванова, Л. Дж. Филлипс, М. Фуко, Л. В. Цыбина, Е. И. Шейгал, Т. А. Ширяева, K. Birkner, N. Fairclough, D. Hymes и др.), прагмалингвистики (Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова, М. М. Бахтин, М. Б. Бергельсон, И. Р. Гальперин, В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, О. Г. Почепцов, И. П. Сусов и др.), теории эвфемии и дисфемии (Н. С. Арапова, Н. М. Бердова, Т. С. Бушуева, В. И. Жельвис, Е. В. Кипрская, Л. П. Крысин, Б. А. Ларин, Е. О. Милоенко, В. П. Москвин, А. Н. Прудывус, Е. П. Сеничкина, Н. В. Тишина, Д. Н. Шмелёв, Т. Я. Якубина, F. Kiener, S. Luchtenberg, W. Wilss), табу и табуирования (Ж. Ж. Варбот, Л. И. Гришаева, А. М. Кацев, В. Б. Кашкин, М. Л. Ковшова, И. С. Кон, К. Малгожата, Э. А. Меликова, Н. Б. Мечковская, О. А. Рутер, И. А. Садыкова, М. В. Томская, Д. Фрезер, Л. В. Цурикова, C. Balle, R. Dahrendorf, R. Keller, A. Musolff, R. Rada, U. Sander, H. Schröder и др.), межкультурной коммуникации (С. Г. Агапова, Е. Е. Анисимова, С. Биби, Т. Г. Грушевицкая, Д. Б. Гудков, Н. В. Казаринова, В. Б. Кашкин, М. Г. Котовская, О. В. Кохан, В. В. Красных, Л. В. Куликова, В. Н. Куницына, В. М. Погольша, О. В. Рябов, U. Quasthoff и др.).

Основными **методами исследования** в работе являются интерпретативный дискурс-анализ, прагмалингвистический анализ. Также

используются методы гипотетико-дедуктивного анализа при сборе и обобщении фактического материала; описательного, контекстуального анализа в изучении тем и сфер табуирования в немецкой и русской языковых культурах; приемы количественных подсчетов.

Теоретическая значимость работы состоит в применении нового комплексного подхода к описанию явлений, раскрывающих суть процессов табуирования и детабуирования как институциональных дискурсивных практик на материале немецкого и русского языков.

Автором обозначены уровни табуирования во взаимосвязи с определёнными видами табу; сформулировано понятие табуированного речесмысла и описаны способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в институциональных дискурсивных практиках; рассмотрен ряд прагматических факторов, оказывающих влияние на их актуализацию в выделенных дискурсивных практиках; приведена статистика репрезентации последних в разных типах институционального общения. Такие заключения могут представлять интерес для лингвистической теории дискурсивного анализа, коммуникативной лингвистики, межкультурной коммуникации, психолингвистики.

Практическая значимость исследования видится в том, что его результаты могут быть включены в курс преподавания теории языка, теории и практики перевода, межкультурной коммуникации, спецкурсы по коммуникативной лингвистике, практическому курсу иностранного языка и семинарские занятия по стилистике и анализу текста.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Табуированный речесмысл представляет собой эксплицированный в коммуникации фрагмент действительности, интерпретируемый субъектом взаимодействия в конкретной дискурсивной ситуации как коммуникативное ограничение (табу) с учётом определённого пресуппозиционного фона его участников.

2. Табу как культурно-детерминированное коммуникативное явление отражает необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний.

3. Выделяются три уровня дискурсивного табуирования: приватный (личностный), интракультурный и интеркультурный. С ними соотносятся, соответственно, личностно-тезаурусные, культурно-узуальные и межкультурно-обусловленные табу. Многие табуированные темы, сферы и языковые единицы носят относительный характер: в интракультурной коммуникации они могут не являться табу, однако в интеркультурном общении способны наполниться табуированными речесмыслами.

4. Табуированные речесмыслы, обусловленные разноуровневыми табу, подвергаются в дискурсе коммуникативной обработке, то есть комплексу коммуникативно-языковых действий, направленных на предотвращение сбоя (провала) в межличностном общении или корректировку нежелательного дискурсивного эффекта.

5. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов предполагает сохранение или нарушение (разрушение) табуированного денотата. В зависимости от этого табуированные речесмыслы эксплицируются в двух разнонаправленных дискурсивных практиках: табуирования или детабуирования. Типы институционального общения, интегрированные в интердискурсивном масс-медиа-пространстве, обуславливают специфику и частотность реализации дискурсивных практик табуирования и детабуирования.

6. Способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов детерминированы уровнем табуирования и видом табу, институциональной средой общения, а также рядом прагматических факторов, а именно: социального статуса, вежливости, контекстуальной обусловленности,

пресуппозиционных установок, гендерным, национально-культурным, возрастным, пространственным и временным факторами.

Апробация работы. Положения и результаты работы обсуждались на аспирантских методологических семинарах Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, докторантских коллоквиумах отделения межкультурной германистики Университета г. Байройт (Германия) в рамках научной стажировки при поддержке Германской службы академических обменов (стипендия для молодых исследователей) [Байройт, 2011], на ежегодной Всероссийской научно-практической конференции ИФиЯК СФУ «Диалог культур в аспекте языка и текста» [2009–2013], на VI Международной конференции Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире» [Красноярск, 2012], на IX Международной научной конференции «Тенденции и перспективы развития современного научного знания» [Москва, 2014].

По теме исследования опубликовано восемь работ общим объёмом 3,1 печатных листа, в том числе три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, выводов по главам, заключения, списка литературы, списка источников примеров и приложения. Общий объём работы составляет 240 страниц.

Во **введении** обосновываются актуальность тематики и научная новизна исследования; описываются теоретическая и практическая значимость; формулируются объект, предмет, цель и задачи работы; характеризуются материал и методологическая основа; выносятся положения на защиту.

В **первой главе** систематизируются имеющиеся подходы к пониманию и определению феномена табу и процессу табуирования как явлению языка и культуры; описывается представление об уровневой организации дискурсивного табуирования; формулируется определение табуированного речесмысла; рассматривается специфика выражения табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках институционального дискурса как

среды, обуславливающей ряд коммуникативных ограничений; вводится понятие коммуникативной обработки табуированных речесмыслов; обосновывается исследование масс-медиального дискурса в контексте характеристик интердискурсивности; выделяется ряд прагматических факторов, оказывающих влияние на коммуникативную обработку табуированных речесмыслов.

Вторая глава диссертации посвящена выявлению, описанию и систематизации способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов вербальными и невербальными средствами в рамках двух выделенных в исследовании дискурсивных практик, табуирования и детабуирования.

В третьей главе на основе выделенных в масс-медиальном пространстве типов институционального дискурса проводится анализ дискурсивных фрагментов: описываются специфика коммуникативной обработки табуированных речесмыслов и языковые средства реализации последних, а также соотношение дискурсивных практик табуирования и детабуирования в разных типах институционального общения.

В выводах по главам и заключении резюмируются основные результаты и общие итоги проведённого исследования, указываются сферы их возможного применения и перспективы дальнейшей разработки данной проблематики.

Список литературы включает используемые и цитируемые в диссертации научные труды (261 наименование, включая 49 на иностранных языках); перечень справочных материалов и словарей (28 единиц); список источников примеров (84 наименования).

В приложении представлены изображения, использованные в работе для иллюстрации способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов средствами визуального семиотического ресурса.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАБУИРОВАННЫХ РЕЧЕСМЫСЛОВ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

1.1. Понятие табуированного речесмысла

Вопросы соотношения процессов коммуникации, речи, смыслов и смыслообразования неоднократно становились темой научных исследований. Так, актуальная в настоящее время проблема выражения и интерпретации смыслов, базирующаяся на знании о том, что любая единица коммуникации имеет план содержания и план выражения, и поэтому «не может быть невыраженного смысла», волновала философов языка ещё в семидесятые годы прошлого столетия и нашла тогда отражение в так называемом «правиле выразимости» Джона Сёрля [ср.: Имплицитность ... 1999: 9; Сёрль 1987: 160].

Сегодня из теории актуализации и референции известно, что «любой переход от языковых значений компонентов высказывания к их речевым смыслам требует интерпретативных усилий адресата», так как существует необозримое множество скрытых смыслов, передаваемых имплицитным образом с помощью речевых единиц самых разных уровней [Дементьев 2006: 5].

Не выраженные прямо (вербально) в тексте сообщения скрытые смыслы соотносятся, в первую очередь, со значением слова, с его внутренней структурой, несовпадением сигнификата и денотата, привнесением во внутреннюю форму слова новых значений, а также с языковой компетенцией адресата, его знаниями о мире и другими имеющимися в тексте показателями [ср.: Данилова 2009: 102; Масленникова 1999: 4].

В целом исследователи отмечают «некоторую общую непрямую тональность коммуникации», то есть не прямые формы высказывания зачастую предпочитают намеренно [Дементьев 2006: 13]. Причиной подобной

осложнённой актуализации речевого и смыслового содержания высказывания, как показывает проведённое исследование, могут являться разного рода табу.

Именно на таких значимых и широко разрабатываемых в науке понятиях, как смысл/речесмысл (М. М. Бахтин, Э. Бенвенист, А. В. Бондарко, Л. Витгенштейн, В. В. Дементьев, И. М. Кобозева, Д. А. Леонтьев, М. Л. Макаров, О. И. Матяш, В. М. Погольша, Дж. Сёрль и др.) и табу (Ж. Ж. Варбот, Л. И. Гришаева, А. М. Кацев, В. Б. Кашкин, И. С. Кон, Э. А. Меликова, Н. Б. Мечковская, К. Малгожата, О. А. Рутер, И. А. Садыкова, Д. Фрезер, Л. В. Цурикова, А. Musolff, Н. Schröder и др.), базируется ключевое для нашей работы определение *табуированного речесмысла – эксплицированного в коммуникации фрагмента действительности, интерпретируемого субъектом взаимодействия как коммуникативное ограничение (табу) в конкретной дискурсивной ситуации с учётом определённого пресуппозиционного фона его участников.*

Речевой смысл, вслед за А. В. Бондарко, мы понимаем как информацию, которая передается говорящим (пишущим) и воспринимается слушающим (читающим) на основе выражаемого языковыми средствами содержания, взаимодействующего с контекстом и речевой ситуацией, с существенными в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего и слушающего, со всем тем, что входит в понятие дискурса [Бондарко 2001: 7]. Таким образом, источниками речевого смысла являются: 1) языковое содержание, 2) контекстуальная информация, 3) ситуативная информация, 4) энциклопедическая информация, 5) все прагматические элементы дискурса, существенные для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания (включая не только референциальные, но и эмоционально-экспрессивные аспекты) [Там же].

Понятие «табу», попавшее в языковой и научный обиход из Полинезии как термин, заимствованный из религиозно-обрядовых установлений, по мнению Д. Фрезера, образовалось из глагола «ta» («отмечать») и наречия усиления «ри», что вместе буквально должно означать: «всецело выделенный, отмеченный».

Слово изначально понималось лишь как «категорический запрет на религиозной основе» [Фрезер 1983: 190].

Сегодня распространено более широкое трактование данного феномена. Так, Ж. Ж. Варбот подчеркивает, что в наши дни табу употребляется в двух значениях: 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определённые действия во избежание вредных проявлений сверхъестественных сил; 2) запрет на употребление определённых слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами [Варбот 1979: 345].

Наряду с этим определением встречаются и другие, в которых не проводится столь четкая граница между религиозным и социальным. Например, Н. Б. Мечковская, не останавливаясь на причинах табу, определяет его как «запрет совершать определённые действия или запрет произносить те или иные слова, выражения» [Мечковская 1998: 62].

Итак, большинство исследователей приравнивают табу к запрету, к тому, что делать запрещено и чего следует избегать, считая, что соблюдение табу является обязательным для всех членов социума, а их нарушение ведет за собой общественное порицание. Ряд учёных разграничивает понятия табу и запрета, объясняя различие внутренней мотивацией, привязанностью к моральным и этическим соображениям одного и внешней мотивацией другого соответственно [ср.: Schröder 1995: 19; Musolff 1987: 17]. Иными словами, табу – не запрет извне, а внутренняя потребность избежать чего-либо по каким-либо причинам [Keller 1987].

В лингвистической литературе табу рассматриваются в рамках бытования запретных и нежелательных для обсуждения тем в какой-либо культуре [Газизов 2011] или в аспекте изменений норм табуирования применительно к разным видам культуры и различным типам дискурса [Тульнова 2010].

Таким образом, наблюдаем, что семантическое ядро понятия табу в разных трактовках содержит примерно одинаковые смыслы (ограничение или полный запрет), однако единое понимание данного термина отсутствует. При этом все

исследователи отмечают ярко выраженную культурную специфику табу, которая определяет сферы табуирования, степень их табуированности, выбор языковых, коммуникативных средств для выражения соответствующих смыслов, и подчёркивают крайнюю сложность и актуальность, а также внутреннюю противоречивость и многогранность данного феномена, необходимость изучать его на междисциплинарной основе. С точки зрения функционирования табу – это и культурный, и общественный, и лингвистический феномен, с точки зрения возникновения и мотивации – психологический, и всегда ограниченный временными и пространственными рамками. «Современное табу включает в себя собственное преодоление в качестве момента своего существования. В этом случае в современную эпоху можно говорить не об исчезновении табу в акте преодоления, а о постоянной актуализации табу в этом самом процессе... Табу не исчезает, а постоянно работает, меняя свои семантические очертания» [Цурикова 2005: 287].

Изученный материал позволяет условно разделить табу на вербальные и невербальные. Невербальные табу – это часть социального кодекса какого-либо общества, которое определяет, какие действия и поступки в нём неприемлемы [Schröder 1995: 31]. К невербальным табу относятся многие акты, жесты, позы, элементы тактильной коммуникации и т.д.

К вербальным табу, в свою очередь, принадлежат языковые и коммуникативные (дискурсивные). О. А. Рутер пишет: «Термин языковое табу представляется более широким по сравнению с термином словесное и означает любой запрет, существующий в языке. Однако на практике языковое табу сводится, в основном, к словесному. Потенциально, в определённых условиях возможен запрет на употребление некоторых звуков в речи, букв на письме и т.п.» [Рутер 2007: 8].

Табу как словесное или языковое явление обозначает ограничение или запрет на «употребление определенных слов, вызванный в основном социальными факторами: этикетом, цензурой, степенью тактичности говорящего и т.д.» [Там же]. К приведённому перечню факторов можно отнести

также социально-политические, культурные и эмоциональные. Целью табу в этом случае является запрет не самого понятия, а обозначающего его слова.

Табу как коммуникативное явление отражает необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний.

В нашем исследовании дифференцируются *три уровня дискурсивного табуирования: приватный (личностный), интракультурный и интеркультурный*. С ними соотносятся, соответственно, *личностно-тезаурусные, культурно-узуальные и межкультурно-обусловленные табу*.

В качестве критериев выделения уровней выступали экстралингвистические факторы, характеризующие ценностное измерение дискурса, которое исследователи называют «одним из важнейших измерений зрелости того или иного человеческого сообщества» [Карасик 2002: 29]. В. И. Карасик подчёркивает: «Выражая своё отношение к чему-либо, совершая определённый поступок, человек опирается на определённую систему ценностей, которые разделяются его близкими, знакомыми и незнакомыми людьми. Представляется правомерным говорить в этом смысле об индивидуальных, групповых, этнических и универсальных ценностях» [Там же: 25].

Определение уровней происходило с учётом дискурсивных маркеров, которые мы, вслед за И. П. Массалиной, определяем как «необязательные элементы, функционирующие в качестве сигналов для слушателя, облегчающие интерпретацию высказывания...» и выражающие «отношение говорящего к адресату или к ситуации, о которой идёт речь, его намерения, предположения и эмоции» [Массалина 2009: 212].

Итак, приватный уровень представляет собой «индивидуально-личностную мировоззренческую картину мира» говорящего [Землянский 2010:

122] и охватывает понятия и сведения из его личной сферы деятельности и области знаний о действительности. Описание этой системы знаний составляет тезаурус индивидуального носителя информации. Поэтому мы говорим о функционировании на данном уровне личностно-тезаурусных табу, которые определяют внутреннюю речемыслительную потребность коммуниканта избегать нежелательных для него номинаций, тем, действий.

Табуированные речесмыслы, детерминированные личностно-тезаурусными табу, часто непредсказуемы и спонтанны. Так, например, упоминание в процессе общения определённого имени, события, связанных с личным отрицательным опытом, может вызывать у коммуниканта негативные ассоциации, неприятные воспоминания, стать угрозой его культурно-коммуникативной самодостаточности, что в большинстве случаев приведёт к желанию сменить тему, умолчать или даже резко прервать беседу, но иногда, напротив, к стремлению развязать коммуникативный конфликт, вербально или невербально выразить агрессию. Иными словами, личностно-тезаурусные табу определяют не только выбор тем, языковых средств, невербальных знаков, но и поведение говорящего в целом.

Примером такого уровня может служить сравнительно недавно освещённый СМИ скандал с участием популярной актрисы Лянки Грыу, не желающей иметь ничего общего со своим отцом, не принимавшим участия в её воспитании, и даже высказываться на данную тему. Упоминание в интервью имени отца провоцирует сбой коммуникации журналистов с молодой актрисой, которая демонстрирует, что эта тема в данной коммуникативной ситуации неприемлема. Она отворачивается от камеры, прерывая беседу в одностороннем порядке, и отходит в сторону. Таким образом, информацию, касающуюся её отца и личного отношения к нему, можно интерпретировать как личностно-тезаурусное табу, наличие которого обуславливает предпочтение коммуникативного замалчивания и невербальных сигналов (визуальный контакт, телодвижение, изменение дистанции) [4].

Следующий уровень дискурсивного табуирования, выделяемый в работе, - интракультурный. Он охватывает взаимодействие «представителей одного национально-культурного сообщества, обладающих единой когнитивной базой» [Красных 2003: 96]. Члены этого сообщества разделяют представления о запретном и стигматизированном, о национальных традициях, ценностях и установках. На данном уровне функционируют культурно-узуальные табу, т.е. общепринятые в рамках определённой лингвокультуры. Они являются «сильнейшей из всех конвенциональных норм» [Кострова 2005: 252] и могут кардинально расходиться с табу в другой лингвокультуре.

Например, вопрос о зарплате и доходах, адресованный коллеге, немцы, как известно, относят к разряду табуированных. Спрашивать человека, не являющегося близким родственником или давним другом, о его семье, детях (или причинах их отсутствия) также неприемлемо. Для представителей русской лингвокультуры обращение с подобными вопросами вполне допустимо, что противоречит другому культурно-узуальному табу в немецкой культуре, касающемуся чёткого разделения приватной и рабочей сфер общения. Немцы, как правило, не смешивают личностные отношения, родственные связи с профессиональными, в то время как для русских установка дружеского контакта и доверительное общение с коллегами – неотъемлемый элемент институционального взаимодействия.

Многие темы, действия, лексические единицы, являющиеся нежелательными, неприемлемыми в рамках конкретной языковой культуры, часто пересекаются с личностно-тезаурусными табу её отдельных представителей. Например, тематика смерти является табуированной в немецкой культуре в целом, а также связана с рядом коммуникативных ограничений на приватном уровне. Не принято расспрашивать людей, у которых недавно скончался близкий родственник, о причинах смерти, об их самочувствии и т.д. Обращение к данной теме ограничено ритуализованными фразами соболезнований. Исследователи даже предлагают специальный термин «Totenbrauchtum» (совокупность обрядов после смерти), который охватывает

всё, что происходит с умершим после наступления смерти, весь последний путь до места захоронения, а также личностей, имеющих в силу своей профессии доступ к телу покойного («...was nach dem Todeseintritt mit den Verstorbenen geschieht, welche Wege die Toten vom Exitus bis zur letzten Ruhestätte zurücklegen und was in den Zwischenstationen dieser „Status-Passage“ vor sich geht. Der Blick wird konzentriert auf Personengruppen, die durch ihren Beruf mit Leichnamen in Berührung kommen...») [Helmers 1989: 1].

Дискурсивное взаимодействие представителей разных языковых культур предполагает наличие определённых коммуникативных ограничений в силу межкультурных различий, расхождения ценностных систем, сформировавшихся этнических предубеждений, желания скрыть важную информацию от «чужих» и т.д. Иными словами, на интеркультурном уровне функционируют межкультурно-обусловленные табу. Так, вербализация участником дискурса негативных стереотипов о представителях другой этнической группы, к которой принадлежит его собеседник, может стать препятствием для реализации коммуникативной цели, повлечь за собой коммуникативный провал. Осуждение или порицание чужих традиций, взглядов, жизненных или религиозных установок спровоцирует выражение несогласия, ответную критику, усилит конфликтность ситуации общения.

Итак, табу, с одной стороны, выражают индивидуальные знания, связанные с личным опытом индивида, но, с другой стороны, могут представлять собой культурно релевантные, социально разделяемые долгосрочные знания [Цурикова 2001: 18]. Тема, высказывание, номинация, которые воспринимаются нейтрально представителями одного этноса, могут расцениваться в интеркультурной коммуникации как неприемлемые и запретные. Поэтому учёт ситуативного контекста, монокультурной или межкультурной среды актуализации табу приобретает концептуальное значение для осмысления природы табуированных речесмыслов.

Табуированные речесмыслы динамичны, ситуационны, конвенциональны, контекстны. Они возникают, создаются, воспроизводятся и

изменяются в процессе коммуникации, в переплетении разных дискурсивных практик.

1.2. Дискурсивные практики экспликации табуированных речесмыслов

В основных ежедневных практиках «беспрерывно порождаются, выражаются, различаются, разворачиваются и координируются новые смыслы», так мы «приобретаем новое осмысление, новое понимание себя, событий, всего, что нас окружает» [Матьяш 2011: 71]. Речесмыслы не существуют вне соответствующих контекстов, вне дискурсивных практик.

Термин «дискурсивные практики» применяется, как правило, в том смысле, который ему придал М. Фуко. По мнению учёного, любой объект может быть исследован на основе материалов дискурсивных практик, которые также называются речевыми. Вне, независимо или до появления самих практик объект не существует [Фуко 1996: 188]. М. Фуко полагает, что каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для неё «форме знания» – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями. Совокупность этих форм познания для каждой эпохи образует свой уровень «культурного знания», «эпистему». В речевой практике она строго реализуется как определённый код – свод предписаний и запретов. Эта языковая норма предопределяет языковое поведение и само мышление индивидов [Там же: 190].

В целом М. Фуко понимает дискурсивные практики шире, чем дискурс, и определяет их как совокупность анонимных исторических правил, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания. Эти правила, или дискурсивные практики, всегда являются определёнными во времени и пространстве. Каждое высказывание

имеет возможные отношения с прошлым и открывает прогнозируемое будущее [Там же: 188].

Так, любой дискурс может быть охарактеризован как «некая практика, которую мы навязываем» внешней по отношению к дискурсу предметности, как общественно сложившиеся системы человеческого познания [Там же: 50].

Уточняющие подходы к трактованию дискурсивных практик находим у многих учёных: дискурсивные практики как деятельность [Леонтьев 1983: 153], средство познавательной и практической деятельности [Карицкий 2002: 34; Зайцев 2005: 73]; упорядоченный набор следующих элементов: высказываний (текстов), тем, правил построения высказываний, целей и ожиданий аудитории, процедур принятия высказываний, каналов распространения информации, пространственно-временных характеристик [Ипатова 2009: 8]; метод производства и потребления текста, который, являясь формой социальной практики, вносит вклад в конституирование социального мира [ср.: Fairclough 1995; Филлипс 2008]; повседневная практика отдельного индивида, выступающая предметом анализа культурного антрополога [Макаров 2003: 227–228]; посредник между текстами и социокультурной практикой [Fairclough 1995: 122]. Л. В. Куликова отмечает наличие как минимум двух подходов к определению природы дискурсивных практик: «в контексте полной идентификации дискурса и социальности (например, в концепции М. Фуко) либо «встроенности» дискурсивных практик в более широкие социальные практики (иначе говоря, более широкие социальные практики образуют фон для практик дискурсивных)» [Куликова 2013: 142].

Следует отметить также, что понятие «дискурсивные практики» многозначно. До настоящего времени не установлены его корреляции с важнейшими категориями теории дискурса, дискурсивного анализа, хотя существует зависимость выбора исследовательского интерпретационного подхода от определённой дискурсивной практики [Синицына 2008].

В рамках данной работы мы, опираясь на определение Л. В. Куликовой, понимаем *дискурсивные практики* как «социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и не-институционального общения» [Куликова 2013: 142].

Известно, что «смысл связан с пониманием», он «выступает как абстрактно выделенное взаимодействие человека с ситуациями бытия (как частный случай – коммуникативными ситуациями) и характеризует отношение человека к миру, при этом последнее активно: смысл можно восстановить...» [Щедровицкий 1974: 91]. Дискурсивные практики являются «главным механизмом распознавания и означивания (смыслообразования)» [Матьяш 2011: 73].

Табуированные речесмыслы, обусловленные разноуровневыми табу, *реализуются двумя разнонаправленными дискурсивными практиками* в отношении экспликации табуированного денотата: *табуирования* и *детабуирования*.

Табуирование направлено на *сохранение табуированного денотата*, ненарушение табу. Табуированные речесмыслы передаются в рамках данной дискурсивной практики с помощью лингвокоммуникативных средств, вуалирующих, смягчающих, преуменьшающих, скрывающих и т.д. собственное табуированное речевое и смысловое содержание высказывания.

Дискурсивная практика детабуирования, напротив, предполагает актуализацию табуированных речесмыслов с целью *нарушения табуированного денотата*. Участник(и) дискурса не соблюдают коммуникативных ограничений, а действуют вопреки им, применяя различные вербальные и невербальные средства.

Иными словами, все табуированные речесмыслы подвергаются коммуникативной обработке, то есть комплексу коммуникативно-языковых

действий, направленных на предотвращение сбоя (провала) в межличностном общении или корректировку нежелательного дискурсивного эффекта.

Таким образом, табуированные речесмыслы, детерминированные разными видами табу, выражаются в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования с помощью различных языковых средств, подвергаясь коммуникативной обработке.

1.3. Институциональные сферы дискурсивных практик табуирования и детабуирования

Участники коммуникативных ситуаций в разносторонних публичных и частных сферах вербализуют в дискурсивных практиках те или иные смыслы. И грани между этими сферами, по мнению большинства учёных, сегодня размыты [Карасик 2000; Шейгал 2000; Аникина 2004]. Между тем институциональный и персональный дискурсы, безусловно, обладают рядом ключевых отличий, детально проанализированных в работах разных авторов.

Так, М. Л. Макаров, рассматривая отличие разговорного дискурса как наименее структурированного от ритуализованного, институционального, выделяет такие свойства последнего: более жесткая структурализация при максимуме речевых ограничений, фиксированная мена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность контекстом, ограниченное количество глобально определённых целей и др. [Макаров 2003: 176].

Существенным отличием институционального взаимодействия исследователи называют относительное стилевое единообразие речевого регистра и тональности участников, что обеспечивается механизмом ролевого поведения: стандартная коммуникативная ситуация соотносится субъектом речи с типовой «контекстной моделью», задаёт типовой образ адресанта – речевую (дискурсивную) роль, поведение в рамках которой регулируется социально установленными предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнёров [ср.: Водак 1997; Карасик 2000; Birkner 2011; Олешков 2013].

Институциональный дискурс рассматривается в различных трудах по коммуникативной лингвистике и лингвопрагматике, посвященных разным типам общения, выделяемым на основании социолингвистических признаков. Такой дискурс трактуют как «многоуровневое образование вербального и невербального характера, построенное по определенным эксплицитно представленным и имплицитно подразумевающимся правилам, конвенционально определяющим те или иные действия участников коммуникации» [Олешков 2013: 157–158].

Итак, в институциональном общении речь подвергается сознательному нормированию в соответствии со статусно-ролевыми отношениями, конвенциональными правилами, контекстуальными ограничениями и т.д., что, соответственно, сказывается на частоте функционирования разноуровневых табу и влияет на репрезентацию табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования. Поэтому именно сферы институционального взаимодействия представляют наибольший интерес в логике исследования процесса экспликации табуированных речесмыслов, выявления специфики их коммуникативной обработки.

Анализируя разнообразие и типологию данных сфер, учёные в целом сходятся во мнении, что институциональные дискурсы могут расщепляться на несколько и сливаться в один, меняться со временем, быть гибридами других дискурсов: «Дискурсы безграничны, их нельзя перечесть, потому что их количество постоянно обновляется и границы всегда спорны» [Карасик 2000; Шевченко 2009: 57]. Применительно к современному обществу В. И. Карасик выделяет политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный типы институционального дискурса, отмечая, что этот список может изменяться, расширяться, поскольку общественные институты исторически изменчивы, значительно отличаются друг от друга, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве новых разновидностей [Карасик 2000].

Подобные динамические процессы современные учёные наблюдают сегодня в сфере медиаинститутов и отмечают, что формируется единая коммуникационная среда (глобальное информационное пространство), возникают новые коммуникационные институты [Бобровская 2012].

Всевозрастающая роль масс-медиа в жизни общества объясняет активную разработку масс-медиального дискурса, при этом терминологическое коммуникативное пространство содержит различные понятия: массовая культура, массовая коммуникация [Бгажноков 1978; Гришина 1990; Сорокин 1985; Кашкин 2000; Куницына 2001; Шевченко 2009], язык СМИ [Бессарабова 1996; Мельник 2001; Рогозина 2003], массово-информационный дискурс [Карасик 2000; Прядильникова 2007], дискурс масс-медиа, масс-медиаальный дискурс [Шейгал 2000; Желтухина 2004, 2008], медиадискурс [Щурина 2009; Кожемякин 2010]. Данные понятия используются в различных сферах человеческой деятельности.

Опираясь на многочисленные исследования, выделяем следующее определение масс-медиаального дискурса: «...связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина 2008: 154].

Участниками масс-медиаального дискурса являются журналисты, теле- и радиоведущие, теле- и радиокомментаторы, весь персонал, порождающий, транслирующий и ретранслирующий тексты, а также те, кто воспринимает вольно или невольно поступающую в их поле зрения информацию [Там же].

Массовая культура, порождающая масс-медиаальный дискурс, который и формирует саму культуру, предоставляет богатые исследовательские перспективы в социо- и психолингвистическом, лингвокультурном и межкультурном направлениях. Функционирование табуированных речесмыслов и их экспликация в дискурсивных практиках табуирования и

детабуирования – интересная закономерность, вполне объяснимая спецификой масс-медиального дискурса.

Так, его отличительной чертой, помимо фактора массовости, который способствует реализации информационной, оценочной, творческой, семиотической, интертекстуальной, пропагандистской и суггестивной функций, ряд учёных называет «отказ от открытой оценочности и установку на завуалированное манипулирование массовым сознанием посредством различных оценочных имплицатур» (например, посредством эвфемизмов) [ср.: Прядильникова 2007: 55; Валгина 2007; Желтухина 2008; Савватеева 2008; Данилова 2009; Dürscheid 2003].

«Манипуляции – неизбежный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и СМИ, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае мало эффективно)» [Васильев 2007: 69]. Тема манипулирования общественным сознанием посредством масс-медиа – одна из наиболее широко освещаемых междисциплинарных проблем [Бессарабова 1996; Сковородников 1997; Желтухина 1997; Кара-Мурза 2001; Панасюк 2002; Завьялова 2003; Алтунян 2004; Копнина 2008, 2010].

С другой стороны, сегодня наблюдается явный сдвиг в пользу экспрессии, применение ярких оценочных средств (дисфемизмов, инвектив, просторечий и т.д.) Формирование новой стилистической нормы языка масс-медиа и преобразование всего процесса коммуникации в целом (расширение состава участников массовой коммуникации, увеличение сферы спонтанного и неофициального общения, возрастание личностного начала в публичной речи) относят к тенденциям сегодняшнего развития [ср.: Прядильникова 2007; Желтухина 2008; Данилова 2009].

Л. П. Крысин также отмечает наличие двух разнонаправленных тенденций: «к огрублению речи и её эвфемизации» [Крысин 2004: 262]. Процесс огрубления речи связывают с открытым в эпоху гласности обсуждением запретных ранее сторон интимной жизни человека, а также с повышением в

речи современного человека уровня агрессивности. Речевая агрессия – явление обычное не только в современном разговорно-бытовом общении, но и в общении публичном [Ковшова 2007: 260].

В целом складывается впечатление, что зачастую его участники намеренно отдают предпочтение «крепким словечкам», жёстким характеристикам и оценкам, нарушая разного рода табу [Kiener 1983]. «Многие люди утверждают, что, для того чтобы понять, что на сегодняшний день относится к ценностям, а что к табу, необходимо просто включить телевизор. Именно телевидение – самый яркий нарушитель табу; минимум одно табу, минимум раз в неделю нарушается, попадая на экран. Бытует широко распространённое убеждение: ценности нужно беречь, а табу нарушать...» («Viele Menschen sagen, wenn man wissen wolle, was Werte seien und was in einer Gesellschaft tabu sei, müsse man nur die Medien, speziell das Fernsehen beobachten. Das Fernsehen sei der größte Zerstörer von Worten und breche mindestens einmal in der Woche ein Tabu... Eine weit verbreitete Auffassung lautet: Werte muss man fördern, Tabus muss man brechen...») [Ganguin 2006: 110].

Также исследователи называют интернет выдающимся «полигоном для речевой практики любителей невежливого коммуникативного поведения» в современную эпоху «глобального развития многочисленных коммуникационных технологий» [Леонтьев 2013: 717].

В. И. Карасик отмечает: «Важной характеристикой массовой культуры является постоянное движение в сторону снятия табу» [Карасик 2010: 110]. Такую тенденцию автор называет «десакрализацией» и подчёркивает, что она приводит к тому, что «нормой официального общения становится нейтрально-разговорный и порой снижено-разговорный регистр... происходит снижение всей системы стиливых регистров» [Там же].

Такие особенности масс-медиа-дискурса специалисты объясняют по-разному: изменением современной общественно-политической ситуации, специфическими особенностями определённых жанров, стремлением к сенсации и т.д.

По словам И. А. Стернина, все перечисленные тенденции непосредственно отражаются на современном масс-медиальном дискурсе, который по сравнению с таковым доперестроечного периода представляет собой практически новый тип дискурса [Стернин 2003]. Его возможности практически безграничны: подача ничем не выдающегося материала как чрезвычайно актуальной темы/события, нарушение существующих норм и моральных устоев, доведение до абсурда, создание комичности, насмешки, издёвки и, напротив, сокрытие фактов, облачение в политически корректную форму, завуалированная подача критики и т.д. И часто они реализуются посредством выражения табуированных речесмыслов.

Систематизируя подходы к пониманию природы масс-медиального дискурса, Е. А. Кожемякин выделяет два основных: как специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа; как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ [Кожемякин 2010: 16]. В рамках первого понимания масс-медиальный дискурс и другие типы дискурса самостоятельны, не зависят друг от друга и определяются разными языковыми практиками, коммуникативными ситуациями, хотя, например, «высказывания могут относиться к общему тематическому полю» [Там же]. В рамках второго подхода можно говорить о том, что для своей реализации разные типы институционального дискурса «предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [Там же]. Придерживаясь второго подхода, указанный автор трактует масс-медиальный дискурс как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [Там же: 16].

Влияние этого пространства означает быстрое внедрение массово-информационного общения в повседневную жизнь людей и ведёт к тому, что телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают границы, возникают транспонированные разновидности дискурса (например,

телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе) [Михальская 1996; Шейгал 2000]. Масс-медиаальный дискурс выступает главным посредником, так как «здесь происходит конвертация информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), сращение информации различного типа (например, политической и развлекательной, событийной и рекламной) или же создание особого знания, имеющего отношение только к медийной действительности» [Кожемякин 2010: 16].

Опираясь на то, что «любой институциональный дискурс не сводится только к одному типу дискурса, но представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных, порой конфликтующих между собой дискурсов в рамках определённого речевого пространства» [Олешков 2013: 156], исследователи привлекают понятие «интердискурс», чтобы детально описать это пространство взаимодействия. Как известно, данный термин был введён французской школой анализа дискурса для обозначения внешних по отношению к дискурсивной практике невербальных процессов, которые, выступая в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов, обуславливают семантико-гештальтные характеристики последних [Постмодернизм: электрон. ресурс]. Дискурсивность, погружённая в контекст интердискурса, обретает свою конкретно-историческую форму. Согласно П. Серио, интердискурс – «дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия» [Серио 1999: 45].

Р. Сколлон отмечает, что интердискурсивность следует признать средой, связывающей между собой многие общественные дискурсы, а также обеспечивающей внедрение общественных (институциональных) дискурсов в персональные [Scollon 2002].

В рамках данной работы масс-медиаальный дискурс рассматривается в контексте характеристик интердискурсивности, поскольку он способен наиболее активно расширять свои границы, проникать в другие дискурсы, объединять разные типы дискурса. Г. В. Бобровская отмечает, что «данный дискурс, существующий в виде разветвленной системы текстов, оказывается «полигоном» для испытания новых средств речевого выражения. Инвариантные текстовые характеристики массово-информационного дискурса получают соответствующее преломление в его разновидностях в результате конкретизации социальной целеустановки...» [Бобровская 2012].

По мнению М. Р. Желтухиной, современный масс-медиаальный дискурс «представляет собой синкретичное образование, в котором проявляются практически все другие типы дискурса, подчинённые основной цели масс-медиа как социального института – оказывать дифференцированное воздействие на максимально широкую аудиторию посредством её информирования и оценки сообщаемой информации» [Желтухина 2004: 6].

Таким образом, масс-медиа «форматируют» любой дискурс, превращают текст любого жанра в особого рода текст, сохраняющий свои конститутивные элементы и приобретающий новые, характерные для текстов масс-медиа. В результате мы имеем, например, масс-медиаальный спортивный, деловой и т.д. дискурсы. Телевизионный репортаж или документальный фильм как жанры масс-медиаального дискурса могут сочетать в себе черты педагогического, политико-экономического, юридического, военного и других типов институционального дискурса, для каждого из которых характерна своя природа взаимоотношений с табу. Поэтому, кроме уровней табуирования и видов табу, влияние на экспликацию табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках оказывает интердискурсивная коммуникативная среда в целом и тип институционального дискурса в частности.

1.4. Прагматические факторы актуализации табуированных речесмыслов

Как отмечают исследователи, каждая коммуникативная ситуация – это сумма условий и обстоятельств [Формановская 2007: 53], перестраивающаяся структура множества взаимосвязанных и взаимодействующих факторов [Ерофеева 2005: 26], в том числе прагматических, которые влияют на реализацию интенций участников дискурса, их вербальное и невербальное поведение, выбор тех или иных коммуникативно-языковых средств.

М. Б. Бергельсон подчёркивает: «При всём бесконечном многообразии способов выражения мыслей, которые даёт язык его носителю, при всей свободе, которой обладает говорящий в дискурсе по сравнению с жёсткостью морфологических и синтаксических правил, формальная организация дискурса в каждой конкретной его точке не случайна. Как при создании, так и при интерпретации смыслов она во многом мотивирована внешними по отношению к значению языковых единиц факторами» [Бергельсон 2007: 37].

По мнению М. М. Бахтина, «Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определённым произведением, определённым человеком, поколением, возрастом, днём и часом. Каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своей социально напряжённой жизнью» [Бахтин 1975: 106]. Иными словами, весь комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, с одной стороны, порождает речь, а с другой – отражается в ней в своих существенных компонентах [Формановская 2007: 53].

В диссертации выделяются следующие наиболее значимые прагматические факторы, воздействующие на актуализацию табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках: *фактор социального статуса коммуникантов, вежливости, контекстуальной обусловленности, пресупозиционных установок, возрастной, пространственный и временной, гендерный и культурно-национальный факторы.*

Фактор социального статуса

Под термином «социальный статус», учёные понимают соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения [Карасик 1991: 3].

Человек как представитель конкретного социального института выступает в дискурсе от лица этого института в качестве обладателя определённого социального статуса, влияющего на его коммуникативное поведение. При этом личностные характеристики человека отступают на второй план: «Индивид является членом множества социальных групп. Его положение в каждой из них можно охарактеризовать с точки зрения роли и статуса. Место личности в социальном пространстве, наделённое конкретным статусом, – это его статусная позиция...» [Погольша 2011: 307]. Так, выбор средств общения индивид осуществляет соответственно правам, обязанностям и традициям, которыми наделена его статусная позиция.

В монографии «Язык социального статуса» В. И. Карасик на материале английского языка демонстрирует возможности выражения и описания социального статуса с точки зрения функционирования определённых вербальных и невербальных экспликаторов в языке коммуникантов, постулируя идею о том, что «высказывания, взятые в совокупности, являются речевым паспортом говорящего» [Карасик 1991: 5].

Ограниченные институциональными параметрами, участники дискурса исполняют предписанные им роли и выдерживают необходимую социальную дистанцию. Нарушение соотношения статусных позиций может намеренно использоваться одним из коммуникантов как приём, идущий вразрез с принципом «этикетизации» речи [Почепцов 1986: 87], если говорящий хочет нагрубить, оскорбить, принизить своего партнёра по коммуникации, выказать ему своё неуважение, умалить его культурную самодостаточность.

В качестве примера приведём цитату из немецкого ток-шоу «Hart aber Fair» [72]. Высказывание принадлежит представителю евангелистской церкви, который называет духовных наставников секты «*Verschlagene Manager des Bösen*»

(лукавые менеджеры зла) и её руководителя «*diesen Typ*». Так, вербально и невербально (положение тела, зрительный контакт, мимика, жесты) представитель церкви, участвующий в дискуссии в роли эксперта, подчёркивает социальную дистанцию, намеренно принижая статус оппонентов-сектантов.

Данный пример подтверждает заключение, к которому уже приходили исследователи межличностного взаимодействия из различных отраслей научного знания [ср.: Биби 2011; Ильин 2011; Танасов 2011], о том, что люди более склонны к общению с теми, кто принадлежит к одному с ними социальному классу. Отмечается также большая степень открытости общения равных по статусу представительниц женского пола, по сравнению с мужчинами. Так, женщины очень эмоциональны, используют целый ряд эпитетов и выразительных средств при экспликации табуированных речесмыслов, обусловленных личностно-тезаурусными табу. Мужчины, напротив, описывая ситуации из личного негативного опыта, более сдержанны и стараются не применять эмоционально-оценочные конструкции, прибегая к замалчиванию, обобщению и перифразу. Объяснением такому предпочтению также, на наш взгляд, может служить не менее важный гендерный фактор.

Гендерный фактор

Являясь социокультурной категорией, гендер тесно взаимодействует с другими параметрами – социальным статусом, возрастом. При этом гендер понимается исследователями как социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определённых качеств и норм поведения на основе его биологического пола [Вильданова 2008: 57].

Роль гендера, как отмечают учёные, в последние годы не считается столь радикальной, как это было на начальном этапе изучения в рамках нового научного направления в Европе и Америке в 70–80 гг. XX века. Между тем влияние гендерного фактора и на успешность кодирования, и на интерпретацию сегодня очевидно [Жданова 2007] .

Различия в коммуникации мужчин и женщин «в большей степени связаны с причинами вступления в коммуникацию, а не с манерой общения – то есть с вопросом, почему (с какой целью) общаются мужчины и женщины, а не с вопросом, как они это делают» [Биби 2011: 428]. Существуют доказательства того, что мужчины ориентированы на информацию, а женщины чаще общаются для того, чтобы устанавливать и поддерживать отношения с другими людьми, достигать взаимопонимания [Там же].

В связи с этим принято считать, что женщины более вежливы, чем мужчины. Чтобы проверить данную гипотезу, П. Браун провела изучение языка женщин и мужчин с учётом использования ими определённых маркеров вежливости и пришла к выводу, что уровень вежливости прежде всего зависит от социальных отношений участников коммуникации, при этом женщины действительно более вежливы, в то время как речь мужчин более сухая. Вследствие этого соответствующие группы речевых характеристик воспринимаются как фемининный и маскулинный коммуникативные стили [Brown 1980].

Считается, что в речи женщин выражается мягкость, скромность, вежливость, природная утончённость, поэтому женщинам приписывается склонность к созданию и более частому употреблению различных средств смягчения [Якубина 2010]. Так, в результате исследования было отмечено, что женщины, нарушая табуированный денотат при экспликации табуированных речесмыслов, как правило, употребляют этикетные формы извинения, а также языковые обороты, которые указывают на наличие коммуникативных ограничений: «*Ich weiß ja nicht solche... Worte... komme aus katholischer Klosterschule...*» («Я не знаю таких... слов... я сама из католической церковной школы»), «*Na, ehrlich muss ich sein*» («Ну, здесь надо быть честной»), «*Darüber möchte ich natürlich nicht sprechen, aber...*» («Об этом мне, конечно, не хотелось бы говорить, но...»), «*...etwas, worüber man nicht spricht und was man eigentlich nicht tut*» («...то, о чём не говорят и чего, собственно говоря, не делают») [46].

Стремление женщин использовать более «вежливый язык» отмечается многими авторами гендерных исследований и объясняет активное функционирование термина «женский язык», который так же активно подвергается критике [Lakoff 1975: 78]. Существуют мнения, что в основе предположений о «женском» и «мужском» языках лежат глубоко укоренившиеся языковые стереотипы, при том что сами языки не являются принципиально отличными, не образуют какого-то единого стиля и нормы [Ким 2007].

Стереотипное представление о женщине претерпело значительные изменения: это уже не домохозяйка, а деловая, энергичная женщина, составляющая конкуренцию мужчине. Она умна и образованна и приобретает всё больше «маскулинных» черт. В настоящее время приоритетами для женщин XXI века являются не только внешность, но и интеллект, профессионализм. Увеличение наименований профессий мужского рода для референтов-женщин – наглядное тому доказательство [Вильданова 2008: 72].

Такие трансформации детерминируют функционирование в межличностном общении табуированных речесмыслов, связанных с половой дискриминацией и подвергающихся определённой коммуникативной обработке в институциональной коммуникации.

Мы склонны считать, что гендерная принадлежность может сказываться на речи коммуникантов, выборе языковых, коммуникативных средств при экспликации табуированных речесмыслов. Безусловно, нельзя исключить влияния личностного фактора и индивидуальной предрасположенности представителя того или иного пола к определённому поведению. Однако это воздействие будет минимизировано в условиях институционального общения, где коммуникативный интерес представляет не отдельно взятая личность вне её социальных отношений, а целый институт, от лица которого выступает эта личность.

Фактор вежливости

В рамках институционального общения отношения между говорящим, слушающим и людьми, о которых идёт речь, выстраиваются согласно определённым требованиям. Человек должен быть вежливым, принимать во внимание интересы партнёра по коммуникации, его мнение и желания.

Вежливость является одним из наиболее важных принципов, стабилизирующих разговор, способствующих успешной реализации намерений людей при взаимодействии [Агапова 2004: 142]. Основное её содержание складывается из следующих смысловых компонентов: проявление уважения, симпатии, доброжелательности, внимания по отношению к собеседнику; готовность оказать услугу; сдержанность в выражении негативных оценок, эмоций и в обнаружении собственных достоинств; следование правилам поведения, принятым данной общественной средой [Кормилицына 1999: 257].

Большинство исследований, посвященных изучению дискурса, основываются на общих положениях теории вежливости (Р. Brown и S. Levinson, Н. Р. Grice, R. Lakoff, G. N. Leech, Т. В. Ларина и др.). Ведущий принцип теории вежливости заключается в том, что существует набор стандартных формул, позволяющих говорящему не задеть чувства собеседника и проявить своё умение пользоваться принятыми в обществе правилами вежливости. По мнению Дж. Лича, в использовании последних нет необходимости в дружеской беседе в отличие от официального социального взаимодействия, которое может быть поставлено под угрозу [Leech 1983].

П. Браун и С. Левинсон используют в своей теории понятия «сохранение/потеря лица», согласно которой «ликоугрожающие акты» очень распространены, поэтому коммуниканты прибегают к различным стратегиям, чтобы смягчить или завуалировать негативное содержание своих высказываний [Brown 1978: 66–74].

Говорить более вежливо, по прагматической теории Дж. Лича, значит использовать не прямые иллокутивные высказывания, которые являются более вежливыми, так как 1) они в меньшей степени связывают обязательства,

предоставляя возможность выбора (ответа, выхода из ситуации и др.); 2) чем более непрямым является высказывание/локуция, тем слабее иллокутивная сила [Leech 1983].

Согласно основополагающим трудам перечисленных авторов, вежливость представляет собой универсальную категорию, общепринятую для любой культуры. Однако её проявление диктуется не только соображениями культуры и особенностями личного характера. Категорию вежливости называют относительным понятием, которое во многом определяется правилами, принятыми в различных ситуациях общения, то есть то, что признаётся вежливым в одном коммуникативном контексте, может быть нейтральным в другом и неприемлемым в третьем [Ларина 2009]. В этой связи правила вежливости неоднократно корректировались и дополнялись.

Тесно связано с принципом вежливости понятие «этикетизации» как «формы нормирования речевого общения», которое, в свою очередь, осуществляется двумя приёмами: 1) повышение статуса партнёра и понижение собственного статуса; 2) выбор косвенных способов оформления речи (косвенное упоминание об определённых темах) [Почепцов 1986: 87], завуалированное выражение табуированных речесмыслов. Поэтому принцип вежливости характеризуют как основной фактор, стимулирующий образование и употребление эвфемизмов [Вильданова 2008: 34] и различных смягчающих языковых средств. Феномену коммуникативного смягчения, или митигации, посвящён ряд исследований, где речь идёт об использовании конкретных стратегий, с помощью которых говорящий смягчает свою речь и уменьшает тем самым возможные нежелательные эффекты для оптимизации речевого контакта, сохранения принципа вежливого взаимодействия [Фрезер 1980: 341; Тахтарова 2008: 101].

Вежливость обуславливает употребление средств не прямой коммуникации с целью сохранения табуированного денотата. Например, в немецком репортаже об одном из современных и самых крупных публичных домов в Европе «Alltag im Großbordell – Das Geschäft mit dem Sex» (Будни в большом

борделе – Секс как бизнес) номинации «*Prostituierte*», «*Hurre*» (*проститутка*), обозначающие статус работающих в таких заведениях девушек, используются журналистом только во время закадровой озвучки. В диалогах, однако, репортёр, интервьюируемые посетители и управляющий персонал борделя вежливо именуют сотрудниц «*Damen*», «*Mädels*», «*Mädchen*» (*дамы, девочки, девушки*) [32].

Кроме того, вежливость детерминирует использование участниками взаимодействия невербальных и вербальных средств, указывающих на наличие табуированного речесмысла. К таким дискурсивным маркерам относятся фразы типа «*Wenn ich es so sagen darf*» [69]; «*Ich hoffe, Sie nehmen mich nicht übel*»; «*Ich hoffe, es ist keine Unhöflichkeit meinerseits...*» [63] («Если я могу так выразиться»; «Я надеюсь, Вы не подумаете обо мне плохо»; «Я надеюсь, не будет невежливо с моей стороны...») и невербальные сигналы: интонация (понижение голоса и ускорение темпа речи); фонетическое искажение (намеренно невнятное произнесение нежелательной информации); мимика и жесты (зажимание рта ладонью, чтобы продемонстрировать, что грубое слово «вырвалось внезапно») и т.д.

Возрастной фактор

Фактор возраста как аспект дискурсивного процесса рассматривается в работах разных авторов с точки зрения влияния на коммуникативное поведение людей [Биби 2011: 429; Карасик 2002; Формановская 2007], на социальные отношения и восприятие представителями разных поколений тех или иных ценностей [Tannen 1990; Howe 2000], на формирование у людей определённых навыков и компетенций [Цейтлин 2000].

В силу своего возраста коммуникант обладает определённым культурным опытом, фоновыми знаниями, которыми может не располагать его партнёр по коммуникации, относящийся к иной возрастной группе. Последний может просто неправильно понять или, в принципе, не расшифровать табуированные речесмыслы, завуалированные, например, с помощью крылатого выражения. Это будет сигналом для второго коммуниканта, что его не понимают, что

партнёр по коммуникации «другой/чужой». Данное нарушение может привести к отстранённости собеседника от коммуникативного процесса, «недостаточной идентификации», искажению восприятия и, следовательно, коммуникативным неудачам [Погольша 2011: 282].

Так, например, номинация «*geil*» активно употребляется сегодня молодыми людьми в значении «*классный*». Однако представители старшего поколения смущённо или возмущённо реагируют, услышав её от собеседника, и стараются избегать в своей речи. Сленговая единица интерпретируется ими как табуированная со смыслом «*похотливый, озабоченный*», которым её не наделяет молодёжь.

Возрастной фактор определяет выбор тематики, коммуникативно-языковых средств, реализующих основную функцию, например, рекламного дискурса как двигателя торговли. Так, ориентация на молодого покупателя объясняет использование молодёжного сленга, жаргонизмов, экспликацию табуированных речесмыслов, связанных с особенностями полового созревания у подростков, зависимостью и одержимостью, проявлением сексуальности, беспорядочными половыми связями и т.д. В рамках рекламной кампании для России создатели ролика пива «Guinness», не прошедшего цензуру, обращаются к табуированной тематике сексуальной активности молодых людей, теме группового секса. Экспликация табуированных речесмыслов, обусловленных культурно-узуальным табу, осуществляется с помощью вербальных и невербальных средств. Слоган «*Поделись лучшим с другом... Или двумя*» («*Share one with a friend... or two*») представлен на экране вместе с изображением части обнажённого молодого женского тела,двигающегося в такт современной ритмичной клубной музыке, сопровождающейся фоновым шумом и множеством голосов. Так обозначен физиологический процесс. На спине у девушки находится бутылка с пивом, к которой с разных сторон тянутся мужские руки. Сексуальный подтекст письменного сообщения реализуется с помощью изображённого образа и детерминирует способ интерпретации слогана, построенного в виде обращения на «ты» [19].

Таким образом, от возрастных характеристик адресанта и адресата часто зависит выбор лингводискурсивных средств, способ интерпретации вербального и невербального содержания высказывания, а также тематика общения в целом и соотнесение её со сферами табу.

Фактор времени и пространства

«Локально-темпоральные характеристики» общения создают его каркас [Формановская 2007: 59], т.е. использование тех или иных языковых средств имеет свои пространственные и временные границы. Например, древнее табу, как отмечает А. М. Кацев, «служило мощным рычагом словотворческого процесса» [Кацев 1988: 11], иными словами, способствовало возникновению ряда иносказаний, слов-эвфемизмов. Исследователи отмечают всплески и спады такого словотворчества в различные исторические эпохи в зависимости от существования моральных устоев [Кацев 1977: 29].

Каждая эпоха, временной и пространственной отрезки определяют коммуникативный контекст сообщений, изменяют мотивы, цели, характер коммуникации. Таким образом, различное отношение участников коммуникации к одному и тому же явлению, обусловленное их принадлежностью к разным временным и пространственным измерениям, сказывается на выборе лингводискурсивных средств. Находясь на территории чужой страны, иностранец, вступая в коммуникацию с коренным жителем, вероятнее всего, будет чрезвычайно аккуратен в выборе номинаций, выражении своих эмоций (особенно отрицательных) как минимум до тех пор, пока находится в инокультурной среде и намерен избежать коммуникативного конфликта.

Категоричная реакция партнёра по коммуникации, выраженная в грубой форме с использованием, например, обсценной лексики, может быть обусловлена временным фактором. Восприятие времени и пространства при этом, несомненно, зависит от культурных особенностей коммуникантов. В русской культуре, например, поздний телефонный звонок или звонок по

рабочим вопросам во вне рабочее время иногда вполне уместен (даже в институциональной сфере), в то время как для немецкой культуры он абсолютно неприемлем.

Важным показателем влияния временного фактора на функционирование и экспликацию табуированных речесмыслов является понятие «перенос значения» («Bedeutungswandel») [ср.: Luchtenberg 1985; Balle 1990; Zöllner 1997; Rada 2001]. Изменение ценностей в обществе во временном континууме приводит к разрушению многих культурно-узуальных табу, в результате чего некоторые темы перестают быть запретными и их обсуждение в дискурсе не представляет препятствий для его участников. Так, тему секса и гомосексуализма во многих европейских культурах коммуниканты не будут интерпретировать как культурно-узуальное табу. Функционирование табуированных речесмыслов здесь, скорее всего, будет обусловлено наличием личностно-тезаурусных табу, оставшихся как пережитки прошлого этапа развития общества или сформировавшихся как личные комплексы и убеждения.

С течением времени понятия утрачивают прежние и приобретают новые значения. То, что воспринималось как табу вчера, сегодня может не являться таковым, и наоборот. Вспомним, например, об экспликации в рекламном дискурсе табуированных речесмыслов, связанных с физиологическими процессами, расстройством желудка. Номинация «*понос*» до недавнего времени обозначалась с помощью медицинского термина «*диарея*». Однако теперь можно наблюдать рекламные ролики итальянского препарата «Имодиум», где проблема дисфункции кишечника именуется прямо. Это говорит о том, что существительное «*понос*», вероятно, утратило характер культурно-узуального табу и не принадлежит больше к разряду чего-то «постыдного» [10]. В целом прослеживается тенденция перехода табуированных физиологических процессов человеческой жизнедеятельности и их именовании из разряда табу в категорию «что естественно, то не безобразно». В немецкой культуре такая тенденция, скорее, является закономерностью. Например, действие, которое

немцы именуют как «*sich die Nase putzen*» (*очищать себе нос, высмаркиваться*) и открыто производят в условиях любой коммуникативной ситуации, в том числе институциональной, всегда представлялось русским неприличным и прежде вызывало недоумение или даже шок.

Таким образом, с изменением пространственных и временных показателей, составляющих каркас дискурсивного взаимодействия, изменяются и прочие компоненты данного процесса. Конкретная тематика теряет или приобретает табуированный характер, по-разному воспринимается коммуникантами, которые, исходя из актуальных условий общения, выбирают определённые способы экспликации речесмыслов.

Фактор пресуппозиционных установок

Пресуппозиция – термин, который имеет богатую традицию исследования в рамках семантики и прагматики (Н. Д. Арутюнова, М. Л. Макаров, G. Frege, J. Katz, E. Keenan, G. Lakoff, P. Postal, P. Strawson, G. Yule). Пресуппозиция с точки зрения семантики – это особая разновидность семантического следствия [Макаров 2003: 132]. Она предшествует высказыванию и связана в предложении с конкретными словами или элементами синтаксической структуры [Yule 1996: 28]. Г. Фреге определяет её, например, как предпосылку, которая не входит в смысл высказывания [Frege 1952: 69].

В прагматическом аспекте пресуппозиция – элемент общего знания говорящего и слушающего [Падучева 1977: 101], условия эффективности речевого акта [Арутюнова 1973: 88], представления коммуникантов о контекстуальных условиях актуализации высказываний в дискурсе и их интерпретация [Макаров 2003: 135].

Фактор пресуппозиционных установок – это сложный прагматико-психологический комплекс из ожиданий, предположений, впечатлений, фоновых знаний и т.д., которым обладают коммуниканты и который определяет отношение говорящего к слушающему, к теме дискурса, к конкретной коммуникативной ситуации.

Заинтересованность в успешности коммуникации, желание достичь коммуникативной цели непременно сказываются на выборе языковых средств, поскольку «полное устранение личностного начала в институциональном общении возможно только в рамках теоретической модели» [Олешков 2013: 157]. В реальном общении его участники всегда испытывают чувство неприязни или симпатии, пытаются подстраиваться или манипулировать, ожидают от партнёра по коммуникации определённой реакции или поведения, выстраивают дискурс согласно своим пресуппозиционным установкам.

Исследователи отмечают, что «склонность некоторых людей видеть в других только самое худшее проявляется в их вербальной агрессии и нелестных оценках» [Погольша 2011: 310]. Иначе говоря, готовность реагировать на те или иные типы партнёров по взаимодействию обусловлена имеющимися опытом общения, оценками и переживаниями их сущности, взглядов и поведения [Бойко 2004].

Так, например, большинство рекламных кампаний торговой марки «Benetton» строятся на разрушении таких культурно-узуальных и межкультурно-обусловленных табу, как домашнее насилие, нетрадиционная сексуальная ориентация, СПИД, аборт, расизм, геноцид и т.д. [Приложение. Рисунок 1, 2: 239]. Не показывая свой продукт в рекламных роликах, обращаясь к провокационным темам, «Benetton сформировал ассоциацию своего бренда с представлением конфликтов и боли» [Pekelny 2010]. Реакция на фотографии, использованные в визуализациях «Benetton», зачастую бывает очень бурной, агрессивной. В некоторых странах, как известно, отказывались публиковать многие рекламные кампании этого бренда. Между тем уровень продаж торговой марки неизменно увеличивался с выходом новых роликов, ориентированных на экспликацию табуированных речесмыслов, как правило, в рамках дискурсивной практики детабуирования. Именно эти сюжеты стали частью рентабельного предприятия и источником дохода. Ожидания владельца бренда и имиджмейкеров каждый раз

оправдывались благодаря клишированным действиям, выработанным на основе личного опыта.

Таким образом, пресуппозиционные установки коммуникантов определяют контекст репрезентации табуированных речесмыслов, влияют на их актуализацию в рамках дискурсивных практик табуирования и детабуирования, позволяя адресату выявить и правильно интерпретировать скрытый или завуалированный адресантом фрагмент действительности.

Культурно-национальный фактор

Культурно-национальная принадлежность участников межличностного взаимодействия – это определяющий специфику дискурса признак, он широко рассматривается в перспективе межкультурной коммуникации (С. Г. Агапова, С. А. Биби, Т. Г. Грушевицкая, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Л. В. Куликова и др.).

Межкультурную коммуникацию исследователи понимают как межличностное общение между представителями различных культурных, а также субкультурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнёров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия [Куликова 2010: 68]. Иными словами, межкультурная коммуникативная среда изначально предполагает функционирование табуированных речесмыслов, возникающих из-за культурных различий, сформировавшихся этнических предубеждений и стереотипов, желания скрыть важную информацию от «чужих» и т.д. Так, тема, явление, понятие, высказывание, воспринимаемые нейтрально представителями одной культуры, могут в условиях межкультурной коммуникации наполниться табуированными речесмыслами, которые определённым образом реализуются в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования.

В рамках данной работы мы определяем любую коммуникативную, речевую деятельность, направленную на инокультурную чужеродность любого субъекта в любом её аспекте, как *межкультурный дискурс*.

В межкультурном дискурсе экспликация речесмыслов в целом и коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в частности тесно связаны с речевыми, коммуникативными особенностями представителей конкретной культуры, языкового коллектива, так как в основе поведения различных народов лежат разные системы ценностей.

Например, в одних языковых культурах важны прямота и откровенность, в других на первый план выходят соображения вежливости, заставляющие говорящих прибегать к перифразам, уклончивым оборотам, разного рода смягчениям [Психология общения: электрон. ресурс].

Поскольку в рамках данной работы мы имеем дело преимущественно с немецкоязычным и русскоязычным межкультурным дискурсом, следует отметить основные характеристики норм общения в этих лингвокультурах. Так, немецкому дискурсу атрибутируют категоричность высказываний, нарушение традиционных, стереотипных формул вежливости при возрастающей роли лингвокреативных возможностей коммуникантов [Тахтарова 2008: 100].

Для русского дискурса характерно понимание общения как включающего не только обмен информацией (разговор), но и представление об общности (друзья), о взаимопроникновении (беседа по душам) и о положительном отношении к самому общению (возможность высказаться и обрести душевное равновесие). Свойственные русскому характеру в целом и русскому дискурсу в частности бескорыстность, задушевность, искренность, доверительность и интенсивность взаимодействия составляют «специфическую ценностную парадигму, обуславливающую своеобразное отношение к миру», и поэтому нередко воспринимаются представителями иных лингвокультурных сообществ как нежелательные и обременительные (в оценке носителей западноевропейской культуры) или даже шокирующие (с точки зрения представителей восточноазиатской культуры) [ср.: Касьянова 1994; Ментальность россиян ... 1997: 71]. Такие расхождения объясняют функционирование табуированных речесмыслов в межкультурном дискурсе и влияют на их актуализацию в дискурсивных практиках, поэтому одним из

условий достижения взаимопонимания здесь является осмысление и сопоставление национальных особенностей тех дискурсов, которые лежат в основе речевого поведения коммуникантов.

На вопрос об актуальных на сегодняшний день табу в немецкой культуре, так же как и в русской, совсем нелегко ответить, потому что, в отличие от ярко выраженных табуируемых действий и поступков (например, инцест), их трудно сформулировать, ведь об этом не говорят. При этом некоторые исследователи полагают, что как только табу вербализуется, оно перестаёт быть табу, а является лишь коммуникативной стратегией, используемой для укрытия «настоящего, индивидуального табу», о котором не говорят и которое не совершают [Türcke 1994: 53].

Исследователь К. Зейбель, проводившая соцопрос на тему табу, пришла к выводу, что люди более охотно называют известные им культурно-узуальные табу, при этом умалчивая о своих личностных. Однако результаты соцопроса варьировались в зависимости от образования опрошенных, а также их принадлежности к определённой возрастной и гендерной группе [Seibel 1990: 70].

В 1987 году на 35-м конгрессе по психологии в Гейдельберге специалист-психолог из Дортмунда Бернд Гаш представил топовый список тем, подвергающихся табуированию в Германии. Сюда он отнёс: привычки, связанные с гигиеной; сексуальное поведение взрослых и детей; действия, вызывающие чувство стыда и стеснение; политические мнения; фантазии и сны; агрессивные соображения; менструацию; внешний физический вид и парапсихологию (Toilettengewohnheiten, Sexualverhalten als Erwachsener, Sexualverhalten als Kind, beschämende Vorgänge und Blamagen, politische Meinungen, Phantasien und Tagträume, aggressive Gedanken, Menstruation, Körperbild und Parapsychologie) [Wingen 1987: 12].

На сегодняшний день такая последовательность тем в списке и список сам по себе не очевидны. Никто больше не причисляет к коммуникативным табу строение тела или парапсихологию, в то время как табуирование ряда

физиологических процессов, телесных выделений и т.д. имеет место. Табуирование некоторых личностей и имён сохранилось в современном обществе лишь частично (например, в спортивном, религиозном дискурсах); табуирование различных областей человеческой жизни, напротив, чрезвычайно актуально (зачатие и роды, аборт, конец жизни, смертельные болезни, проявление сексуальности, пищеварение и метаболизм, физические дефекты и недостатки и т.д.) [Leisi 1993: 26].

Одним из наиболее постоянных и не утрачивающих своего значения, воспринимаемых относительно одинаково в разных культурах в современном обществе остаётся табу «инцест». Затрагивается данная тема только из соображений интереса общества, государственной необходимости и т.д.

Многие темы частично или полностью утратили свою значимость как табу. Так, Г. Кальтебруннер отмечает, что в немецком обществе высказывания в адрес Папы Римского или даже насмешки уже в меньшей степени подвергаются табуированию, чем прежде. При этом редко кто открыто причисляет себя к капиталистическому строю, противнику демократического режима или приверженцу фашизма [Kaltebrunner 1978: 10]. Тему демократии К. Бёллинг также считает табуированной, подчёркивая, что обсуждать недостатки и упущения в её системе носители немецкой культуры готовы только в рамках определённых государственных учреждений, в то время как в других странах такие дискуссии достаточно открыты [Bölling 1965: 375]. С этим исследователь соотносит табуирование такого понятия, как элита, говоря о его негативном восприятии приверженцами демократии. Кроме того, в этот ряд табу входит законодательство, которое, по мнению К. Бёллинга, имеет непосредственное отношение к национал-социалистическому прошлому [Там же: 377]. Эту точку зрения поддерживает Р. Дарендорф. Он обращает внимание на тот факт, что существует огромное количество табу, связанных с демократией, поскольку в традициях политиков умалчивать о многих конфликтах и личных разногласиях, чтобы поддерживать видимость сплочённости и единства народа [Dahrendorf 1961: 73].

Относительно совпадают мнения о табуированности самой истории Германии и чувстве патриотизма в целом, так как здесь прослеживается тесная взаимосвязь не только с национал-социализмом, но и антисемитизмом, общей враждебностью к иностранцам. Что касается объединения ФРГ и ГДР, то, по мнению многих исследователей, здесь табуированными темами являются: взаимоотношения до и после воссоединения, нетерпимость к «другим» и недовольство объединением.

Несмотря на общественную прогрессивность и терпимость, тема сексуальных извращений, изнасилования, рукоприкладства в семье, педофилия, зоофилия, секс с пожилыми людьми и несовершеннолетними остаются табу. Многие темы, связанные с данными понятиями, намеренно табуируются в средствах масс-медиа, вызывая недостаток осведомлённости и недостаток языковых средств для экспликации табуированных речесмыслов, обусловленных такими табу. В случае с абортom не говорят открыто о техниках проведения подобных операций, жертвах неудачных абортов и рисках для материнства; в случае генной инженерии – генотерапии, вмешательстве в развитие зародыша, анализе генома, исследовании эмбриона. Дефицит информации о таких понятиях считают гарантом их табуированности [Necht 2000: 55].

В русской культуре на сегодняшний день сферами, подвергающимися табуированию, являются: некоторые личности и имена собственные [Рутер 2007: 17] (осуждается упоминание «всеу» названий божества, основных религиозных и общечеловеческих святынь, использование этих имён в сугубо «мирских целях» [Жельвис 2001: 21]), «этнонимы, к народам-носителям которых складывалось определённое (как правило, негативное) отношение» [Кашкин 2005: 247], местности, продукты питания, секс, интимная жизнь, телесная нечистота, одержимость, бедность, неравенство, коррупция, насилие, смерть [Алимжанова 2010], различные заболевания, «человеческие органы и действия, имеющие, в первую очередь, отношение к деторождению и удалению

отходов жизнедеятельности» [Жельвис 2001: 21] и др. [ср.: Кацев 1986, 1988; Стернин 1996; Кострова 2003; Сухих 2005; Цурикова 2005; Ковшова 2007].

Исследователи регулярно оглашают, пересматривают, пополняют список табуированных тем и акциональных сфер в разных культурах. Эти темы постоянно варьируются, поскольку оценка одних и тех же понятий со стороны общества меняется с течением времени и зависит от ряда прагматических факторов.

Тема гомосексуализма в русской культуре начала восприниматься более терпимо совсем недавно, по сравнению с западной. Поэтому носители русской культуры зачастую по привычке избегают прямых номинаций в рамках данной тематики, в отличие от немцев, которые не только не стесняются говорить о нетрадиционной ориентации как о естественном состоянии, но и не скрывают принадлежности к ней «первых лиц», высокопоставленных чиновников. Так, достаточно вспомнить об известной, ставшей крылатой фразе бургомистра Берлина Клауса Воверайта *«Ich bin schwul und das ist gut so»* («Я гомосексуалист, и меня это вполне устраивает») [53] или интервью с бывшим министром иностранных дел Гидо Вестервелле (Guido Westerwelle) в газете «Süddeutsche Zeitung» под названием *«Bald ist Schwulsein selbstverständlich»* («Скоро гомосексуализм станет обыденностью») [35] и т.д.

Табуированные темы и сферы в русской и немецкой культурах, в общем, перекликаются или полностью совпадают. Однако есть и некоторые расхождения. Например, для носителя немецкой культуры патриотизм, демократия, история страны и др. связаны с рядом культурно-узуальных табу. Для носителей русской культуры – это понятия, которыми принято гордиться и о которых принято говорить прямо.

Часто различна интенсивность табуирования одних и тех же тем и акциональных сфер в немецкой и русской культурах. Х. Шрёдер, говоря о степени табуированности, условно определяет следующие границы:

- «об этом вообще не говорят и этого не делают», например, *инцест*;
- «об этом не говорят открыто, но совершают», например, *аборт*;

- «вообще этого не делают, но если всё же это делают, то говорят об этом, подменяя понятия», например, *операция* вместо *война* [Schröder 2003: 311–312].

Таким образом, прослеживаются общие тематические поля, в рамках которых возникают, функционируют и утрачивают свою специфику табуированные речесмыслы. Это области, затрагивающие почти все сферы жизни человека и развития общества в любой культуре: работа и право, демократия и повседневная жизнь в обществе, ценностные и моральные установки и т.д. Тематические поля достаточно универсальны, однако восприятие данных тем, личностное отношение к ним, интенсивность табуирования варьируются от культуры к культуре, сказываясь на репрезентации табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования.

Фактор контекстуальной обусловленности

В коммуникативной традиции контекст понимается достаточно широко и представляет собой комплекс физических, психологических и социально-культурных условий осуществления коммуникативного взаимодействия [Матьяш 2011: 34]. То есть контекстуальный фактор в целом складывается из совокупности перечисленных прагматических аспектов актуализации табуированных речесмыслов.

Контекст – необходимая среда для непрерывного процесса смыслообразования и сложного процесса интерпретации. Так, О. А. Леонтович отмечает: «Динамичность культурно маркированных смыслов, неопределённость и размытость их границ, с одной стороны, создают неисчерпаемые возможности для их разворачивания в контексте, а с другой – затрудняют их восприятие и интерпретацию. Формируясь как результат действия множественных факторов, они не являются простой суммой культурно-специфических значений, реализуемых в контексте, так как совокупность порождает новое качество» [Леонтович 2011: 139].

Любая коммуникативная ситуация задаёт контекст и воспринимается по-разному в зависимости от него. «Уместно поэтому говорить не только и не столько о типологии контекстов, сколько о многообразии контекстов, выделяемых коммуникативными партнёрами...» [Матьяш 2011: 37].

Табуированные речесмыслы интерактивны, динамичны и контекстуально обусловлены; стилистические фигуры и тропы, идиомы и фразеологизмы, языковая игра, приёмы создания двусмысленной речи, невербальные маркеры используются для их актуализации. При этом шутка, ирония, намёк способны в другой коммуникативной ситуации выражать насмешку, издёвку, сарказм, указывать на негативный подтекст, фоновую информацию, связанную с личным негативным опытом участника дискурса; грубая, оскорбительная номинация может выполнять функцию похвалы. Только контекст «позволяет понять, какой речевой акт осуществляется говорящим» [Ковшова 2007: 144].

Так, например, номинация *«монстр»* в восклицательном предложении *«Ну Вы и монстр!»* по отношению к человеку-трудоголику, быстро справляющемуся с большой нагрузкой, не будет являться пейоративной. Говорящий таким образом делает комплимент, с долей иронии высказывает своё восхищение адресату.

О. В. Коняхина отмечает: «Фактор контекста как совокупности семантических, синтаксических и прагматических условий актуализации пейоративных сем играет ведущую роль при изучении вторичной оценочности слова, контекстуальная обусловленность которой проявляется в определённой смысловой зависимости от окружения, как языкового, так и ситуативного» [Коняхина 2005: 5]. Систематизируя ряд исследовательских работ, посвящённых изучению контекста, автор рассматривает указанное понятие «в аспекте синтеза языковых и внеязыковых обстоятельств коммуникации, способствующих адекватному пониманию смысла» [Там же].

Таким образом, фактор контекстуальной обусловленности представляется значимым с точки зрения его возможности интегрировать ряд прагматических условий и оказывать влияние на актуализацию табуированных речесмыслов в

дискурсивных практиках, а также на восприятие и интерпретацию полученного сообщения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Одной из причин осложнённой актуализации речесмыслов в коммуникации является функционирование разного рода табу. Несмотря на широкое употребление данного термина, его единое понимание отсутствует. При этом проанализированный теоретический материал позволяет говорить о наличии узкого и широкого подходов к определению понятия. Согласно первому, табу понимается как словесный запрет; согласно второму подходу – как явление коммуникативного порядка.

Придерживаясь второго понимания, мы соотносим табу с необходимостью избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний.

Дискурсивное табуирование осуществляется на трёх уровнях: приватном (личностном), интракультурном и интеркультурном. На данных уровнях функционируют, соответственно, личностно-тезаурусные, культурно-узуальные и межкультурно-обусловленные табу. Личностно-тезаурусные табу основываются на системе знаний о действительности, которыми располагает коммуникант, и определяют не только индивидуальный выбор тем, языковых средств, невербальных знаков, но и поведение говорящего в целом. Культурно-узуальные табу базируются на разделяемых членами одного культурно-национального сообщества представлениях о нежелательном, неприемлемом и запретном, на национальных традициях, ценностях и установках, различающихся у носителей разных культур. Такие расхождения объясняют возникновение межкультурно-обусловленных табу. Поэтому тема, высказывание, номинация, которые воспринимаются нейтрально представителями одного этноса, могут быть расценены в интеркультурной

коммуникативной ситуации как неприемлемые и запретные, наполниться табуированными речесмыслами.

Табуированный речесмысл определяется как эксплицированный в коммуникации фрагмент действительности, интерпретируемый субъектом взаимодействия в конкретной дискурсивной ситуации как коммуникативное ограничение (табу) с учётом определённого пресуппозиционного фона его участников.

Табуированные речесмыслы динамичны, конвенциональны, ситуационны, контекстны; они возникают, воспроизводятся и изменяются в процессе коммуникации в рамках двух дискурсивных практик в отношении экспликации табуированного денотата: табуирования (сохранение табуированного денотата) и детабуирования (нарушение табуированного денотата). Актуализация табуированных речесмыслов определяется уровнем дискурсивного табуирования, видом табу.

Кроме того, репрезентация табуированных речесмыслов зависит от сферы дискурсивного взаимодействия. В институциональном дискурсе речь подвергается сознательному нормированию в соответствии со статусно-ролевыми отношениями, конвенциональными правилами, контекстуальными ограничениями, что, соответственно, сказывается на частоте функционирования разноуровневых табу.

Поскольку масс-медиаальный дискурс представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных, порой конфликтующих между собой дискурсов в рамках определённого речевого пространства, это позволяет рассматривать его в контексте характеристик интердискурсивности. Интердискурсивная среда в целом и взаимодействующие типы институционального дискурса в частности также влияют на актуализацию табуированных речесмыслов.

В работе институциональные дискурсы рассматриваются через призму их представленности в медиа-пространстве, что, соответственно, вносит свои коррективы в характеристики определённых дискурсов, но при этом

предоставляет возможность расширить эмпирическую базу и аналитический спектр исследования.

Ряд прагматических факторов детерминирует ситуации проявления в речи коммуникативных табу. К наиболее значимым из них мы относим следующие факторы: социального статуса, пресуппозиционных установок, контекстуальной обусловленности, вежливости, пространства и времени, национально-культурный, возрастной и гендерный.

Фактор социального статуса оказывает непосредственное влияние на уровни табуирования. Кроме того, в случае принадлежности к одному социальному классу и возрастной группе коммуниканты более склонны к общению, их речь более прямая и открытая. Вежливость «стимулирует» использование коммуникативно-языковых средств, направленных на сохранение табуированного денотата. Следование принципу вежливости часто соотносится с влиянием гендерного фактора и атрибутируется представительницам женского пола. С другой стороны, речь женщин более эмоциональна, что сказывается на нередком предпочтении дискурсивной практики детабуирования. Однако, нарушая табуированный денотат, женщины практически всегда используют языковые обороты, указывающие на наличие коммуникативных ограничений. Фактор времени и пространства является решающим при идентификации табу, так как понятия утрачивают и приобретают свои значения с развитием общества. Тематические поля, в рамках которых возникают, функционируют и теряют свою специфику табуированные речесмыслы, достаточно универсальны, однако восприятие данных тем, интенсивность табуирования детерминированы культурно-национальным фактором. Фактор пресуппозиционных установок определяет отношение говорящего к слушающему, к теме дискурса и включает целый комплекс из ожиданий, предположений, впечатлений, фоновых знаний. Фактор контекстуальной обусловленности объединяет ряд прагматических условий и оказывает влияние на актуализацию табуированных речесмыслов в

дискурсивных практиках, а также на восприятие и интерпретацию полученного сообщения.

Под воздействием перечисленных факторов, в зависимости от уровня дискурсивного табуирования, вида табу и типа институционального дискурса в общении происходит коммуникативная обработка табуированных речесмыслов, которая понимается в работе как комплекс коммуникативно-языковых действий, направленных на предотвращение сбоя (провала) в межличностном взаимодействии или корректировку нежелательного дискурсивного эффекта. В рамках каждой дискурсивной практики используются различные лингвокоммуникативные средства, реализующие способы сохранения или разрушения табуированного денотата.

Следующая глава посвящена анализу эмпирического материала, позволившему выделить ряд способов и приёмов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНАЯ ОБРАБОТКА ТАБУИРОВАННЫХ РЕЧЕСМЫСЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

2.1. Языковые средства выражения табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования

Проведённое исследование позволило сделать выводы о том, что табуированные речесмыслы, детерминированные разными видами табу, эксплицируются в дискурсивных практиках дифференцирующими разноуровневыми языковыми средствами.

Табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусными табу, проявляются преимущественно в рамках дискурсивной практики табуирования (и крайне редко репрезентируются в дискурсивной практике детабуирования) с помощью таких фонетических средств, как паузы хезитации, изменение темпа и понижение тона речи.

На лексико-стилистическом уровне табуированные речесмыслы, детерминированные личностно-тезаурусными табу, как правило, выражаются посредством:

- антонимической (оценочной) лексики (часто с отрицательными частицами), например: «*sie war nicht besonders... ausländischerfreundlich*» («*ausländerfreundlich*» вместо «*ausländerfeindlich*» в описании мигрантом поведения учительницы) [55]; «*красотка*» вместо «*плохо выгляжу*»; «*die Menschen leben nicht lange*» (жертва облучения использует глагол «*leben*» вместо «*sterben*», говоря о смерти из-за онкологических заболеваний) [71];

- сравнений и метафор: «*mein Leben... so wie ein stürmischer Meer*» (чередa неприятных жизненных событий сравнивается со штормовым морем) [51]; «*Das Restaurant in Neptun war so unerreichbar wie der Mond*» (несостоятельность, недостаток денежных средств у простого рабочего передаётся им через сравнение высоких цен в ресторане с недостижимостью Луны) [81]; «*Ich habe überlebt wie eine Katze!*»

(пережившая холокост женщина-еврейка сравнивает себя с кошкой–обладательницей нескольких жизней) [51]; «*dass er seinen emotionalen Rucksack ein bisschen ablegen kann*» (негативный личный опыт молодого человека, связанный с тяжёлым расставанием с девушкой, передаётся с помощью словосочетания «эмоциональный рюкзак») [44]; «*Geschlossene Gesellschaft der Lehrer*» (словосочетание «*Geschlossene Gesellschaft*» используется для обозначения закрытого общества, круга гостей; в фильме с одноимённым названием основной принцип данного явления переносится на характеристику учебного заведения, где скрывались случаи массового насилия над детьми) [46];

- лексических повторов: «*...weil es einfach so undenkbar, christlich undenkbar ist*» [46]; «*Ich meine, Gewalt gab's in meiner Ehe nicht... Ja, es gab so Ausrasten bei mir, wo ich rumgeschrien habe, rumgebrüllt habe... verbale Gewalt, aber keine körperliche Gewalt, das gab's bei mir nicht*» [31];

- риторических вопросов и восклицаний: «*wie soll ich es Ihnen erklären?*»; «*wie soll ich jetzt das sagen?*»; «*Mensch!*»; «*Oh, Gott!*» [44];

- гиперонимов вместо гипонимов, например «*bei seinem Geschlecht*» (собирательное существительное, обозначающее «пол», а также «половые органы» используется вместо номинации «*Penis*», когда одна из жертв сексуального насилия описывает физиологический процесс) [46];

- специальных терминов: «*Rückfall*» (для обозначения потери или прибавления в весе у пациенток с нарушением пищевого поведения) [60]; «*Suchtstruktur*» [84]; «*Frustration*» [51]; «*Selbstbefriedigung*» [46];

- слов с диффузной семантикой, например: «*ein bisschen*», «*etwas*» (для создания неполноты признака или действия);

- модальных слов с семантикой возможности, вероятности, сомнения, предположения, вводных предложений и частей предложения с умолчаниями и эллипсисами: «*vermutlich*»; «*wenn ich es so...*»; «*weil in diesem Geschäft ... vielleicht ... ein bisschen ... einiges gefehlt hat ...*» [79];

Значительно реже табуированные речесмыслы, детерминированные личностно-тезаурусными табу, выражаются на данном языковом уровне посредством:

- просторечий и вульгаризмов, пейоративных номинаций: «*Du wirst noch mal in der Gosse enden!*» (одна из высокопоставленных женщин-политиков цитирует слова своей матери, употребляя просторечное выражение «*умереть под забором*») [58]; «*Scheiße!*»; «*Schwanz lutschen*» (молодой мужчина описывает сексуальные домогательства бывшего учителя) [46]; «*total beklopft*» (словосочетание сопровождается жестом, постукивание пальцем по лбу, что усиливает экспрессию грубого просторечного выражения, характеризующего человека, «*съехавшего с катушек*») [58]; «*er sieht wie gefickter Hamster*» [58]; «*das fing ich schon sehr früh an... da war ich schon sehr früh versaut...*» (партиципная форма грубого разговорного глагола используется говорящим в высказывании о прошлом, связанным с алкогольной зависимостью) [58];

- экспрессивных прилагательных и других лексических единиц, которые обозначают эмоциональные состояния и чувственно или оценочно воспринимаемые признаки (зачастую усиленных частицами и наречиями): «*Es war natürlich schrecklich!*» [51]; «*...ist ja völlig deplatziert!*» [79]; «*Meine Frau Sara und ich waren unglaublich aufgebracht*» [50]; «*Das tut doch Weh!*» [75];

- сложных составных существительных с негативно-коннотированными лексемами: «*ein Schockmoment*» [46]; «*Das war ein Alptraum!*» [51]; «*Es war ein Schockerlebnis!*» [41] (можно отметить в этом случае достаточно частое использование эмоционально-оценочной номинации «*Schock*»).

На морфологическом уровне частотны:

- формы сослагательного наклонения Konjunktiv I, II: «*das hätte ich nicht so gerne...*»; «*Ich würde aber nie laut sagen...*» [58]; «*...und dann... wäre, glaub ich, Deutschland nicht mehr da... uns gäbe es gar nicht mehr...*» [41]; «*Was das jetzt im Kriegsfall wäre, wo jeder gegen jeden... ah... o'k... Dann hätte ich das...tun müssen, ne?*» [33];

- безличные конструкции: «...*warum es so gekommen ist, wie es ist...*» (так мужчина завуалированно говорит о своём увольнении, избегая лексических единиц, прямо выражающих денотативное содержание) [56];

- образование путём сложения основ сложных существительных, например: «...*ganz klar, dass es passiert, weil es solche Emotionalsituation gibt*» (участница ток-шоу рассказывает о сложившейся ситуации в семье, о том, что муж её избивает) [64];

- образование суффиксальным способом абстрактных существительных, выражающих эмоциональное восприятие, оценку, например, какого-либо события: «*Schrecklichkeit der Sache*»; «*meine Blindheit*» (означает нежелание замечать нападки со стороны коллег) [46];

- усечённые формы предложений (с опущением главных членов): «*2 Kinder, kein Mann, alles in Ordnung!*» [67]; «*Sie sind charmant und alles schön und gut, aber...*» [63];

- определённый артикль среднего рода в функции указательного местоимения «*das*» в сочетании с глаголами широкой семантики «*machen*», «*tun*» (вместо табуированной лексики или для наименования какого-либо табуированного действия); например, жертва насилия применяет вместо глагола «*vergewaltigen*» – «*das tun*» [46].

Реже применяются:

- аббревиатуры: «*PP*» (сокр. от «*Place Persons*», используется бездомной) [51];

- формы изъявительного наклонения: «...*dass er so was mit den kleinen Puppen machen kann...*» [46].

На синтаксическом уровне табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусными табу, актуализируются преимущественно в сложноподчинённых предложениях с пояснительными вставными конструкциями и разными видами придаточных (чаще определительными и изъяснительными): «...*es war ein Moment, in dem ich nichts mehr tun konnte*»; «*Damit meine ich nicht die Handlung, die manche Erwachsene miteinander machen, weil sie das erregend finden...*» [46]; «*Und wie ist es für Sie, Paul, eine Frau zu haben, die... jetzt sag ich einmal ein*

bisschen böse, die nichts anderes in ihrem Leben gesehen hat, als ihre Kinder?» (вопрос журналиста адресован мужчине, отцу 8 детей) [36].

Кроме того, экспликация табуированных речесмыслов, детерминированных личностно-тезаурусными табу, как правило, сопровождается дискурсивными маркерами, которые указывают на нежелание говорящего затрагивать определённую тему, отвечать на заданный вопрос и т.п., например: *«Darüber möchte ich lieber nicht reden»*; *«Das lasse ich jetzt mal hingesteckt»*; *«Lassen wir das»* [79] (*«Об этом мне говорить не хотелось бы»*; *«Это я, пожалуй, утаю»*; *«Давайте оставим эту тему»*) и т.п. Иногда в состав таких формул входит номинация *«privat»*, выступающая в роли прилагательного или составной части сложного существительного: *«Das ist ein Privatgespräch, das gehört nicht...»*; *«Das ist privat. Darüber spreche ich nicht in der Öffentlichkeit»* [79] (*«Это приватный разговор, об этом не...»*; *«Это личное. Я не буду говорить об этом на публике»*). Часто отказ от коммуникации выражается лишь посредством замалчивания и невербальных сигналов: жестов, телодвижений (например, отрицательное покачивание головой, отстранение от себя рукой видеокамеры), определённой мимики, изменения дистанции между общающимися (отойти в сторону, нарочито отвернуться от партнёра по коммуникации) и др.

Табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу, более предсказуемы, достаточно просто распознаются коммуникантами из одной лингвокультуры и частотно эксплицируются в обеих дискурсивных практиках с помощью:

- интонационного выделения, долгого произношения определённых слов, непродолжительной паузации;
- фонетических аллюзий: *«Wenn Sie es sagen... über Guido Westerwelle: Der ist nicht dilettantisch, sondern der ist dilettuntisch...»* (прилагательное *«dilettuntisch»* содержит намёк на близкозвучное существительное *«Tunte»*, обозначающее женоподобных гомосексуалистов) [58];
- общеязыковых конструкций-клише, обобщающих, выражающих оценку сказанного, указывающих на широкую известность и доступность информации,

к которой обращается говорящий: *«man sagt, dass...»*; *«sozusagen»* [42]; *«...dass man sich dafür schämt»*; *«das ist typisch»* [79]; *«es ist ganz gut bekannt, dass...»* [32]; *«alle wissen, dass...»* [58];

- юридических и общеязыковых терминов, частично вуалирующих табуированный денотат; лексических единиц высокого, книжного стиля: *«Missbrauch»* [75]; *«kritische Beurteilung»*; *«Zur kollektiven Identität der Deutschen gehört heute das Bewusstsein eigener Schuld»* [47];

- лексических единиц в их прямом денотативном значении; негативно-коннотированных номинаций: *«Affäre»*, *«Machenschaft»*, *«Skandal»* [39]; *«Vergewaltigung»* [51]; *«Den Westen, so suggeriert das fertige Werk, beherrschen Freudlosigkeit und Gewalt, Prostitution, Armut und Arbeitslosigkeit»* [41]; *«das Resultat von Ahnungslosigkeit und Schlamperei»* [79];

- сравнений и метафор (часто с пейоративным компонентом, негативно-коннотированными лексемами): *«er steht in der Politiker-Hitparade ganz oben»* [82]; *«Es sieht aus wie auf einem Schlachtfeld»* [76]; *«...offensichtlich ist ja Politik ein schmutziges Geschäft»* [58]; *«Deutschland entwickelt sich zu einer Drehscheibe für Raubgut aus ganz Europa»* [68];

- фразеологизмов, пословиц, идиом, крылатых выражений и других устойчивых разговорных конструкций: *«eine Hand wäscht die andere»* (о взяточничестве); *«Drück doch mal dein Auge zu!»*; *«im Dunkelfeld liegen»* (в значении оставаться нераскрытым, например, о преступлении); *«1999 brachte er den Stein ins Rollen... Er deckte Korruption in der Europäischen Kommission auf...»* [42]; *«...hat er auch gute Karten um ein Kanzlerkandidat... zu werden»* [82]; *«На одной ставке есть нечего, на двух – некогда»* [29];

- иронии и языковой игры: *«So funktioniert es auch. Wir nennen es anfüttern (auflachend), dass man wirklich dann einander einen Gefallen tut...»* (глагол «подкармливать» переносится говорящей из сферы рыбной ловли в научную сферу для описания феномена коррупции) [42]; *«Sie beleidigen Lesben und Schwulen regelmäßig! – Ja, ja, gerne, vorzugsweise auch (im Studio wird gelacht)...»* (ведущий шоу обвиняет одного из гостей студии в гомофобии, однако, вместо оправданий и

отрицания правдивости обвинений, коммуникант легко соглашается, дважды повторяя утвердительную частицу и эмоционально-оценочные наречия, демонстрируя, что не скрывает действий, находящихся в немецком обществе под запретом) [58];

- притяжательных местоимений в форме множественного числа «*unsere*»; неопределённых местоимений «*jemand*», «*einer*», «*niemand*», «*keiner*», «*manche*»; неопределённо-личного местоимения «*man*»; наречий с семантикой регулярности и частотности: «*immer*», «*oft*», «*standing*», «*gewöhnlich*», «*manchmal*»;

- модальных глаголов с семантикой разрешения и запрета (с отрицательной частицей «*nicht*»): «*dürfen*»; с семантикой долженствования: «*müssen*»;

- образования сложных существительных путём сложения основ, например: «*Klofrau*» (для обозначения низкооплачиваемой, непрестижной работы по уборке общественных туалетов) [78]; «*Dekadentenlebensstil*» (для критической оценки низкого культурного уровня, упадка и т.п.) [41];

- распространённых простых и сложносочинённых предложений (зачастую парцелированных): «*Fremdenfeindlichkeit in der Mitte der Gesellschaft*» [31]; «*Wie die Bundesregierung uns betrügt: So lügt man mit Statistik*» [80];

В качестве дискурсивных маркеров при актуализации табуированных речесмыслов, обусловленных культурно-узуальными табу, зачастую выступают фразы, указывающие на наличие коммуникативных ограничений и намерение говорящего смягчить высказывание, заменить «неприличную» номинацию или, напротив, выразиться прямо: «*Мягко говоря*» [2]; «*Niemand spricht offen darüber*» [32]; «*Einiges ist es besser nicht so laut zu sagen*» [79]; «*Was man eigentlich nicht tut*» [46]; «*...wie auch immer man das nennen will*» [69] и т.д.

Экспликация табуированных речесмыслов, детерминированных межкультурно-обусловленными табу, характеризуется постоянной сменой практик табуирования и детабуирования в дискурсе. Широко применяются языковые средства выражения контрастивной оценочности (например, чтобы поддержать «своих» и показать в неприглядном свете «чужих»). Коммуниканты интонационно выделяют определённые сегменты высказываний или намеренно

безакцентно произносят фразы, содержащие экспрессивную оценку, эмоциональную информацию. Частотны паузы хезитации. Табуированные речесмыслы передаются также с помощью:

- одновременного употребления прямого и переносного значений одной лексемы в рамках высказывания как приёма языковой игры: «*wenige lupenreine Demokraten aber viele lupenreine Karat*» [77];

- топонимов, существительных- и прилагательных-этнонимов (зачастую при создании синекдохи): «*Moskau verbringt mehrere Stunden jeden Tag im Stau*»; «*Nicht alle Russen sind durchgedreht...*»; «*Im Leben vieler Russen geht noch vieles durcheinander*» [77]; «*Ich wollte einfach mit diesem russischen Kram nichts mehr zu tun haben*» [38]; «*хвалёная немецкая педантичность*» [5];

- местоимений и других частей речи с обобщающей семантикой, использующихся в целях гиперболизации: «*manche*», «*mehrere*», «*alle*», «*viele*», «*vieles*»; «*die mehreren russischen Frauen*» [77];

- личных, притяжательных и указательных местоимений (преимущественно в форме множественного числа): «*unsere*», «*Ihr*», «*eure*», «*Sie*», «*Ihre*», «*diese*», «*jene*»;

- собственных имён существительных (в функции нарицательных) и нарицательных существительных с обобщающей семантикой: «*Nataschas*», «*Babuschkas*», «*Oligarchen*» [77];

- транскрибированных или калькированных с иностранного языка слов, именующих реалии, заимствований: «*Pascha-Verhalten*» [31]; «*Perestroika*», «*Glasnost'*», «*Sowjets*», «*NS-Zeit*», «*Hackenkreuze*»; «*Wodka war gestern. Heute im neuen Glitzerrußland wird Champagner getrunken, werden europäische Küsschen-Rituale zelebriert...*» [77]; «*ich kann das immer nur pars pro toto sagen*» [69];

- имен прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степенях: «*Heute sind die Leute aggressiver, böser, gieriger geworden*» [77]; «*den bestmöglichen Lebensstandart*» [41]; «*...zur bestverschwiegenen Nuklearkatastrophe*» [40];

- предлогов и наречий с указанием на пространственно-временную соотнесённость: «*damals*», «*wieder*», «*früher*», «*gestern*», «*heute*»;

- наречий и частиц, усиливающих категоричность, выражающих степень, частотность, интенсивность и т.д. (зачастую употребляются в последовательно выстроенных в предложении словосочетаниях как фигура градации): «*sehr*», «*genau*», «*gar*», «*höchst*», «*radikal*»;

- оценочных прилагательных; прилагательных, выражающих противопоставление, сравнение: «*pessimistisch*», «*direkt*» [79]; «*andere*», «*unterschiedliche*», «*verschiedene*»;

- противительных союзов и частиц: «*nanpromiv*», «*nicht... sonst*», «*doch*», «*jedoch*»; «*Die Politik der UdSSR sei zwar „keineswegs musterhaft“ gewesen, jedoch habe die Sowjetunion nie Nationen in Sorten eingeteilt und nicht die Vernichtung ganzer Völkern angestrebt*» [43];

- варьирования формальных и неформальных лексических единиц (например, юридических терминов и просторечных, разговорных выражений): «*Diskurs der Eingeweihten*», «*Täter*», «*Unrecht*» [47]; «покаяние», «нынче модно» [20];

- чередования и противопоставления положительно- и негативно-коннотированных единиц: «*verbrecherisches Sowjetsystem*»; «*Entfremdung, Rechtlosigkeit und Mord*», «*Humanität*» [47]; «*dass unsere Freunde in den USA die Europäer als Feinde ansehen*» [59];

- чередования модальных слов с семантикой возможности, предположения и с семантикой уверенности, а также чередования форм наклонения глаголов (Konjunktiv, Indikativ): «*vielleicht*», «*natürlich*»;

- цитат (зачастую посредством введения прямой речи в высказывание): «*Nur ein toter Kommunist ist ein guter Kommunist!*» (девиз американцев) [41]; «*Wir sind nicht besser als andere Länder, wir sind auch nicht schlechter*» (слова У. Черчилля цитирует немецкий политик в контексте обсуждения достоинств немцев и их экономического превосходства над странами Евросоюза, переживающими финансово-экономический кризис) [79]; «*Ich werde Krieg führen gegen Sie, wenn Sie nicht machen, wie ich das will!*» (американский дипломат цитирует слова Хрущёва) [41];

- иронии и сарказма: «*Wer ist für Sie der deutscheste?*» [79]; «*„Sozialismus ist Sowjetmacht plus Elektrifizierung des ganzen Landes!“ – hat Lenin verkündet. Von Wasserleitung*

hat er nie etwas gesagt» [77]; «Die Deutschen, wenn sie mit ihren Kindern die Promenade entlang gehen, ziehen sie immer so an, dass sie sich dreckig machen können, sie sehen vorher schon so aus, als ob sie dreckig wären» [79];

- метафор и сравнений, в том числе с семантикой обмана, враждебности, опасности: *«Land des Feindes» [41]; «psychologische Kriegsführung» [79]; «Der russische Businessman sitzt hier mit Haupt- und Nebenfrau... Die Frauen sind wieder Schmuckstücke: je mehr desto besser... Schönheit ist die erste Pflicht von Frauen der Businessmänner» [77];*

- изменения тема-рематического соотношения в предложении: *«Und sollte es Krieg geben, dann hat er in Moskau und nicht in Berlin begonnen» («война начнётся в Москве» вместо прямого обвинения «Москва начнёт войну»)* [41];

- сложносочинённых предложений, осложнённых однородными дополнениями, обстоятельствами, сказуемыми: *«Hier gibt es Mädels und Mittelstreckenraketen, Kaviar und (...), wenige lupenreine Demokraten aber viele lupenreine Karat. Moskau vergisst 70 graue Jahre, macht die Nacht zum Tag: Wähl alles und zwar sofort! Morgens um 3 kann man einkaufen, um 4 dinieren und um 5 sich die Haare schneiden lassen» [77];*

- сложноподчинённых предложений с большим количеством придаточных определительных, изъяснительных, условия: *«...dieses „macht's doch wie wir“ das sind nicht die Deutschen, die das sagen»; «Ich habe auch erlebt im Urlaub die armen Engländer, die Alkohol nicht vertragen, die den Lärm machen und dann Fußball spielen gehen» [79].*

Экспликация табуированных речесмыслов, детерминированных межкультурно-обусловленными табу, часто сопровождается метакоммуникативными вкладами, этикетными формулами извинения (последние применяются при репрезентации табуированных речесмыслов, обусловленных разными видами табу), которые предвосхищают обращение к табуированной теме, употребление нежелательных лексических единиц или невербальных знаков, указывают на наличие коммуникативных ограничений и намерение говорящего сохранить лицо: *«Meinen Sie damit, dass...»; «Das heißt, dass...» [74]; «Wie wir alle wissen...» [38]; «Entschuldigen Sie, dass ich das in Ihrer Sprache sage...»; «das muss man sagen» [55]; «Ich möchte sofort um Entschuldigung bitten bei...»; «Tut mir leid, aber...» [76] и т.п.*

Таким образом, для актуализации табуированных речесмыслов в дискурсивных практиках табуирования и детабуирования применяются разноуровневые языковые средства, варьирующиеся в зависимости от вида табу.

2.2. Способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования

Экспликация табуированных речесмыслов в дискурсивной практике табуирования направлена на сохранение табуированного денотата, передачу табуированного смыслового и речевого содержания высказывания с помощью разнообразных средств не прямой коммуникации, позволяющих соблюдать правила вежливости, скрывать нежелательную информацию от «чужих», избегать негативных ассоциаций и т.п.

Проведённое исследование позволило выделить как основные следующие способы коммуникативной обработки, которой подвергаются табуированные речесмыслы при реализации в дискурсивной практике табуирования: *эвфемизация, криптолалия и дезинформация, ритуализация и коммуникативный приём «позволить объяснить себе».*

2.2.1. Эвфемизация

Эвфемизация, согласно результатам нашего исследования, является одним из наиболее распространённых способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов и предполагает использование разнообразных языковых и коммуникативных средств в качестве эвфемизмов.

Изучению эвфемии, процесса эвфемизации речи и функционированию эвфемизмов в различных сферах коммуникации посвятили свои работы такие ученые, как: Н. С. Арапова, Н. М. Бердова, Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, Ж. Вандриес, С. Видлак, И. Р. Гальперин, Б. А. Ларин, Ж. Ж. Варбот,

В. И. Заботкина, А. М. Кацев, М. Л. Ковшова, Л. П. Крысин, Г. Г. Кужим, Б. Купер, В. П. Москвин, Г. Пауль, Е. П. Сеничкина, Д. Н. Шмелёв, R. Keller, S. Luchtenberg, R. Rada, N. Zöllner и др. Благодаря своей продуктивности данная проблематика продолжает оставаться достаточно актуальной.

Несмотря на высокую степень изученности, приходится констатировать отсутствие единой дефиниции эвфемизма. Между тем налицо наличие узкого и широкого подходов к определению данного понятия.

Г. А. Вильданова в своей работе «Проблема эвфемистического способа номинации» также отмечает два подхода к пониманию эвфемизма. При этом в узком понимании исследователем выделяются два измерения: лексикоцентрическое и текстоцентрическое [Вильданова 2007: 14–21]. Согласно первому, эвфемизмы трактуют как многочисленные и разнообразные средства языка, употребляемые для замены нежелательных слов [ср.: Кодухов 1955; Шмелёв 1979; Арапова 1990]; слова, используемые как переименования запретного, цель которых приукрасить свой предмет [Заботкина 1989; Реформатский 1998]; синонимические замены запрещённых слов, точных названий пугающих предметов или явлений, дающие возможность говорить о них без опасности вызвать стоящие за словом злые силы; выражения, являющиеся «предохранительными» формулами вроде «чтоб не сглазить»; заменяемые названия болезней, злых духов, умерших и т.п. [ср.: Булаховский 1954; Freud 1956]; слова или выражения, заменяющие табуированные номинации, вуалирующие суть явления, зависящие от контекста и условий речи [Крысин 1994: 28–49]; косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами [Кацев 1977, 1988]; средства замены некультурных слов более культурными с целью дипломатии, словесного камуфляжа выражений, имеющих неопределённый, общий смысл [Сахно 2006]; тропы, состоящие в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления [Ахманова 1969] и т.д.

В «текстоцентрическом» измерении эвфемизмы рассматриваются как производные речевой деятельности, как функционирующие в речи единицы языка [ср.: Буров 1994: 5; Вильданова 2007: 21]. Употребление таких единиц вызвано требованиями норм речевого поведения. Это позволяет снять эмоциональную напряженность, вызванную диалектическим противоречием между стремлением говорящего к прямому обозначению и запретом, который налагается на употребление этого обозначения. Эвфемизмы здесь «призваны восполнить мнимую (конвенциональную) недостаточность словарных знаков» [Буров 1994: 5]. Узкий подход к определению эвфемизмов считается традиционным.

Широкое же понимание эвфемизма, которого мы придерживаемся в своей работе, возможно благодаря прагматическому подходу. Эвфемизмы здесь – это не только лексические единицы, употребляющиеся вместо табуированных номинаций и разрешённые нормами речевого поведения, но и риторическое качество речи, позволяющее создать в любой ситуации общения коммуникативный комфорт либо избежать возникший или предполагаемый дискомфорт, сознательно уйти от коммуникативных конфликтов [Вильданова 2007: 22]. Иными словами, это средства смягчения, вуалирования, затушёвывания нежелательной информации, которые позволяют сделать менее очевидными неприятные факты.

Итак, существующие определения эвфемизма свидетельствуют о его полифункциональности, социальной детерминированности, прагматической направленности, контекстуальной обусловленности: эвфемизм – сложный феномен, ориентированный на речевую коммуникацию, «оборот речи, семантика которого складывается из отношения между знаком, значением и говорящим» [Ковшов, 2007: 29].

Главной функцией эвфемизма многие учёные называют именно передачу табу (А. М. Кацев, Л. П. Крысин, Б. А. Ларин и др.). Более того, большинство лингвистов настаивают на том, что табу неизменно предполагает эвфемизацию. Основываясь на фактическом материале данного исследования, мы абсолютно

соглашаемся с первым утверждением, однако уверены в том, что эвфемизм – не единственное средство выражения табуированного речесмысла.

Как известно, не все языковые средства способны выступать в качестве эвфемизмов, поэтому специалисты говорят об особом статусе эвфемизма и об эвфемизации как явлении, лежащем на пересечении экстралингвистических и лингвистических проблем с социальным детерминантом [Потапова 2008]. Дифференцируя эвфемизм от «неэвфемизма», выделяют ряд отличительных признаков, основным из которых принято считать признак нежелательного денотата.

1. Признак нежелательного денотата исследователи, как правило, называют «признаком негативного денотата» [ср.: Сеничкина 2006; Тишина 2006]. Так, Е. П. Сеничкина, ведя полемику с Л. П. Крысиным, усматривающим смягчающую функцию глаголов с приставкой «под-» в речи (подъехать, подвезти и т.д.), настаивает, что это не эвфемизмы, так как у данных слов «нет отрицательного денотата», а следовательно это просто средства «выражения категории вежливости русского языка» [Сеничкина 2006: 66–67]. Схожую позицию можно встретить и у Н. В. Тишиной [Тишина 2006: 6].

По мнению других авторов, у большинства эвфемизмов денотат негативным не является. Негативным может быть слишком прямолинейное описание, которое и вызывает у собеседника неприятное впечатление от сказанного [Ковшова 2007: 20].

В работе Н. М. Бердовой данный признак называется «стигматичностью денотата» [Бердова 1981: 27]. Исследователь также отмечает, что денотат, подлежащий замене, может не быть негативным, особенно если его рассматривать вне контекста ситуации, но способным вызвать у людей негативные эмоции в ситуации общения. Под стигмой понимается не только «отрицательное качество или свойство предмета, нашедшее своё обозначенное отражение в... его антецеденте», но и способность «социально некорректного выражения» вызывать негативные эмоции [Там же: 66]. Не всегда можно объективно охарактеризовать денотат как стигматичный. Решение о

стигматичности, по мнению автора, субъективно, но ведёт к использованию эвфемизма [Там же].

Об обозначении некоего денотата, который в сознании коммуникантов вызывает неоднозначно положительные ассоциации и вербализация которого пробуждает заведомо негативные чувства у слушателей, говорит и Л. В. Саакян, объясняя это стереотипами поведения и интуитивными представлениями собеседников относительно различных тем, затрагиваемых в разных коммуникативных ситуациях: в разговоре с малознакомыми людьми и в общении с добрыми старыми друзьями, в официальной и неформальной обстановке [Саакян 2010: 71–72]. Автор таким денотатом считает обозначение, соотносимое с явлением или предметом, на имя/название которого наложено табу либо которое в данном обществе оценивается отрицательно или вызывает у собеседника отрицательные ассоциации [Там же: 72].

В свою очередь, Н. В. Прядильникова, на наш взгляд, чётко характеризует отличительный признак эвфемизма, обращаясь к категории оценочности. Если обозначаемый каким-то словом денотат (Д) оценивается отрицательно, то слово-денотат (СД) в силу синкретичности мышления также начинает оцениваться отрицательно («плохое слово»). Однако основания отрицательной оценки СД будут отличаться от оснований оценки Д. Если денотат оценивается «хорошо/плохо» с учётом признаков: «приятно/неприятно», «полезно/неполезно», «красиво/некрасиво» и т.д., то СД – «желательно/нежелательно». Поэтому исследователь называет данную особенность «признаком нежелательного денотата» [Прядильникова 2007: 33].

2. Следующим признаком считается семантическая редукция негативной смысловой нагрузки, или создание семантической неопределённости. Данная характеристика предполагает, например, использование в речи гиперонима вместо гипонима [Кобозева 2000: 101–103; Ковшова 2007: 19]. Семантическая неопределённость создаётся с помощью местоимений в силу их денотативной неконкретности, отсутствия семантических признаков или их синтетичности [Сеничкина 2006: 15]; с помощью заимствованной лексики [Болотнова 1998;

Шейгал 2000; Крысин 2004] и аббревиации. О понятии неопределённости с точки зрения русской ментальности и её словесном выражении пишет Н.Д. Арутюнова. Она указывает на то, что полисемантичность слов «предполагает наличие причины или мотива действия, а следовательно допускает интерпретацию» [Арутюнова 2006: 14].

3. Под мелиоративным эффектом эвфемизма подразумевается признак улучшения денотата по сравнению с денотатом заменяемого слова или выражения. Так, А. М. Кацев подчёркивает: «чтобы стать эвфемизмом, новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» [Кацев 1988: 5].

4. Признак сохранения истинности высказывания позволяет разграничить понятия эвфемизации и дезинформации как способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов. В то время как некоторые исследователи всё же называют одной из функций эвфемизмов вуалирование референции с целью скрыть негативные факты [Турганбаева 1989; Шейгал 2000; Сеничкина 2006], другие разводят эти понятия на функциональной основе: «целью дезинформации является обман, а целью эвфемизации – смягчение выражения» [Рынина 2005]. Иначе говоря, если употребляемому для более мягкого выражения отрицательной эмоции эвфемизму не удаётся сохранить связь с денотатом, то это уже не эвфемизм, а намеренное искажение правды.

Таким образом, оценочность эвфемизмов не вызывает сомнения. Она рассматривается как объективная данность. Однако оценка одних и тех же понятий со стороны общества меняется с течением времени и зависит от места и условий общения. Основания табуирования денотата являются дискурсивными. Только согласно конкретной коммуникативной ситуации, контексту, интенциям коммуникантов, их представлениям о нежелательном или стигматичном, об этикете и табу понятия могут быть эвфемизированы.

Наиболее подробно языковые приёмы и средства эвфемизации описаны Л. П. Крысиным. Это слова-определители с диффузной семантикой (например, «некоторый»); номинации с достаточно общим смыслом; иноязычные слова и термины; аббревиатуры; слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства; некоторые глагольные формы с приставкой «под-» [Крысин 2004: 280–282].

Подобную классификацию лексико-семантических способов образования эвфемизмов можно найти у М. Л. Ковшовой: «подмена значения; создание значения неполноты признака или действия; сужение или, наоборот, расширение значения; использование заимствованной (прежде всего терминологической) лексики; создание аббревиатуры» [ср.: Ковшова 2007: 49]. При этом исследователь подчёркивает, что подлинное «разнообразие словесного материала для осуществления речевого акта «эвфемизм» очень широко: от умолчания, выраженного паузой в устной речи и многоточием в речи письменной, – до аллюзии, цитаты, порой свёрнутой до одного слова, отсылающей к тексту, знание которого помогает слушающему прояснить истинный смысл завуалированного высказывания» [Там же: 52].

В. П. Москвин подразделяет способы образования эвфемизмов на: 1) приёмы двусмысленной речи (незамкнутая метафора, прономинация, сравнение, метонимия, синекдоха, металепсис, эпитроп, фигуры интертекста, антифразис, фонетическая аллюзия, параграмма); 2) приёмы нарочито неясной речи (*abstractum pro concreto*, логическое перефразирование, прономинализация, замкнутый язык и искусственная книжность, метаплазмы, умолчание, эллипсис, антономасия); 3) приёмы нарочито неточной речи (перенесение с вида на вид, мейозис, перенесение с вида на род); 4) метономазию как фигуру ассоциативно нейтральной речи [Москвин 2010: 163–221].

Н. В. Прядильникова распределяет способы образования эвфемизмов по языковым уровням: лексико-семантический, морфологический (аббревиация, негативная префиксация, использование словообразовательных средств со

значением инфериорности), синтаксический (пропуск в высказываниях субъекта действия, пропуск компонента высказывания, потенциально восстанавливаемого с опорой на контекст или пресуппозицию), графический (синкопа – замена отточием середины слова, апокопа – замена отточием конца слова; полная замена слова отточием) [Прядильникова 2007: 103].

Функцию эвфемизма, например, выполняет словосочетание «*ein kosmetisches Element*» (косметический элемент), которое употребляет одна из участниц телевизионного проекта «*Menschen – das Abenteuer*» («Люди – приключение») для обозначения протеза другой участницы, оставшейся ранее в результате серьёзной автокатастрофы без одной ноги [61]. Прямое именование протеза, составное существительное «*Kunstbein*» (досл. искусственная нога), вызывает ассоциации с наличием физического дефекта, человеческой неполноценностью. Указание на подобные недостатки считается невежливым, некорректным, дискриминирующим в рамках немецкой лингвокультуры и составляет сферу культурно-узуальных табу, что подтверждается постоянным введением в языковой обиход новых эвфемизмов для обозначения такой группы людей (*mobilitätseingeschränkte Person, Behinderte* вместо *Invalide*). Мелиоративный эффект употреблённой эвфемистической конструкции позволяет говорящему сохранить лицо при экспликации табуированных речесмыслов, не задеть чувства партнёра по коммуникации, не вызвать болезненные, неприятные воспоминания и подбодрить перед предстоящим проектным испытанием, восхождением в горы.

Таким образом, приёмы эвфемизации чрезвычайно разнообразны и предполагают применение ряда как вербальных, так и невербальных средств. Так, коммуникативное замалчивание может сопровождаться жестами (демонстрация того, что рот закрыт на замок или поднесение указательного пальца к губам, пожимание плечами); намёку или шутке могут сопутствовать подмигивание, улыбка. Интенции коммуникантов могут быть различными: из вежливости завуалировать табуированные речесмыслы, смягчить высказывание, чтобы не обидеть других участников дискурса, безболезненно

передать неприятную информацию; приукрасить действительность; намекнуть и т.д. Эвфемизм способен удовлетворить любую из таких коммуникативных потребностей, сохраняя при этом табуированный денотат. Данный факт объясняет высокую степень эвфемизации различных сфер институционального общения.

2.2.2. Криптолалия

К следующему способу коммуникативной обработки табуированных речесмыслов мы относим криптолалию. Под данным термином понимается «использование приёмов и номинативных средств языка в конспиративной или криптофорной функции» [Москвин 2010: 75].

Как уже отмечалось, «лингвисты затрудняются в определении единых критериев разграничения эвфемизмов от неэвфемизмов на практике» [Сеничкина 2006: 5]. Поэтому криптолалию часто приравнивают к эвфемии. Но если руководствоваться при дифференциации данных явлений коммуникативными целями, то несложно отметить, что они «обязательно противостоят друг другу... (...смягчить, эмоционально воздействовать и/или выразить эмоции, скрыть, обмануть)» [Москвин 2010: 75].

Так, если эвфемизация направлена на то, чтобы смягчить, завуалировать табуированный речесмысл, то криптолалия – скрыть его от других участников дискурса (в силу различных соображений: политических, общественных, личностных и т.д.). Данный способ реализуют разноуровневые языковые средства: стилистические фигуры и тропы, приём метономазии, аббревиатуры, жаргонизмы, просторечия, криптонимы, смена темы, вербально и невербально обозначенный отказ от коммуникации, графические фигуры и т.д. Например, девушка, работающая в борделе (репортаж «Alltag im Großbordell – Das Geschäft mit dem Sex» из телепередачи «Nachtclub»), рассказывает журналисту, что на вопросы знакомых о том, где она трудится, она предпочитает отвечать: «Im FKK-Klub» («в нудистском клубе») [32]. Аббревиатура «FKK» (сокр. от

«Freikörperkultur») и существительное «Klub» выполняют в речи девушки криптофорную функцию, позволяя скрыть табуированный денотат. Идентификация социального статуса является для говорящей нежелательной. Коммуникативное ограничение на приватном уровне обуславливает замену прямого наименования, негативно-коннотированной лексики «Bordell».

Как разновидность криптолалии рассматривается Эзопов язык, который исследователи называют «тайнописью», комплексом «вынужденных иносказаний», системой «приёмов замаскированной критики власти» в основном в художественной речи и публицистике [ср.: Москвин 2010: 87; Иллюстрированный энциклопедический словарь 2005: 848].

Эзопов язык предполагает применение аллюзии, средств умолчания, недоговорённости, цитат, аббревиации с целью табуирования. Активное употребление «фигур двусмысленной речи» имеет целью избежать цензурных запретов, возможных коммуникативных конфликтов [Москвин 2010: 89].

В качестве примера обратимся к высказыванию одной из жительниц поселения, не эвакуированного после атомной катастрофы на производственном объединении «Маяк». Эта авария стала материалом для репортажа немецкого телевидения. Женщина по имени Гульшар, татарка по национальности, проживающая в маленькой татарской деревне Караболка, утверждает в интервью: «*Das Nachbardorf war evakuiert worden... dort lebten Russen....*» («Из соседней деревни всех эвакуировали... там жили русские») [71]. Коммуникант не употребляет союзы и соединительные слова, выстраивающие причинно-следственную связь между первой и второй частями интонационно парцелированной фразы, прибегая к умолчанию и давая возможность слушающему интерпретировать сказанное, учитывая общий коммуникативный контекст. При этом номинация, обозначающая этническую группу, к которой не принадлежит женщина, и паузация позволяют неявно обвинить «чужих» в дискриминации по национальному признаку, ущемлении прав этнического меньшинства, не нарушив межкультурно-обусловленное табу.

Таким образом, криптолалия позволяет выразить табуированный речесмысл, не нарушив табуированный денотат, скрыть нежелательную информацию, что часто входит в задачи участников институционального взаимодействия.

2.2.3. Дезинформация

Мы понимаем дезинформацию как заведомое нарушение принципа истинности и отграничиваем её от эвфемизации и криптолалии.

В. П. Москвин подразделяет дезинформацию на два вида: 1) преследующую корыстные цели (например, лесть); 2) ложь во благо, «святую ложь». Из этого исследователь делает вывод о том, что дезинформация с корыстной целью противопоставлена эвфемизации, в то время как «ложь во благо» функционально сближается с ней [Москвин 2010: 93–94].

Подмена понятий, искажение фактов, использование соответствующих языковых средств, на наш взгляд, составляют отдельный способ коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, позволяющий сохранить табуированный денотат. Например, человеческая внешность и указание на её недостатки входят в сферу личностно-тезаурусных табу. Так, оценочная номинация *«красотка»* или утверждение *«Вы отлично выглядите»*, противоречащие действительности, употребляются говорящим из этикетных соображений, желания польстить или не задеть чувства партнёра по коммуникации, задавшего вопрос: *«Как я выгляжу?»*.

Дезинформация часто используется как способ «манипулятивного воздействия, осуществляемого путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2008: 25].

В масс-медиаальном дискурсе дезинформация, как правило, сопровождается различными вербальными и невербальными средствами, способствующими её «разоблачению». Обратимся к анонсу одного из выпусков

документальной передачи, посвящённой 50-летию со дня возведения Берлинской стены. Передача рассказывает о трагической истории и жизни людей в разделённой Берлинской стеной Германии и военно-политических событиях того времени. Выпуск начинается с исторических кадров накануне возведения стены, где известный политик утверждает: «*Niemand hat die Absicht eine Mauer zu errichten!*» («Никто не намеревается возводить стену!») [33]. Отрицательное местоимение «*niemand*» выступает в роли активного действующего лица, подлежащего, и вынесено автором высказывания в начало восклицательного предложения, чтобы эмоционально воздействовать на реципиента, убедить его в искренности слов и неоправданности обвинений и подозрений. Берлинская стена – тематика, связанная с рядом разноуровневых табу. Говорящий пытается скрыть инициативу возведения стены как желание государства ограничить свободы и ущемить права своих граждан, намеренно вводя слушающих в заблуждение. Затем восклицательное предложение сменяется повествовательным; голос за кадром констатирует исторический факт: «*Am 13. August 1961 macht die DDR die Grenzen dicht*» («13 августа 1961 года ГДР закрывает свои границы»).

Способ дезинформации реализуется, как правило, с помощью интонационного выделения отдельных сегментов высказывания, паузации, риторических восклицаний и вопросов, антонимической оценочной лексики, отрицательных конструкций, параллелизмов, синтаксических повторов, приёма парцелляции и других разноуровневых языковых средств.

Таким образом, табуированные речесмыслы эксплицируются посредством номинаций, искажающих истинное содержание, при этом утрачивается связь с табуированным денотатом, нарушается принцип сохранения истинности высказывания. Адресант прибегает к обману, не просто скрывая нежелательное, а намеренно выдавая заведомо ложное за действительное.

2.2.4. Ритуализация

Ритуализация предполагает применение коммуникантами «готовых образцов», по которым они выстраивают своё общение. Так, вынужденный затронуть «щекотливую тему» один из участников дискурса пытается камуфлировать табуированные речесмыслы с помощью конструкций-клише, шаблонных выражений, «дежурных» фраз и поведения, скрывая своё мнение под «известным» мнением «всех», превращая живое общение в определённый ритуал. При этом может нарушаться живая связь говорящего и слушающего, правило искреннего доброжелательного отношения к собеседнику. Говорящий не проверяет «ценность» своего высказывания по вниманию слушателя, его участию в дискурсе [Лазуткина 1994: 39]. Адресат лишён возможности слышать открыто выраженную аргументацию. Вместо этого он становится очевидцем «стереотипной демонстрации» [Кордуэлл 2000: 281].

Ритуалы, по мнению психологов, это привитие неких стереотипов поведения. «Они упрощают прогнозирование, предсказуемость наших действий...» [Шейнов 2001: 111]. С помощью ритуала говорящий манипулирует тем, кто его слушает, «диктует правила игры», ведь, как известно, «качество быть манипуляцией задаётся не технологией, а намерением автора...» [Доценко 2000: 173]. Г. А. Копнина рассматривает «конвенциональную манипуляцию» как понятие, основывающееся на эксплуатации конвенциональной силы (норм, ритуалов, правил и т.д.); отмечается, что ритуалы позволяют направлять «объект манипуляции по готовым образцам» [Копнина 2008: 19].

Как показывает анализ практического материала, участники дискурса охотно пытаются ограничиться известными ритуальными действиями, «дежурными фразами» и т.д. при экспликации табуированных речесмыслов, детерминированных, например, культурно-узуальными табу. Так, на табуированные вопросы о зарплатке «*Wieviel verdient man in Ihrer Position?*»; «*Какая у Вас зарплата?*» можно услышать такие ответы: «*Wie viele andere*»; «*Genug, um zu*

leben»; «*Es kommt drauf an*»; «*Как и у многих в этой сфере*»; «*Достаточно, чтобы жить*»; «*Зависит от обстоятельств*». Например, на одной из ежегодных пресс-конференций В. В. Путин ответил на вопрос о доходах чиновников: «*Нам хватает*» [6].

Ритуалы – это маски, которые надевают участники конкретной коммуникативной ситуации, чтобы избежать дискомфорта, что ярко было продемонстрировано в дискурсивном взаимодействии лидеров ведущих стран мира на состоявшейся 6-го июня 2014 года встрече в Нормандии во время торжеств, посвящённых 70-летию открытия второго фронта [12]. Политики, занимающие контрарные позиции относительно украинского кризиса, выполняли ритуальные действия (церемония рукопожатия, обязательное общение во время протокольной видеосъёмки и т.д.).

Таким образом, средства ритуализации способствуют сохранению табуированного денотата и позволяют отнести этот способ коммуникативной обработки к дискурсивной практике табуирования.

2.2.5. Коммуникативный приём «позволить объяснить себе»

При функционировании табуированных речесмыслов в коммуникации могут возникать некие «дефициты» на различных уровнях: когнитивном, эмоциональном, языковом. Чтобы восполнить такие «дефициты» и сохранить при этом табуированный денотат, участники дискурса часто прибегают к использованию «хитрых» коммуникативных приёмов. Под приёмом мы понимаем частный вариант способа коммуникативной обработки табуированных речесмыслов.

Одним из них является приём «позволить объяснить себе» («*sich belehren lassen*») [Trad 2001: 161], применяемый при коммуникативной обработке табуированных речесмыслов, обусловленных разноуровневыми табу. Чаще всего приём реализуется в дискурсе посредством прямого вопросительного обращения.

Например, в межкультурной коммуникативной ситуации говорящий делится опытом относительно чего-то принятого в его культуре (используя обобщающие личные и притяжательные местоимения «у нас», «мы», «в нашей культуре» и т.д), намеренно достаточно прямо эксплицируя табуированные речесмыслы, обусловленные культурно-узуальным табу. Это происходит, чтобы подчеркнуть равный статус коммуникантов, показать расположение и открытость в разговоре с партнёром, но главное – скрыть межкультурно-обусловленное табу, нарушение которого может угрожать культурно-коммуникативной самодостаточности участников взаимодействия. С помощью эмоционально-оценочных вербальных и невербальных средств выражается стереотипное отношение к тематике дискурса, взгляды в обществе, опасения, переживания и т.д. Один из собеседников якобы «раскрывает свои карты» перед другим, а затем обращается к последнему с вопросом, «как это принято в его культуре», позволяя ему разъяснить, рассказать. При этом демонстрируется готовность к восприятию, пониманию, например, «чужих» культурных традиций и устоев. Такой приём коммуникативной обработки призван нивелировать культурную инаковость, «сохранить лицо» и остаться вежливым при экспликации табуированных речесмыслов. В то же время реализуется манипулятивный потенциал высказывания: говорящий выстраивает общение согласно своим пресуппозиционным установкам и заставляет адресата «играть по заданным правилам».

Иллюстративный пример можно встретить в телепроекте «Das Experiment 30 Tage Moslem» [37]. При знакомстве с членами мусульманской семьи немецкая студентка должна сначала подойти к старшему мужчине и выказать ему как главе семейства своё почтение, затем остальным мужчинам и только потом женщинам. Такой порядок приветствия молодая немка считает ещё одним доказательством половой дискриминации. Свои негативные стереотипные представления она уже озвучивала до начала «испытания» (*«Ich finde die Frauen total eingeengt»* – «Я считаю женщин загнанными в чрезвычайно узкие рамки»; *«Die sind schlimmer als normale deutsche Männer»* - «Они гораздо хуже, чем

нормальные немецкие мужчины»; «...wo der Mann die Frauen unter der Hand hat» — «...зде мужчина держит женщин в ежовых рукавицах»; «Ich glaube, dass moslemische Männer ihre Frauen unterdrücken» — «Я считаю, что мусульманские мужчины подавляют своих жён»).

Во время приветствия девушка, следуя европейскому ритуалу, пожимает руку мужчине, здоровается и, улыбаясь, с приветливой интонацией демонстрирует жестами и ужимками неловкость: «Und wie ist es bei euch?... Schüttelt man bei euch die Hand?» («А как это у Вас? У Вас тоже принято жать руку?»). Обращение, выраженное двумя вопросительными конструкциями: с вопросительным словом «как» и с описанием ритуального действия посредством устойчивого выражения «die Hand schütteln», призвано нивелировать культурную инаковость как табу на интеркультурном уровне (девушка не говорит о своих предубеждениях, о том, что она знает, что у мусульман, у «других», принято вести себя «по-другому», что ей это не нравится, что это дискриминация и т.д.). Это позволяет ей «сохранить лицо» и остаться вежливой при экспликации табуированных речесмыслов. Коммуникант демонстрирует свою неосведомлённость, незнание культурных обычаев и устоев, не нарушая принцип доброжелательного общения. Вопросительным предложением и формой личного местоимения «Ihr» вместо увеличивающего дистанцию уважительного «Sie» она подчёркивает свою готовность к их восприятию и пониманию. Поэтому у партнёра по коммуникации не возникает раздражения, возмущения, желания прервать беседу. Так, все члены семьи, улыбаясь, «бросаются на помощь» неопытной немке, попавшей в неловкую ситуацию с первых минут знакомства, и пытаются разъяснить, как следует вести себя в данном случае.

Приём «sich belehren lassen» может быть развит в дискурсе до приёма «die Meinung des Kommunikationspartners unklar akzeptieren» («продемонстрировать, что мнение вашего партнёра по коммуникации вам не понятно») [Trad 2001; Strecker 1987]. В таком случае участник дискурса вербально (например, уточняюще переспрашивает, перефразирует) и с помощью невербальных средств нарочито демонстрирует, что ему не ясно, о чём говорит или на что

намекает его собеседник, имплицитно требуя, чтобы последний пояснил, о чём речь. Так говорящий манипулирует своим партнёром по коммуникации, провоцируя его вербализовать табуированные речесмыслы.

Приём можно проиллюстрировать на примере отрывка диалога немецкой журналистки (J) с учительницей по хореографии из московского балетного училища (L) в документальном фильме «Moskau lässt die Puppen tanzen» [77]:

<i>L.: ...Gewiss! Es gäbe alles... aber das kulturelle Niveau sinkt... Talent spielt nicht mehr die wichtigste Rolle</i> <i>J.: Und was spielt die Rolle?</i> <i>L.: Geld...</i> <i>J.: Das heißt, die Kinder... die angenommen werden, sind... nicht unbedingt die talentiertesten?</i> <i>L.: So ist es... Wenn z.B. ein Papa viel Geld hat und will, dass sein Kind in "Bolschoi" tanzt, dann kann er das auch machen...</i>	Учительница: ...Несомненно! Вроде есть всё... но культурный уровень падает... Талант больше не играет главную роль. Журналист: А что играет эту роль? У.: Деньги... Ж.: Это значит, что дети... которые поступают в училище... не обязательно самые одарённые? У.: Это так... Если, например, у папы много денег, и он хочет, чтобы его ребёнок танцевал в «Большом», то он может сделать так...
--	---

В приведённом фрагменте девушка переспрашивает партнёра по коммуникации, повторяя часть фразы учительницы с устойчивым выражением «eine Rolle spielen», а затем использует метакоммуникативный ход. Пояснительный оборот «das heißt» демонстрирует, как именно журналистка расшифровала смысл предыдущего высказывания. При этом интервьюером употребляется эвфемистическая замена «nicht unbedingt die talentiertesten», смягчающая категоричность суждения. Вопросительной интонацией немка косвенно призывает русскую собеседницу эксплицировать табуированные речесмыслы, связанные с личностно-тезаурусными (учительнице вряд ли приятно говорить о необходимости работать с «не самыми способными» детьми и т.д.) и культурно-узуальными (падающий культурный уровень страны, коррупция и т.д.) табу. Педагог отвечает развёрнутой описательной

конструкцией, выстраивая причинно-следственную связь в придаточном предложении условия между модальными глаголами «wollen» и «können», намекая, что можно купить даже место в Большом театре. Однако, вместо глагола, прямо выражающего денотативное содержание («kaufen»), коммуникант употребляет словосочетание с глаголом широкой семантики («das machen»).

Таким образом, описанные способы и приёмы коммуникативной обработки, переплетаясь между собой или вступая в противоречие друг с другом, используются для выражения табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования. Зачастую дискурсивные маркеры («Schwamm darüber», «Das will ich nicht wissen bzw. sagen», «Vergessen wir das», «Darüber reden wir nicht»; «Проехали», «Об этом я даже знать/говорить не хочу»; «Забудем об этом»; «Не будем об этом» и др.) указывают на наличие коммуникативных ограничений и намерение сохранить табуированный денотат. Интенции такой экспликации могут быть различными: соблюдение этикета и принципа вежливости, завуалированная передача табуированного речесмысла с целью смягчить, не обидеть партнёра по коммуникации, манипуляция, создание намёка, иронии, сокрытие информации, дезинформирование и т.д.

2.3. Способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики детабуирования

Экспликация табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики детабуирования, как уже отмечалось, предполагает их коммуникативную обработку, направленную на разрушение табуированного денотата.

Проведённое исследование позволило выделить как основные следующие способы коммуникативной обработки, которой подвергаются табуированные речесмыслы при актуализации в дискурсивной практике детабуирования: *дисфемизация, прямая номинация, использование номинаций из бинарной*

оппозиции «свой/чужой», «сенсационализация», псевдодисфемизация, стереотипизация.

2.3.1. Дисфемизация

Зачастую процесс нарушения табу приравнивают к дисфемизации. Дисфемизация, действительно, является распространённым способом коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики детабуирования, но не единственным, как показывает анализ практического материала.

В данной работе дисфемизация понимается как экспликация табуированных речесмыслов с помощью более грубых, негативных оценочных номинаций по отношению к табуированному денотату – дисфемизмов.

Дисфемизмом (от греч. «дурнословие») является «грубое слово или выражение, которое представляется собеседникам резким, вульгарным, неприличным» [Ковшова 2007: 105]. Иными словами, при отнесении лексической единицы к дисфемизму ведущую роль играет феномен «грубость».

По словам В. П. Москвина, «грубая выразительность» состоит в «нарушении запрета» и «является системообразующей доминантой молодёжного... жаргона, а также сленга хиппи и панков» [Москвин 2010: 95].

В. И. Жельвис указывает на невозможность создать непротиворечивую общую классификацию всех языковых средств, составляющих феномен «грубость». «Ясно, что все народы мира более или менее одинаково ссорятся и бранятся, у всех существуют «монологические» ругательства, не имеющие прямого адресата; с другой стороны, столь же ясно, что с помощью приведенных выше обозначений создать единую классификацию, где элементы бы не пересекались, невозможно даже в одном языке» [Жельвис 2008: 75]. Как разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии исследователь объединяет обценную лексику, обзывания, «грязные ругательства», сквернословие, непристойные слова, ненормативную лексику и предлагает

общий термин «гробанизм» (от нем. *grob* – «грубый»), который «подразумевает все просто грубые слова, в какой бы функции они ни употреблялись» [Там же].

Примером дисфемизации служит фрагмент немецкого документального фильма Кристиана Бауэра (Christian Bauer) о политике СССР во время холодной войны «*Liebesgrüße nach Moskau*», содержащий следующее высказывание одного из персонажей: «*Die blöden kommunistischen Kerle sind über die Menschen mit den Panzern gerollt!*» («*Эти слабоумные коммунистические выродки давили людей танками!*») [54]. Дисфемизм, грубое просторечное прилагательное «*blöd*», используется говорящим в качестве эпитета и однородного определения с прилагательным «*kommunistisch*». Они атрибутируются подлежащему «*Kerle*», которое вне данного контекста понимается как разговорное обращение, характерное для приятельских отношений и выполняющее фатическую функцию. Однако здесь существительное, сопровождаемое эмоционально-оценочными негативными номинациями, используется как уничижительное для выражения презрения к носителям другой лингвокультуры и контрарных политических убеждений. Кроме того, говорящий возмущённо описывает происходящее, указывая глаголом в прямом значении «*rollen*» и предлогом «*über*» на намеренность и последовательность жестоких, насильственных действий представителей бывшей политической элиты, нарушая межкультурно-обусловленное табу.

Иллюстративный пример дисфемизации встречаем в фильме-репортаже «*Geschlossene Gesellschaft*» [46], где под метафоричным названием скрывается история одной гессенской школы-интерната (Odenwaldschule), получившей в недавнем прошлом скандальную известность из-за случаев массового насилия над учениками со стороны бывшего руководителя Герольда Бекера (Gerold Becker), его последователей и других учителей школы. Фильм посвящён 100-летию школы, в качестве празднования которого настоящим руководством было решено организовать встречу-дискуссию бывших учеников, жертв насилия, представителей СМИ и учителей, желающих принять участие в

процессе обвинения сотрудников школы, чтобы рассказать широкой общественности о том, что на самом деле происходило раньше за стенами известного своим демократичным подходом учебного заведения.

Так, ученики, ставшие жертвами сексуального насилия, уличая учителей-педофилов, применяют целый ряд пейоративных эпитетов, жаргонизмов, вульгаризмов, грубых просторечных глаголов с целью дисфемизации. Следует отметить, что в данном контексте дисфемизации подвергаются не только табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу (насилие, совращение несовершеннолетних, нарушение конвенциональных и этических норм и т.д., например: *«An der Odenwaldschule wurde gesoffen, geraucht, gekifft und gevögelt»* – «В школе бухали, курили, дули и трахались»), но и личностно-тезаурусными табу (описание жертвой насилия полового акта, эмоциональных переживаний и чувств, например: *«ganz ekelhaft»* – «абсолютно тошнотворный»; *«diese widerlichen Zehen»* – «эти омерзительные пальцы ног»; *«Scheiße, da beißt er mir den Schwanz ab!»* – «Вот чёрт, он мне просто откусит член!»; *«dann war das ein Kleinstück Scheiße gewesen»* – «потом был настоящий кусок дерьма»; *«Hier am Arsch der Welt hatte ich keine Lust zu leben»* – «здесь у чёрта на куличках у меня не было никакого желания жить»).

В целом, говоря о грубости, исследователи подчёркивают её сознательную направленность на нарушение приличий [Жельвис 2012]. Дисфемизация, как правило, продиктована намерением унижить, обидеть или оскорбить, желанием «влиться в коллектив» и т.д. Использование дисфемизмов может также объясняться, например, растерянностью говорящего, его особенностями поведения и манерами, скудностью словарного запаса в силу отсутствия образования, определённого социального статуса.

Т. В. Ларина отмечает, что понятия грубости и вежливости прямо противопоставлены друг другу в русской культуре, в то время как в западной нет такого резкого контраста, что непременно следует учитывать, например, при анализе межкультурной коммуникативной ситуации [ср.: Ларина 2009: 137; Жельвис 2012]. Автор, помимо категорий вежливости и грубости, использует понятие «социально допустимого» [Ларина 2009: 158].

Таким образом, арсенал языковых средств, обеспечивающих феномен «грубость», разнообразен и носит национально-специфический характер, поскольку в разных культурах существуют разные конвенциональные нормы, следовательно, свой контент грубости, способный меняться со временем. Однако, рассматривая подобные средства с точки зрения их соотношения с табуированным денотатом, показатель, являются ли они более грубыми, негативными, нежелательными, будет определяющим при отнесении их к средствам дисфемизации.

2.3.2. Прямая номинация табуированного речесмысла

Экспликация табуированных речесмыслов осуществляется не только посредством дисфемизмов, но и посредством прямых номинаций по отношению к табуированному денотату. Следует отметить, что при разграничении дисфемизмов и прямых номинаций может возникнуть сложность, что объясняется зависимостью этих явлений от временного, культурно-национального и ряда других факторов, когда табуированный речесмысл перестаёт быть табуированным в силу изменений в обществе, восприятия того или иного явления с течением времени или ряда других причин. Также прямая номинация и эвфемизм становятся дисфемизмами: «Das Skurrile von heute ... signalisiert die neuen Grenzen von morgen... verwandelt sich schon morgen in den ganz normalen Programmalltag» [Ganguin 2006: 91] («Абсурдные сегодня вещи указывают на новые возможности завтра... превращаются в обыденность»). Например, номинация «проститутка», использующаяся ранее исключительно как эвфемизм, сегодня потеряла функцию смягчения. Но к дисфемизму её отнести сложно (ср. «шлюха», «шалава»). Поэтому существительные «проституция», «проститутка» являются, скорее, прямыми номинациями по отношению к табуированному денотату. Отнесение номинации к дисфемизму или прямому наименованию контекстуально обусловлено. Так, например, метонимичное использование

слова «проститутка» по отношению к политику во время дебатов (как перенос названия одного субъекта на другой «по принципу их реальной или ассоциативной смежности», по общему признаку: продажность, беспринципность) является оскорблением, выполняет функцию дисфемизма.

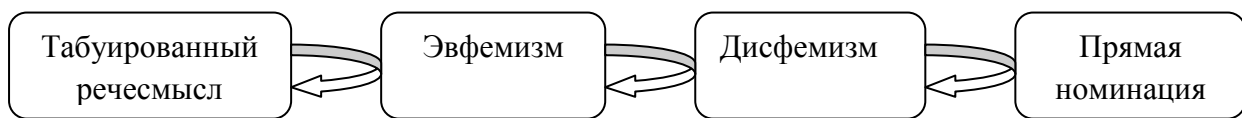
В качестве примера обратимся к фрагменту репортажа немецкого канала «ARTE», посвящённого первой масштабной атомной катастрофе в Советском Союзе на производственном объединении «Маяк», материалы о которой до недавнего времени относились к разряду сверхсекретных [71]. Разглашение подобной информации находилось под абсолютным запретом. Об этом свидетельствует прежнее обозначение закрытых городов цифрами, а также отсутствие их на географических картах. С другой стороны, немецкими журналистами используются прямые номинации не только для называния табуированных военно-политических реалий и тайных стратегических объектов чужой страны («Atombombe» – «атомная бомба», «In der Sowjetischen Rüstungsanlage „Majak“, dort wo Stalin das Plutonium für den Kalten Krieg produzieren ließ...» – «В Советском Союзе, там, где по приказу Сталина производили плутоний для холодной войны», «geschlossene Stadt Ruzhewsk» – «закрытый город Ружевск» и др.), но и при описании человеческих страданий из-за тяжёлых заболеваний («Krebsleiden» – «страдания от рака», «radioaktiv verseucht» – «заражённый радиацией»), смерти, мертворождения («nach und nach sind die Leute gestorben» – «люди постоянно умирали», «totgeborene Kinder» – «дети, родившиеся мёртвыми») и других понятий, связанных с узуальными табу в обеих лигвокультурах.

Образное выражение «Menschen zweiter Klasse», которое использует одна из участниц сюжета, характеризуя свой социальный статус жительницы закрытого города, вряд ли можно отнести к дисфемизму, сравнительно с такими синонимичными уничижительными номинациями, как «Abhub der Gesellschaft», «Pöbel», «Gesindel», «Gezücht» (отбросы общества, плебеи, чернь, быдло). С другой стороны, оно не редуцирует негативную смысловую нагрузку и давно превратилось в ярлык, который отражает представление о некой элитарной группе и о других как «людях второго сорта», об ущемлении прав и свобод

личности, разных проявлениях дискриминации. Подобное негативно-коннотированное устойчивое словосочетание, скорее, прямо выражает табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу.

Схематично можно представить взаимосвязь названных способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов как определённый континуум.

Схема 1.

Таким образом, прямая номинация подразумевает собственное наименование денотативного содержания табуированного речесмысла, которое может считаться прямым в определённой коммуникативной ситуации, ограниченной временными, пространственными и контекстуальными рамками.

2.3.3. Использование номинаций, принадлежащих к бинарной оппозиции «свой/чужой»

Данный способ достаточно близок к предыдущему, поскольку номинации, относящиеся к бинарной оппозиции «свой/чужой», прямые и указывают на лингвокультурную принадлежность, а именно: близость или чужеродность партнёров по коммуникации. Обозначение инокультурной принадлежности не всегда служит реализации дискурсивной практики детабуирования (ср. с пунктом 2.2.5). Но, как только номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой» интенционально направляются на умаление культурной самодостаточности участников дискурса, их характер кардинально меняется.

В качестве примера опишем коммуникативную ситуацию, которую достаточно условно можно отнести к институциональному контексту, но

которая наглядно демонстрирует механизм коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках выделенного способа.

Макроконтекст. Город Красноярск. Общественный транспорт. Важно отметить, что речь идёт об определённом маршрутном такси. Схема передвижения данного автобуса чрезвычайно протяжённая. Маршрут проходит мимо большой клинической больницы Красноярска, а также нескольких поликлиник. На остановках общественного транспорта, расположенных в таких местах, как правило, большинство пассажиров – посетители данных учреждений: больные, пожилые люди. Кроме того, автобус движется мимо стихийных и постоянных рынков, где большинство продавцов, владельцев торговых точек и других представителей торговли – так исторически сложилось – носители других культур (приезжие из Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Армении и т.д.), активно пользующиеся данным маршрутом, чтобы добраться до или с места работы. Поэтому автобусы часто переполнены людьми, принадлежащими разным этническим культурам, которые не всегда терпимо относятся друг к другу из-за ряда стереотипных представлений, личной неприязни на фоне национальных предубеждений/предрассудков. Это обуславливает бытование табу на разных уровнях (приватном, интракультурном и интеркультурном). Функционирование табуированных речесмыслов в таком контексте подразумевает достаточно частую их экспликацию посредством дисфемизмов и других негативно-оценочных номинаций, а также использование номинаций из бинарной оппозиции «свой / чужой».

Место и время интеракции: переполненный автобус, 18–19 часов вечера (час пик), остановка общественного транспорта «Поликлиника».

Состав участников: двое мужчин среднего возраста с ярко выраженной внешностью уроженцев Таджикистана в начале салона автобуса сидят на посадочных местах. Две пожилые женщины. Одна из женщин, та, что моложе, придерживает другую, очень пожилую, под руку. У второй женщины в руках трость, что говорит о возможных проблемах со здоровьем, а также о том, что ей

явно трудно передвигаться. Пассивные наблюдатели: водитель, кондуктор, пассажиры.

Цель интеракции: выражение недовольства по поводу поведения гастарбайтеров.

Коммуникативная инициатива принадлежит одной из вошедших женщин. Адресат не пытается перехватить инициативу, реагируя на высказывания женщины невербально.

Форма общения: монолог, состоящий из вопросительного обращения к адресату (мужчине), провоцирующий его на реакцию, интенционально направленный на развязывание диалога; высказывание, ориентированное на всех участников и пассивных наблюдателей.

Тональность и стиль общения: присутствует раздражённость; стиль разговорный, неформальный.

Итак, ситуация заключается в следующем: две женщины входят в автобус. Один из мужчин, сидящий на месте у окна, встаёт, намереваясь уступить место пожилой женщине. При этом второй мужчина, сидящий ближе к проходу, не собирается уступать место. Однако он вынужден приподняться и отодвинуться в сторону, чтобы выпустить первого мужчину и пропустить на место у окна женщину. Пожилая женщина занимает место у окна, а сопровождавшая её, не раздумывая, садится на второе освободившееся место. Оба мужчины остаются стоять в проходе салона автобуса. Один из мужчин выражает своё недовольство невербально: его мимика выказывает крайнее негодование, удивление и явное недовольство (наморщенный лоб, поднятые брови, ухмылка, взгляд). Женщина-сопровождающая (Ж.) смотрит на недовольного мужчину (М.), вероятно, понимает его реакцию и произносит:

М.: (Недовольно и удивлённо бросает взгляд на женщину, занявшую его место)

Ж.: Вы оскорблены?

М.: (Удивлённо смотрит на женщину)

Ж.: У себя на Родине возмущаться будешь! (Поворачивается к своей спутнице)

Понаехали тут!

Ж. 2: Ага, не говори....

М: (Отворачивается ко второму мужчине, кивает ему. Оба начинают двигаться в сторону входной двери автобуса. Через одну остановку мужчины выходят. Пока автобус стоит, можно слышать, что мужчины что-то оживлённо обсуждают на своём родном языке).

Прямое обращение в форме вопросительного предложения с личным местоимением «Вы» сменяется восклицательной репликой с обращением на «ты», выраженным вспомогательным глаголом будущего времени в форме второго лица, единственного числа. Негативно-коннотированные лексемы («оскорблены» и «возмущаться») употребляются коммуникантом в разных залоговых конструкциях. Предлог «у» с возвратным местоимением «себя» и предлог «на» с лексемой «Родина» выполняют дейктическую функцию. Неопределённо-личное предложение «*Понаехали тут!*» используется в качестве риторического восклицания, которое в совокупности с перечисленными языковыми средствами и невербальными сигналами (мимика, изменение положения корпуса тела, визуальный контакт) интенционально направлены на умаление культурной самодостаточности представителя другой лингвокультуры. Очевидно, в данной ситуации подразумевается такая интерпретация: «*Вы здесь чужие. Вы на нашей Родине, где мы хозяева, а вы никто. Поэтому не смейте возмущаться*». Коммуникант открыто демонстрирует недоброжелательное отношение, выражая этнические предрассудки и нарушая межкультурно-обусловленное табу.

Другим примером может служить высказывание «*Du bist nicht deutsch und du bist komisch*» («*Ты не немец и ты странный*») [56], адресованное человеку с миграционным прошлым. Говорящий проводит параллель между инаковостью и этнической принадлежностью с помощью отрицания «*nicht deutsch*» и эмоционально-окрашенного прилагательного «*komisch*», утратившего в немецком языке в последнее время свою положительную коннотацию «*смешной, забавный*» и употребляющегося преимущественно в значении «*странный, ненормальный*».

Таким образом, использование номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой» (оценочных прилагательных (напр., *другой, чужой, не такой, странный*), существительных и субстантивированных прилагательных, определяющих культурно-национальную принадлежность (напр., *немцы, русские*), притяжательных, указательных местоимений (напр., *наш, ваш, их, этот, тот*), неопределённо-личных форм просторечных глаголов (напр., *понаехали, припёрлись*), личного местоимения *ты* вместо уважительного *Вы*, слов, обозначающих уничижительные и презрительные прозвища (напр., *хачики, фрицы, москали*) и т.д.) служит реализации дискурсивной практики детабуирования.

2.3.4. «Сенсационализация»

С помощью «сенсационализации» («Sensationalismus» [Ganguin 2006: 24]) осуществляется манипулятивное воздействие на «ассоциативное мышление реципиента» посредством создания «эмоционально-нагруженного контекста» [Данилова 2009: 13]. Целью данного способа коммуникативной обработки является уже не огрубление речи, а создание сенсации путём нарушения табуированного денотата. При этом можно обозначить ряд приёмов, реализующих названный способ:

- усиление зрелищности (*Spektakularisierung*);
- усиление сексуального подтекста (*Sexualisierung*);
- усиление или преувеличение катастрофичности (*Katastrophierung*);
- криминализация (*Kriminalisierung*);
- преувеличение абсурдности и эпатаж (*Devianzierung*) [Ganguin 2006: 24].

В арсенал коммуникативно-языковых средств «сенсационализации» входят слова, составляющие прагматически нагруженную категорию страха и паники [Данилова 2009: 90]; алогизмы; параллельные конструкции; модальные глаголы в субъективном значении; прилагательные в превосходной и сравнительной степенях; риторические вопросы; перенос узкоспециальной

лексики из одной области в другую; фонетические и графические средства; стилистические фигуры и тропы; смешение стилей и т.д.

Приёмы «сенсационализации» оказываются неизменно актуальными в масс-медиаальном дискурсе:

- при анонсировании новостных событий, репортажей, телепередач и т.д. Например, в сюжете из «*Nachtmagazin*»: «*Brutale Gewalt. Die schlimmsten Ausschreitungen in Großbritannien seit Jahrzehnten....*» («Зверское насилие. Самые масштабные массовые беспорядки в Великобритании за последние десятилетия») [65]. Негативно-коннотированная номинация «*Gewalt*» усилена эпитетом «*brutal*». Высказывание интонационно парцеллировано говорящим, который использует конструкцию экспрессивного синтаксиса, прилагательное в превосходной степени и существительные в форме множественного числа для усиления катастрофичности описываемого события. Из новостей: «*Kinderschlägerei und Missbrauchen. Ein polnischer Bischof soll die Kinder geschlagen haben...*» («Избиение и изнасилование детей. Священнослужителя из Польши обвиняют в избиении детей») [75]. Субстантивированная форма глагола «*Missbrauchen*» и собирательное существительное «*Kinderschlagerei*» в качестве экспликаторов табуированных речесмыслов, обусловленных табу на интракультурном уровне, контрастно противопоставлены существительному, идентифицирующему высокий социальный статус священника, для привлечения внимания аудитории. В параллельной конструкции используется однокоренной глагол «*schlagen*» и модальный глагол в субъективном значении «*якобы*», которым говорящий снимает с себя ответственность за прямое обвинение и нарушение табуированного денотата;

- в названиях сюжетов, телепередач, документальных фильмов и пр. Например: «*Moskau lässt die Puppen tanzen*» («Москва заставляет марионеток танцевать») [77]; «*Hart aber fair*» («Жёстко, но правда») [72]; «*Alltag im Großbordell. Das Geschäft mit dem Sex*» («Будни в большом борделе. Секс как бизнес») [32] и т.д.

Для иллюстрации данного способа коммуникативной обработки обратимся к репортажу популярной немецкой телепередачи «*Hallo Deutschland*», где

дружба между Германией и другими государствами, главами этих государств, представляется посредством усиления сексуального подтекста в контексте взаимоотношений главы ФРГ и бывшего президента Франции Николя Саркози [49]. Репортаж посвящён позиции Германии по отношению к сложившейся кризисной ситуации в Греции в 2011 году, а точнее, влиянию президента Франции на мнение президента Германии.

Репортёр, мужчина средних лет, с выразительной мимикой и жестами, комментирует архивные кадры встреч двух политиков для совместного принятия антикризисных решений и обращается с вопросами к прохожим. Приведём небольшой отрывок.

<i>Reporter: Was macht dieser Nikolas Sarkozy nun mit den Frauen? (auflachend)</i> <i>Reporter: (wendet sich an eine junge Frau)</i> <i>Haben Sie gesehen, wie glücklich der Nikolas die Angela macht?</i> <i>Frau: (auflachend) Ah... Ja, immer!</i> <i>Reporter: Hier redet sie immer ganz ernst , dass wir nicht mitmachen wollen, dass wir nicht alles bezahlen (пародируя, понижает голос, демонстрирует серьёзность)...</i> <i>Reporter: Dann geht sie nach Frankreich, dann kommt Sarkozy, küsst... oh la la... oh la la... Und after one Night in Paris ... dann macht sie genau das, was die Franzosen wollen. Wuala!</i> <i>Reporter: (wendet sich an eine andere Frau)</i> <i>Was hat dieser Mann, das die Frauen wahnsinnig macht? Was hat der Mann?</i> <i>Andere Frau: Fetisch! (lacht)...Und ein Küsschen her, ja... (lacht)</i> <i>Reporter: (показывают кадры одной из встреч, где Саркози приветствует Меркель, они улыбаются друг другу) Und die Angela ist erotisch halt nicht so verwöhnt... Da macht es</i>	<i>Репортёр: Что только делает этот Николя Саркози с женщинами? (улыбается)</i> <i>Репортёр: (обращается к молодой женщине – прохожей) Вы видели, какой счастливой делает этот Николя нашу Ангелу?</i> <i>Женщина: (улыбаясь) Э... Конечно, всегда!</i> <i>Репортёр: Здесь она всегда очень серьёзно говорит, что мы не будем участвовать в этом, что мы не будем всё оплачивать...</i> <i>Репортёр: Потом она отправляется во Францию. Потом появляется Саркози, целует... О-ля-ля... О-ля-ля... И спустя одну ночь в Париже... она делает всё точно так, как хотят французы. Вуаля!</i> <i>Репортёр: (обращается к другой прохожей) Что есть такого в этом мужчине, что сводит женщин с ума? Что в нём такого?</i> <i>Другая женщина: Это фетиш! (смеётся)... И поцелуйчик, конечно...(смеётся)</i> <i>Репортёр: А Ангела-то совсем не избалована в эротическом плане... Ей-то точно нравится, не так ли? (обращаясь к другой молодой женщине)</i>
--	--

<i>ihr mal Spaß, ne? (wendet sich wieder an eine junge Frau)</i>	<i>Женица: По-моему, он немного низковат (смущённо улыбается)</i>
<i>Frau: Er ist ein bisschen klein (auflachend)</i>	<i>Репортёр: Да, но он это замечательно компенсирует!</i>
<i>Reporter: Ja, aber er kompensiert es wunderbar!</i>	<i>Женица: (улыбается) И чем же?</i>
<i>Frau: (auflachenf) Wodurch?</i>	<i>Репортёр: Своим шармом и нежностью...</i>
<i>Reporter: Durch Scharm und durch Zärtlichkeit... (подчёркивает последнее слово, брови поднимает многозначительно вверх, сигнализируя, что намекает на подтекст)</i>	<i>Женица: Ах, нежностью...</i>
<i>Frau: Durch Zärtlichkeit, ah... (улыбаясь, девушка показывает, что поняла намёк)</i>	<i>Репортёр: Я по-другому не могу этого объяснить. Даже когда он приветствует её, Ангела уже вся такая довольная, вся в нетерпении... Потом двери закрываются и, как говорят парижане, «О-ля-ля!»</i>
<i>Reporter: Ich kann es nicht anders erklären, weil... wenn er sogar sie begrüßt, ist die Angela schon ganz froh, erregt in Erwartung... dann gehen die Türen zu und die Pariser sagen: «Oh la la!»</i>	<i>Женица: О-ля-ля, а там неизвестно, что происходит (смеётся)</i>
<i>Frau: Oh la la, da weiß man nicht, was passiert (lacht)</i>	<i>Репортёр: И после этого у министерства экономики появляется «дело чести», отлично!</i>
<i>Reporter: Und dann gibt's in Wirtschaftsregierung d'honneur Point, Perfekt!</i>	

Разговорные частицы «nun», «doch», «ja», восклицания, интонационное выделение эмоционально-оценочных лексических единиц, заимствования и фразы на французском и английском языках «Oh la la», «Wuala», «d'honneur Point», «one Night in Paris», существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом «Küsschen», улыбка, смех, визуальный контакт используются для эмоционализации дискурса. Табуированные речесмыслы функционируют в рамках контекста, который задают следующие выразительные языковые конструкции: «Frauen glücklich machen – küssen – wahnsinnig machen – Küsschen – erotisch verwöhnt – Spaß machen – Scharm und Zärtlichkeit – ganz froh – erregt in Erwartung – da weiß man nicht, was passiert (делать счастливым женщин – целовать – сводить с ума – поцелуйчики – эротически искушённая – доставлять удовольствие – нежность – очень довольна – в предвкушении – никто не знает, что происходит). Фраза «one Night in Paris»

выражает пресуппозиции говорящего (является одновременно названием лирического концертного альбома популярной британской группы *Dereche Mode*; «романа для взрослых» автора Адоры Белл (*Adora Bell*); одного откровенного видео 2004 года знаменитой актрисы Пэрис Хилтон, вызвавшего негодование широкой общественности). Фоновая информация взаимодействует с прямым значением англоязычной конструкции и с коммуникативным контекстом в целом.

Способ «сенсационализации» сопровождают другие способы детабуирования: прямая номинация табуированных речесмыслов («*Fetisch*», «*erotisch*», «*küssen*» и т.д.), использование номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой» («*Hier redet sie immer ganz ernst/ dann macht sie genau das, was die Franzosen wollen*»). Одновременно они пересекаются со способами табуирования, реализуя смену дискурсивных практик: эвфемизацией, коммуникативным приёмом «позволить объяснить себе», к которому прибегает репортёр, обращаясь к прохожим, а также одна из участниц дискурса, когда шутливо переспрашивает, чем же Саркози «компенсирует» («*kompensiert*») свой недостаток, маленький рост. Журналист в ответе использует положительное гетеростереотипное представление о французах («*Durch Scharme und durch Zärtlichkeit*»), но интонационно выделяет второй компонент, намекая на определённый подтекст. Из реакции девушки (улыбается, подмигивает, воспроизводит слова и интонацию интервьюера) мы видим, что она расшифровала табуированные речесмыслы в соответствии с пресуппозиционными установками говорящего.

Таким образом, создание сенсации посредством нарушения табуированного денотата – способ коммуникативной обработки, популярность которого обусловлена рядом важнейших характеристик масс-медиального интердискурса. Частные приёмы «сенсационализации» служат реализации главных задач, которые современные исследователи атрибутируют СМИ.

2.3.5. Псевдодисфемизация

Подобно тому, как В. И. Жельвис выделяет феномен «псевдогрубость», говоря о намеренном использовании грубых слов не с целью оскорбить, а с целью выразить свою любовь, симпатию, похвалу и т.д. [Жельвис 2012], на наш взгляд, вполне логично говорить о псевдодисфемизации.

Такой способ коммуникативной обработки распространён в развлекательных жанрах масс-медиа, в литературе. Так, например, в известном массовому читателю романе встречаем: *«Джесс стояла рядом, смотрела вопросительно и повиливала хвостом, не понимая, почему, собственно, они обнимают друг друга, а не её! Чего лучше – обнимали бы свою собаку, гладили по голове и за ушами, хвалили бы её, говорили, что она «противная собака», «ужасная собака», «приставучая собака»! И еще велели ей «идти на место», а она брякнулась бы им под ноги, и этот самый главный, самый важный человек в её жизни почесал бы ей пузо!..»* [30]. Негативно-оценочные эпитеты в словосочетаниях, адресованных собаке хозяевами, сама собака воспринимает исключительно как похвалу, выражение любви и симпатии, которые к ней испытывают люди. Поэтому рассматривать уничижительную лексику в данном контексте представляется возможным только как средство создания иронии.

В популярном развлекательном сериале «Интерны» главврач терапевтического отделения в общении со своими интернами и заведующей часто употребляет грубые номинации («мерзавец», «засранец», «змея подколотная» и др.), которые не всегда можно расценить как ругательства. Так, псевдодисфемизмом «мерзавец» врач именуется подчинённого. Говорящий подчёркивает слово интонационно и тянет ударный гласный, улыбаясь. Негативно-коннотированная лексема «предатель» иронично произносится доктором Быковым, высоко оценившим находчивость одного из подопечных, и входит в состав сложного слова вместе с существительным «эквилибрист». Говорящий метонимично намекает на «изворотливый ум» интерна. Затем следует риторическое восклицание, позволяющее интерпретировать

высказывание не как оскорбительное обвинение, а как восторженный комплимент: *«Он начинает мне нравиться!»* [11].

Проявления грубости, оскорбления в условиях институционального общения считаются неприемлемыми. Использование средств псевдодисфемизации, однако, весьма распространено в русскоязычном дискурсе. Дружеские, доверительные взаимоотношения в рабочем коллективе являются одной из составляющих успешной трудовой деятельности, по мнению представителей русской лингвокультуры. Псевдодисфемизмы выполняют здесь фатическую, комплиментарную, оценочную, назидательную функции.

Так, фраза преподавателя: *«Ну, здравствуйте, господа двоечники!»*, произнесённая с улыбкой и соответствующей интонацией, помогающими интерпретировать её как шутливое обращение, не будет расценена студентами как ругательство, намерение умалить их самодостаточность. Негативная оценочная номинация *«двоечники»* употребляется с существительным *«господа»*, выражающим уважительное отношение к равным или высшим по статусу собеседникам. В сочетании с официальным приветствием на *«Вы»* создаётся иронический эффект.

Выражение *«Ну Вы и деспот!»* иронично подчёркивает солидарность с коллегой-преподавателем, который рассказывает о сложном, трудоёмком задании, подготовленном в качестве «наказания» для студентов, не выполнявших в течение учебного семестра домашние задания, и не является ругательным, несмотря на использование негативно-коннотированной лексики, которая в другом контексте может вызвать нежелательные ассоциации с такими табуированными понятиями, как ущемление прав человека, дискриминация, насилие. Невербальные сигналы (улыбка, мимика, интонация) сопровождают подобный способ обработки и помогают верно интерпретировать речесмыслы.

2.3.6. Стереотипизация

Выделенный способ коммуникативной обработки подразумевает выражение негативных (этно)стереотипных предубеждений о культуре (субкультуре), носителем которой является адресат, и используется, как правило, с целью умалить его культурную самодостаточность, задеть чувства, оскорбить, спровоцировать коммуникативный конфликт.

С помощью приёма генерализации адресант обобщает всех «чужих» и применяет по отношению к ним отрицательные оценочные номинации, пейоративную лексику, вербализуя укоренившиеся в обществе предрассудки и нарушая межкультурно-обусловленные табу: все русские – пьяницы и невежды, все эстонцы – тугодумы, все немцы – скрытые агрессоры, снобы и расисты и т.д. [Кашкин 2005: 250; Нымм, 2006: 183; Йетик 2004]. Например, в одном из сюжетов немецкоязычного репортажа о ядерной катастрофе, телеведущая говорит о России: «*wo es immer statt Medikamente nur Wodka gab...*» («там, где водка всегда заменяла лекарства») [71]. Наречие времени «*immer*», заимствование «*Wodka*» с ограничительным наречием «*nur*», конструкция с предлогом «*statt*» выражают негативное гетеростереотипное представление о русских как о пьющей нации.

Стереотипизация как способ коммуникативной обработки табуированных речесмыслов актуальна не только в рамках межкультурного взаимодействия, но зачастую затрагивает другие сферы табуирования. Так, в случае конфликта представители одной лингвокультуры нередко прибегают к экспликации негативных авто- и гетеростереотипов, которые приписывают своим оппонентам, чтобы продемонстрировать виновность последних в том, что подобные представления отчасти правдивы.

Приведём пример из репортажа «*Moschee im Missklang*» немецкой телепередачи «*Abenteuer Integration*» («Приключения интеграции»), который освещает конфликт между немцами и турками из-за строительства мечети в городе Дуйсбург (Duisburg), в местности под названием Марксло (Marxloh) [48]. Последняя известна тем, что её население наполовину

составляют переселенцы из Турции. Этот факт довольно часто вызывает недовольство у коренного населения, особенно у немцев старшего поколения. Между тем многие этнические немцы, имеющие друзей и знакомых среди турков, поддерживают их и принимают активное участие в антинационалистических демонстрациях. Так, в спор, возникший на улице между тремя пожилыми мужчинами и молодой женщиной-турчанкой, вмешивается её приятельница-немка. Мужчина обвиняет турков в беспорядке, нечистоплотности, нежелании по-настоящему влиться в цивилизованное немецкое общество, постоянных скандалах и настаивает: «*die Türken sollen vernünftig aufhören...*» («Туркам следует быть разумнее и прекратить...»). Турчанка не соглашается с ним и возмущённо заявляет: «*Ne, Ihr... die Deutschen aber auch, nicht nur die Türken, alle!*» («Нет, вы... немцы тоже, не только турки, все!»). Когда мужчина пытается на повышенных тонах противоречить, женщина произносит следующую фразу: «*Doch...ja, natürlich, die Nazis sollen wiederkommen, damit wir schönen Lebensausschnitt wieder haben... Dann werden Sie Ihre Ruhe wieder haben!*» («Ну да, конечно, нацисты должны вернуться, чтобы жизнь стала снова прекрасной... Тогда вы успокоитесь!»). Турчанка не называет мужчину и остальных участников конфликта прямо фашистами или нацистами, но саркастично намекает на их приверженность этой идеологии с помощью словосочетания с прилагательным в переносном значении «*schönen Lebensausschnitt*» и лексемы «*Ruhe*», которые соотносятся с сокращённой формой негативно-коннотированного существительного «*die Nazis*». Другая участница конфликта, немка, напротив, разворачивает смысл высказывания и после длительных эмоциональных препирательств и прямых оскорблений заявляет, обращаясь к мужчинам: «*Und Sie sind nicht harmlos... Sie sind Faschisten!*» («А вы прям такие безобидные... Вы настоящие фашисты!»). В данной реплике мы уже видим негативную оценочную номинацию «*Faschisten*», которую говорящая использует в качестве инвективы в восклицательном предложении, указывая на жестокость и враждебность немцев по отношению к иностранцам. Такие обвинения выдвигают в адрес носителей немецкой лингвокультуры со времён Гитлеровской эпохи, несмотря на то, что

подобные проявления в современном европейском обществе составляют сферу табу на интра- и интеркультурном уровнях.

В ответе пожилой мужчина советует «в таком случае установить в мечети статуи свиней», плюёт в сторону женщин, разворачивается и уходит вместе со своими спутниками, одобрительно выражающими ему поддержку: «*Stellen Sie mal zwar Schweinekopien in der Moschee dann!*». Лексема «*Schweine*» как часть сложного составного существительного используется по отношению к туркам, на нечистоплотность которых так метонимично намекает коммуникант. Образность и оценочность повелительной конструкции усилены сочетанием с религиозной святыней мусульман, мечетью, на которую предлогом места указывает мужчина. Так он, с одной стороны, проявляет своё неуважение и, с другой стороны, с помощью сарказма подчёркивает справедливость укоренившегося в его культуре негативного представления о турках, которые, являясь мусульманами, считают свинью грязным животным, но сами ведут себя именно так в чужой стране. Вероятно, высказывание следует интерпретировать как скрытое сравнение: свиньи в мечети – это турки в Германии. Невербальное проявление грубости в адрес женщин (плевок) сопровождается вербальное выражение агрессии. Оно призвано эмоционально усилить речевое воздействие, выказать крайнюю степень презрения.

Часто стереотипизация как способ коммуникативной обработки табуированных речесмыслов используется в документальных фильмах, составляющих значительную часть масс-медиального дискурса и представляющих собой сочетание вербального компонента с невербальным, аудиовизуальным рядом и другими существенными для смысловой завершенности фильма факторами. Документальный фильм – это по сути «креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности» [Зарецкая 2010: 22] и созданное автором для просмотра реципиентом сообщения. Документальный фильм можно рассматривать как

«срез восприятия реальности» [Сорока 2002: 48], в котором эксплицируется множество табуированных речесмыслов.

Способы коммуникативной обработки здесь напрямую соотносятся с идейным содержанием фильма, представлениями производителя о потенциальной аудитории. «Продукты» для внутреннего и внешнего спроса (например, документальный фильм немецкого телевидения о русской культуре, предназначенный изначально только для трансляции на местном канале, и фильм для широкого показа, в том числе в России) довольно отличаются. Влияние пресуппозиционных установок, пространственного, временного, культурно-национального факторов отражается на общей концепции фильма, уровнях табуирования, наборе лингводискурсивных средств выражения табуированных речесмыслов.

Приведём несколько фрагментов документального фильма немецкой журналистки Риты Кнобель-Ульрих (Rita Knobel-Ulrich) о современной Москве и жизни россиян в целом «Moskau lässt die Puppen tanzen» [77].

Функционирование табуированных речесмыслов в данном примере детерминировано межкультурно-обусловленными табу. Автор фильма не только прибегает к завуалированной критике «чужих» при помощи цитирования, как это часто происходит в документальных фильмах, отражающих реалии другой лингвокультуры, но и самостоятельно даёт оценку наиболее значимым, на взгляд представителя немецкой национальности, российским, московским реалиям, указывая на несправедливость, ущемление прав человека, социальное неравенство.

При появлении на экране названия фильма звучит музыка из песни популярной в Германии певицы LaFee «Lass die Puppe tanzen» («Пусть кукла танцует»). Немецкоязычной песней о кукле-марионетке певица заявила о том, что она «больше не марионетка в руках продюсера, а свободная певица» [LaFee – Das Comeback: электрон. ресурс]. Перенос части названия песни в заглавие фильма используется как приём языковой игры и указывает на скрытый

подтекст. Автор, вероятно, выражает негативное стереотипное представление о москвичах как марионетках.

Затем музыкальное сопровождение сменяется песней «Moskau» группы «Dschinghis Khan», популярной в Советском Союзе. Стереотипные представления о России, вербализованные в тексте песни, автор фильма совмещает с кадрами, которые заменяют друг друга: достопримечательности Москвы; нарядные люди тостуются бокалами с шампанским; матрёшки; дорогой автомобиль подъезжает к шикарному особняку; балетное училище с маленькими балеринами-ученицами; переполненный автобус; девушка примеряет шубу из меха соболя; мужчина едет на авто с открытым верхом, положив руку в дорогих часах на край двери; троллейбус медленно проезжает мимо небоскрёбов и т.д. Невербальные способы экспликации стереотипных представлений (не только негативных) используются автором для знакомства зрителя с чужой культурой.

В одном из примеров журналист озвучивает негативное стереотипное представление о русских женщинах: *«Aus Bentleys, Porsche und (...) schälen sich langweilige Nataschas auf der Suche nach den Prinzen. Auf dem weißen Pferd muss er nicht kommen, aber reich muss er sein. Ständige Bauarbeiterinnen und Plan überfüllende Werktätige gibt es nicht mehr. Das Heute-Schema heißt lange Haare, kurze Röcke, schmale Taille, sehr jung»* («Из «Бентли», «Порше» и (...) появляются назойливые Наташи в поисках настоящего принца. Ему не обязательно быть на белом коне, но богатым он быть обязан. Неутомимые строители и перевыполняющие план труженицы были вчера. Показатели сегодня – длинные волосы, короткая юбка, тонкая талия, юный возраст»). Грамматическая форма множественного числа, сложное составное существительное «Heute-Schema», однородные дополнения служат приёму генерализации. Хиазм при повторении части предложения с модальным глаголом и выделением его интонационно во втором случае, глагол в переносном значении «*sich schälen*», эмоционально-окрашенное прилагательное «*langweilig*» и имя собственное в качестве собирательного обозначения всех русских девушек, которое, как известно, используется в качестве нарицательного, обозначающего, по сути, женщину лёгкого поведения, – всё это подчёркивает ироничность высказывания.

Образное сравнение идеалов советского и современного российского общества посредством сопоставления номинаций, обозначающих соответствующие реалии, в параллельной конструкции превращает иронию в язвительную насмешку, вербализованную негативную оценку. Говорящий применяет способ стереотипизации.

Негативный стереотип о современных русских женщинах выражается в следующем примере. Обобщающей конструкцией *«die mehreren russischen Frauen»*, прямо идентифицирующей национальную и гендерную принадлежность объекта высказывания, фамильярными разговорными номинациями *«Klamotten»*, *«Klunkern»* адресант передаёт представление о недалёкости и беспринципности представительниц женского пола: *«Karriere möchten die mehreren russischen Frauen nicht mehr machen. Klamotten und Klunkern reichen schon»* (*«Карьеру делать большинство русских женщин уже не желают. Шмотки и побрякушки – этого достаточно»*). Перечисление трёх дополнений, каждое из которых начинается с буквы «К» (*«Karriere»*, *«Klamotten»*, *«Klunkern»*), выполняет функцию парафраза, который заключается в замене номинаций из знаменитого немецкого лозунга короля Вильгельма II *«Kinder, Küche, Kirche»*, выражающего представление о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей. Последняя, как известно, постоянно пересматривалась, в том числе с развитием феминистского течения, поставившего именно карьеру на одну из лидирующих позиций в современном европейском обществе. В данном случае номинация *«Karriere»* тоже вынесена в начало предложения, но, вероятно, чтобы подчеркнуть комичность суждения, выразить язвительную насмешку, продемонстрировать разницу между успешной, самодостаточной европейкой и идеалом россиянки.

Социальное неравенство, нищета, высокая смертность среди мужского населения в России – понятия, к которым обращается представитель немецкой лингвокультуры в фильме. Табуированные речесмыслы передаются с помощью вербальных и невербальных средств, реализующих способ стереотипизации. Кадры с бездомными, пожилыми людьми, просящими милостыню,

сопровождают текстовое сообщение: «*Babuschkas trifft es vor allem. Männer sterben so früh und so betteln die Omas in einer der teuersten Städten der Welt ums Überleben*» («Бабушек это касается прежде всего. Мужчины очень рано умирают, а пожилые женщины просят милостыню на пропитание в одном из самых дорогих городов мира»). Усиление контраста достигается путём противопоставления оборота с прилагательным в превосходной степени «*in einer der teuersten Städten der Welt*» глаголу в прямом значении «*betteln*» с дополнением в винительном падеже «*ums Überleben*». Автор использует стилистическую фигуру антитезы. Заимствование «*Babuschkas*», переданное транслитерацией сохранено автором вместо формы множественного числа немецкоязычного существительного «*Omas*», вероятно, чтобы подчеркнуть, насколько разнятся эти концепты в двух лингвокультурах.

Автор фильма приводит интервью с сотрудником МЧС, мужчиной средних лет. Военный жалуется, что его зарплаты хватает только на еду ему и его семье меньше чем на неделю, поэтому он изготавливает из сплава фигурки, разрисовывает их в русском стиле и продаёт на улице. «*So verdienen sich die Unteroffiziere der Armee ihr Zubrot*» («Так армейские офицеры низшего ранга зарабатывают себе на хлеб»). Вместо нейтрально окрашенного существительного «*Nebenverdienst*» журналист использует номинацию «*Zubrot*» (*приработок*), однокоренную со словом «*Brot*» (*хлеб*), подмечая, что мужчина не пытается сколотить состояние, нажить богатство, а лишь заработать, чтобы хватало «*хотя бы на хлеб*». Существительное, идентифицирующее социальный статус мужчины, его воинское звание, и глагол употреблены в форме множественного числа, которая выступает в качестве грамматического средства создания обобщённого значения: журналист не говорит об одном исключительном случае, а описывает стандартную ситуацию в чужой стране, эксплицируя табуированные речесмыслы, детерминированные табу на интеркультурном уровне.

Таким образом, стереотипизация как способ коммуникативной обработки в рамках дискурсивной практики детабуирования подразумевает использование эмоционально-оценочной лексики, жаргонизмов, разговорных языковых средств и просторечий, заимствований, прямых, пейоративных номинаций,

приёма генерализации, инверсий, сравнений, метафор, иронии, сарказма и прочих стилистических фигур и тропов с целью экспликации табуированных речесмыслов.

2.4. Невербальные способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов

По мнению авторов многих исследований, посвящённых невербальным средствам общения, «именно от умения понимать без слов часто зависит успех деловых и личных отношений между людьми» [ср.: Поваляева 2004: 3; Гудков 2003; Железанова 2008].

К таким средствам принято относить множество факторов, имеющих место в процессе речевой коммуникации, в том числе мимику, жестикуляцию, телодвижения, перемещение партнёров по коммуникации относительно друг друга в рамках ситуации общения, тактильную коммуникацию, визуальное взаимодействие (зрительный контакт, направление взгляда), а также акустические аспекты речи (качество голоса, диапазон тона, высота тона, темп речи, интонация, паузы) [Железанова 2008].

Многие жесты и другие невербальные компоненты непроизвольные, врождённые, то есть мы не можем их контролировать, но они, как утверждают учёные, могут выдать те или иные оценки, эмоции, переживания. В то же время некоторые действия, например мимические движения, совершаются намеренно, чтобы выразить или подчеркнуть то или иное настроение [Поваляева 2004: 61].

Анализ практического материала показал, что невербальные средства коммуникации, как правило, выступают в роли маркеров при экспликации табуированных речесмыслов и дополняют вербальные способы коммуникативной обработки в обеих дискурсивных практиках.

Показателен пример, выявленный нами в результате анализа немецкого ток-шоу «Hart aber fair», темой которого являются секты и новое религиозное направление «Scientology» [70]. Это наблюдение касается визуального

контакта. В случае, когда один эксперт высказывается относительно деятельности секты и даже уличает присутствующего в зале и участвующего в дискурсе одного из её идейных руководителей, он всегда отворачивается от собеседника и смотрит на модератора либо на других экспертов. Такое поведение можно объяснить, во-первых, желанием заручиться поддержкой, которое, вероятно, можно интерпретировать, как: *«Я не один так считаю, у меня много сторонников»*, и, во-вторых, демонстративной дистанцией, отказом во внимании и уважении партнёру по коммуникации с целью нанести ущерб его культурной самодостаточности, показать, что его не воспринимают как «своего», как равного по статусу.

«Отсутствие взгляда» исследователи относят к сигналу игнорирования: «Можно подчёркнуто отводить глаза, показывая, что игнорируешь партнёра, не хочешь иметь с ним дела (...). Но не исключено, что этот взгляд – признак надменности. С его помощью человек демонстрирует, что вы для него буквально пустое место» [Поваляева 2004: 56].

Помимо таких функций, как экономия и предвосхищение речевого высказывания, дополнение, а также регулирование речевого потока, акцентирование внимания на ту или иную часть вербального сообщения, невербальные знаки выступают в роли самостоятельных экспликаторов табуированных речесмыслов. Так, многие жесты замещают в речи элементы языка, имеют собственное значение и могут быть понятны без речевого контекста. Например, реакция одной из «звёзд» шоу-бизнеса на вопрос журналиста музыкального канала, касающийся её личной интимной жизни, выраженная фигурой из трёх пальцев, соответствует фразеологизму «показать кукиш», свидетельствует о наличии табуированной информации и может быть интерпретирована как отказ от продолжения коммуникации в заданном контексте. Такой грубый жест можно отнести к «сигналам одностороннего завершения разговора» [Иссерс 2002: 226], нарушающим нормы вежливости в общении и реализующим дискурсивную практику детабуирования.

Баннеры и видеоролики, используемые в целях рекламы, иногда не сопровождаются вербальными средствами, эксплицируя при этом табуированные речесмыслы невербально, разрушая табуированный денотат. Например, ролики, направленные на борьбу с наркоманией и алкоголизмом, насилием над детьми, где (видео)кадры выстраивают у массового реципиента негативный ассоциативный ряд и вызывают отвращение и неприязнь. Так, с целью эмоционального воздействия на курильщиков, а также предупреждения их о вреде курения на пачках сигарет помещают изображения легких или других органов, поражённых раковой опухолью, умерщвлённых зародышей, повреждённых конечностей и т.д.

Язык жестов и мимики чрезвычайно интересен и с точки зрения процесса табуирования, и с точки зрения процесса детабуирования. Он способен выдать информацию о том, что данная тема для коммуниканта нежелательна и неприятна, что собеседник, скорее всего, лукавит или откровенно обманывает и т.д. Некоторые жесты, общепринятые в одной культуре, нарушают культурно-узуальные табу в другой. Например, известный американский жест «О`К» обладает, как известно, сексуальным подтекстом для азиатов, для которых сексуальная тематика – пространство функционирования табуированных речесмыслов, обусловленных разноуровневыми табу.

Наиболее распространённым приёмом невербального табуирования является коммуникативно значимое молчание. Ему посвящены работы многих авторов [Арутюнова 1994; Крестинский 1998; Садыкова 2003]. Молчание одновременно указывает на то, что у говорящего возникла сложность при экспликации в речи каких-либо смыслов, что он пытается во время паузы подобрать необходимые языковые средства или намеренно замалчивает определённую информацию, не желает говорить в принципе. Молчание часто сопровождается определёнными жестами, телодвижениями, мимикой (поднесённый к губам палец, скрещивание рук на животе и увеличение дистанции между партнёрами по коммуникации, поворот головы в противоположную сторону, изменение положения корпуса тела и т.д.).

В целом общающиеся способны интуитивно понимать, расшифровывать смыслы, передаваемые с помощью невербальных сигналов. Однако их интерпретация осложнена различием культур, носителями которых являются коммуниканты, поскольку национально-культурный фактор влияет как на речевое, так и на неречевое взаимодействие. Так, ряд жестов отличается в разных культурах. Например, русские крутят пальцем у виска, прямо указывая партнёру по коммуникации на его глупость, а немцы в этом случае постукивают указательным пальцем по лбу, что может быть интерпретировано русскими как сигнал, что в голову пришла интересная мысль.

Приведём пример из немецкого репортажа под названием «Georgien. Ostwärts mit dem Rucksack der Sonne entgegen», который посвящён знакомству с культурой и достопримечательностями Грузии [45]. Группа журналистов из Германии путешествует в сопровождении гида по памятным местам. Во время осмотра одной из святынь гид крестится справа налево, что вызывает недоумение у девушки-немки, проследившей за движением рук грузина. Несколько секунд она задумчиво пытается повторить действия мужчины, но непроизвольно делает это слева направо, качает головой и пробует ещё раз медленнее. Гид, не замечая замешательства собеседницы, продолжает свой рассказ о местной достопримечательности и обращается к немке с очередным вопросом, на который она реагирует следующим образом: *«Hm... Mich beschäftigt aber etwas ganz anderes... Ich habe gesehen, dass ihr euch ganz anders bekreuzt, als wir, so (показывает на себе, крестится справа налево). Mir ist es aufgefallen... Ja, oben – unten – rechts – links... Bei uns ist es links-rechts! Und du machst es einmal?»* («Хм... Я сейчас вообще-то думаю о другом... Я видела, что вы по-другому креститесь, не как мы. Мне бросилось в глаза... Да, верх – вниз – право – лево... У нас слева направо! И ты делаешь это один раз?»). При этом девушка говорит о том, что наблюдала сама, подробно описывая невербальное поведение собеседника. Как известно, религиозная тематика (вероисповедание, религиозные взгляды и убеждения, обряды и таинства и т.д.) относится в немецкой культуре к разряду культурно-узуальных табу. Обобщение «*bei uns*», местоимения множественного числа «*ihr*» и «*wir*»

используются как собирательные при сравнении грузин и немцев. Личное местоимение «*ты*» в прямом вопросительном обращении сокращает дистанцию между адресатом и адресантом. Девушка не делает акцент на культурной инаковости партнёра по коммуникации, а подчёркивает свою искреннюю заинтересованность. Сосредоточенно повторяя движения рукой, немка пытается привлечь внимание мужчины, заставить его объяснить, продемонстрировать, подтвердить сказанное. Гид смеётся, утвердительно кивает головой, медленно показывает, как он перекрещивается, и отвечает: «*Ja, oder lieber 3 Mal*» (*Да, или лучше 3 раза*).

«Невербальные сообщения полисемантичны – могут приобретать различные смыслы – значения – интерпретации в восприятии разных участников» [Погольша 2011: 295]. Это объясняет использование одних и тех же невербальных знаков в противоположных дискурсивных практиках, поэтому их адекватную оценку может обеспечить только «умелый анализ целой совокупности поведенческих проявлений» [Поваляева 2004: 51] в неразрывной связи с коммуникативной ситуацией, где каждый «переменный параметр» контекстно обусловлен [Олешков 2013: 161].

Таким образом, невербальные средства коммуникации способны самостоятельно выражать табуированные речесмыслы, но гораздо чаще они сопровождают вербальные способы коммуникативной обработки в институциональных дискурсивных практиках, помогая интерпретировать сказанное.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ собранного корпуса материала показал, что табуированные речесмыслы, детерминированные разными видами табу, эксплицируются в дискурсивных практиках дифференцирующими разноуровневыми языковыми средствами. Табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусными табу, выражаются преимущественно в рамках табуирования. Табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу, достаточно часто реализуются обеими дискурсивными практиками и, как правило, легко распознаются коммуникантами из одной лингвокультуры. Экспликация табуированных речесмыслов, детерминированных межкультурно-обусловленными табу, характеризуется постоянной сменой дискурсивных практик табуирования и детабуирования.

Актуализация табуированных речесмыслов в институциональных дискурсивных практиках предполагает их коммуникативную обработку определёнными способами, направленными на сохранение или нарушение табуированного денотата.

Дискурсивную практику табуирования реализуют такие способы, как: эвфемизация, криптолалия, дезинформация, ритуализация, коммуникативный приём «позволить объяснить себе».

Эвфемизация является одним из наиболее распространённых способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов и предполагает использование разнообразных вербальных и невербальных средств в качестве эвфемизмов с целью смягчить, завуалировать нежелательную информацию, улучшить табуированный денотат. Криптолалия ориентирована на намеренное сокрытие нежелательной информации с помощью средств «тайноречия» и «тайнописи» (метономазия, умолчание, эллипсис и пр. стилистические фигуры и тропы и т.д.). Дезинформация используется, чтобы ввести в заблуждение адресата путём абсолютного искажения истинного содержания табуированного речесмысла с помощью перифраз, инверсий, смены темы и ремы в

предложениях, использования антонимов к частям речи, которыми выражены главные и/или второстепенные члены предложения. Ритуализация превращает общение коммуникантов в ритуал, маскирующий табуированные речесмыслы с помощью общеязыковых штампов и клише, лексических повторов, риторических вопросов, безличных и неопределённо-личных конструкций. Коммуникативный приём «позволить объяснить себе» представляет собой приём манипулятивного воздействия, неявно провоцирующий собеседника на экспликацию табуированных речесмыслов. Для этого говорящий использует сравнения, цитаты, перифразы, чередует личные и притяжательные местоимения первого и второго лица множественного числа в повествовательных и вопросительных предложениях.

К способам коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики детабуирования относятся: дисфемизация, использование прямых номинаций табуированных речесмыслов, номинаций, принадлежащих к бинарной оппозиции «свой/чужой», «сенсационализация», стереотипизация, псевдодисфемизация.

Дисфемизация заключается в употреблении более грубых номинаций по отношению к табуированному денотату, дисфемизмов. Прямая номинация предполагает применение языковых средств, прямо выражающих табуированный денотат. Номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой» указывают на лингвокультурную принадлежность партнёров по коммуникации и интенционально направлены на принижение их культурной самостоятельности. Говорящий, как правило, использует существительные и субстантивированные прилагательные, идентифицирующие национальность, притяжательные, указательные местоимения, слова, обозначающие уничижительные и презрительные прозвища, и т.д. Целью «сенсационализации» дискурса является уже не огрубление речи, а создание сенсации путём нарушения табуированного денотата. Данный способ предполагает использование ряда приёмов для эпатажа, усиления зрелищности, сексуального подтекста, преувеличения катастрофичности и абсурдности

описываемого явления, криминализации ситуации. Приём градации, литоты и гиперболы, пейоративные метафоры, алогизмы, тавтология, многосоюзие, чередование модальных глаголов, в том числе в субъективном значении, прилагательных в сравнительной и превосходной степенях и т.д. реализуют данный способ. Псевдодисфемизация ориентирована на использование грубых негативно-оценочных номинаций не с целью оскорбить других участников дискурса, а с целью выразить им свою любовь, симпатию, похвалу, сделать комплимент. Стереотипизация как способ коммуникативной обработки подразумевает выражение негативных (этно)стереотипных предубеждений о культуре (субкультуре), носителем которой является один из участников дискурса, и используется с целью умалить его культурную самодостаточность, задеть чувства, оскорбить, спровоцировать коммуникативный конфликт. Для этого употребляются антитезы, параллелизмы, аллегории, аллюзии, парафразы, приём аппликации и т.д.

Невербальные знаки чаще всего выступают в роли маркеров при актуализации табуированных речесмыслов и сопровождают вербальные способы коммуникативной обработки в обеих дискурсивных практиках. Кроме того, они способны выполнять роль самостоятельных экспликаторов табуированных речесмыслов, как, например, многие жесты и тактильные элементы, которые используются как невербальные способы табуирования и детабуирования.

Наблюдается семантическая вариативность средств коммуникативной обработки. Одни и те же языковые единицы, тропы, фигуры речи, стилистические приёмы и невербальные знаки часто используются как при разных способах коммуникативной обработки в рамках одной дискурсивной практики, так и в разных дискурсивных практиках. Инвектива может выполнять функцию похвалы, парафраз — выражать иронию, намёк или язвительную насмешку, издёвку, апеллировать к личному негативному опыту участника дискурса, к тексту, знание которого помогает слушающему прояснить истинный смысл высказывания. Таким образом, процесс

коммуникативной обработки табуированных речесмыслов представляет собой некий континуум, где отнесение тех или иных способов обработки к определённой дискурсивной практике обусловлено совокупностью прагматических факторов.

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ОБРАБОТКИ ТАБУИРОВАННЫХ РЕЧЕСМЫСЛОВ В МАСС-МЕДИАЛЬНОМ ИНТЕРДИСКУРСЕ

Понимание интердискурсивного характера масс-медиального дискурса, его жанрового многообразия и представления о том, что интегрированные в нём типы институционального дискурса обладают каждый своим определённым набором практик производства, трансляции и интерпретации информации, диктует необходимость краткого описания данных типов в логике проявления в них табуированных речесмыслов и специфических способов их обработки.

Мониторинг масс-медиального интердискурса позволил нам выделить следующие наиболее частотно представленные в нём типы дискурса в аспекте их институциональности: *политический, военно-политический, рекламный, религиозный, спортивный, научный, медицинский и деловой.*

3.1. Масс-медиальный политический дискурс

Широко представлен в масс-медиальном пространстве политический дискурс. Как тип институционального общения политический дискурс является одним из наиболее изученных на сегодняшний день [Водак 1997; Проскуряков 1999; Шейгал 2000; Чудинов 2001; Демьянков 2002; Далецкий 2003; Кипрская 2003; Паршина 2007]. Считается, что в силу цензурных соображений, идей политкорректности политический дискурс подлежит интенсивной эвфемизации. Однако достаточно часто табуированные речесмыслы эксплицируются здесь в рамках детабуирования. Прерывание собеседника, игнорирование его, например, в политических дебатах, умаление культурной самодостаточности с помощью стереотипизации, манипулирование посредством не прямых оценочных номинаций – всё это также присуще политическому дискурсу.

Анализ фактического материала позволил выделить ряд особенностей коммуникативной обработки в выделенном типе дискурса.

Проиллюстрируем их на примере материалов, посвящённых межкультурному политическому конфликту 2013 года между Россией и Германией вследствие публичного выступления с речью президента Йоахима Гаука перед участниками XV российско-германского форума в Потсдаме.

Целью речи президента «*Zukunftswirkung der Vergangenheit*» («Влияние прошлого на будущее») является обращение к историческому прошлому и послевоенному опыту двух стран: Германии и России [47]. Тема Второй мировой войны и национальной вины для носителей немецкой культуры считается табуированной на интракультурном уровне. Такие реалии, как геноцид, фашизм, массовое уничтожение людей в концлагерях и т.д., составляют сферу культурно-узуальных табу. В условиях интеркультурного взаимодействия русских и немцев обозначенная тематика также провоцирует ряд коммуникативных ограничений, что обусловлено контрарными позициями двух стран, их ролями в исторических событиях. На наличие разноуровневых табу указывает эпитет «*schwierig*» в словосочетании «*ein schwieriges Thema*» (*тяжёлая тема*), которым говорящий характеризует тему своего выступления. Однако уже в следующем предложении автор высказывания эксплицирует табуированные речесмыслы, употребляя в придаточном предложении причины – «*...weil es sich mit dem Erbe schrecklicher Diktaturen auseinanderzusetzen hat...*» – пейоративный эпитет и прямую номинацию, нарушающие табуированный денотат. При этом форма множественного числа термина «*Diktaturen*» и эмоционально-оценочного прилагательного «*schrecklich*» указывает на то, что говорящий соотносит их с обеими лингвокультурами – русской и немецкой. Для сравнения последних коммуникант использует номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой»: оценочное прилагательное «*unterschiedlich*», усиленное наречием «*sehr*», по отношению к сложному составному существительному в форме множественного числа «*Rezeptionskulturen*», подчёркивает абсолютное расхождение в восприятии каких-либо понятий: «*...die Gesprächspartner aus sehr*

unterschiedlichen Rezeptionskulturen...» («...собеседники принадлежат двум очень разным культурам восприятия»).

В речи политика табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленными табу, чаще актуализируются в рамках дискурсивной практики детабуирования, что, вероятно, объяснимо влиянием пресуппозиционных установок, интенций говорящего (указать представителям другой культуры на их недостатки, умалить их культурную самодостаточность, обвинить в преступлении, заставить последовать собственному примеру и т.д.).

Например, способ стереотипизации реализуется посредством употребления номинаций «*Deutschland-West*», «*Ostdeutschland*», обозначающих реалии прошлого (ФРГ и ГДР), с топонимом «*Russland*» вместо соответствующей данному контексту лексики «*Sowjetunion*» или аббревиатуры «*UdSSR*». Таким приёмом говорящий приравнивает современное российское государство к Советскому Союзу. Советская система при этом характеризуется с помощью уничижительного эпитета «*verbrecherisch*» (*преступная*); прямых номинаций: «*Geschichte von Entfremdung, Rechtlosigkeit und Mord*» (*история отчуждения, бесправия и уничтожения*); лексических повторов, акцентирующих негативно-коннотированные существительные, простого прошедшего времени, указывающего на продолжительность действия: «...*das eigene Leiden und die eigenen Verluste standen im Mittelpunkt*» («*собственные страдания и собственные потери стояли в центре внимания*»). Говоря о том, что российское общество само должно решить, хочет ли оно признать свою вину, коммуникант употребляет глагол в прямом значении «*bereuen*» как часть составного сказуемого; вместо вспомогательного глагола «*sollen*», с помощью которого принято выражать совет или рекомендацию, используется глагол «*müssen*», указывающий на внутреннюю необходимость. Форма изъявительного наклонения придаёт суждению высокую степень категоричности: «*Russland muss seine Sowjet-Vergangenheit bereuen*» («*Россия должна покаяться за преступное советское прошлое*»).

Табуированные речесмыслы, обусловленные культурно-узуальными табу, выражаются преимущественно в рамках дискурсивной практики табуирования

с помощью способов криптолалии и эвфемизации. Так, по отношению к «Deutschland-West» (Западной Германии) говорящий использует термины «Verweigerung bzw. Verzögerung» (отказ и сдерживание), опуская в предложении прямые дополнения в родительном падеже (напр., *des Nazismus*). Усечённые конструкции выполняют криптофорную функцию, сохраняя табуированный денотат. Говоря о покаянии немцев, коммуникант заменяет прямой глагол «*bereuen*» (покаяться) эвфемистической конструкцией: «*hat sich ein selbstkritischer Geschichtsdiskurs entwickelt*» (сумела самокритично взглянуть на свою историю). Положительно-коннотированное оценочное прилагательное «*selbstkritisch*», сложное существительное с научным термином «*Diskurs*» придают высказыванию возвышенный стиль; возвратный глагол в форме сложного прошедшего времени указывает на завершённость действия к настоящему моменту.

В речи президента наблюдается частая смена дискурсивных практик, что, вероятно, обусловлено влиянием национально-культурного фактора и фактора вежливости. Гаук выступает перед представителями той страны, чью позицию он открыто критикует. Чтобы подчеркнуть объективность и уместность своих замечаний и «сохранить лицо», коммуникант одновременно прибегает к самокритике.

Так, табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленными табу, эксплицируются с помощью способа эвфемизации. Президент затрагивает проблему фальсификации русскими исторической действительности. Глагол «*frisieren*» используется в переносном значении «*приукрашивать*», редуцируя негативную смысловую нагрузку высказывания: «*die historische Wahrheit frisieren*» (причёсывать историческую действительность).

Табуированные речесмыслы, обусловленные культурно-узуальными табу, напротив, актуализируются в дискурсивной практике детабуирования. Для этого применяются негативно-коннотированные номинации, пейоративные эпитеты, прямо выражающие денотативное содержание высказываний («*Deutschland, das nicht nur ein Feind der Staatsform der Demokratie gewesen war, sondern dass*

es die Humanität verraten hatte» – «Германия, которая была не просто врагом демократии как формы государственной власти, но предала все принципы гуманности»; «*grausame historische Wirklichkeit der NS-Zeit*» – «жестокая историческая действительность периода национал-социализма»; «*ihre Grausamkeit gegenüber denen, die als „minderwertig“ eingestuft waren*» – «их жестокость по отношению к тем, кого они считали «неполноценными»).

Говорящий часто использует притяжательное местоимение 3-го лица «*ihr*», снимая с себя ответственность за произошедшее: «*ihr Versagen*» (их неудача); «*ihre Grausamkeit*» (их жестокость). Например, в заключительном высказывании президента табуированные речесмыслы выражены способом прямой номинации, который реализуют следующие языковые средства: негативно-коннотированное существительное в форме множественного числа «*Morde*», определённое с помощью придаточного предложения; юридические термины («*Täter*», «*Unrecht*»); аббревиатура «*NS*»; глаголы в форме изъявительного наклонения («*wissen*», «*sein*», «*begehen*»); наречия и модальный глагол, усиливающие категоричность суждения («*sehr*», «*genau*», «*gar*»; «*wollen*»); существительное-этноним в форме множественного числа «*die Deutschen*» с переходным глаголом действия «*begehen*» и предлогом направления «*gegenüber*», соотносимые с лексемой «*Sowjetunion*»: «*Und noch etwas will ich anfügen: Mein Beitrag ist... schon gar nicht... eine Relativierung des Unrechts und der Morde, die Deutsche in der NS-Zeit gegenüber der Sowjetunion begangen haben. Die Deutschen wissen sehr genau, wer die Täter waren...*» («И ещё одно я хотел бы добавить: мой доклад, конечно, абсолютно не является попыткой приравнять нарушение прав и убийства, которые совершили немцы во время национал-социализма по отношению к Советскому Союзу. Немцы прекрасно знают, кто виновник этих преступлений»).

Описанные особенности коммуникативной обработки табуированных речесмыслов прослеживаются в русскоязычном новостном видеоролике под названием «Президент Германии Гаук хочет покаяния России», посвящённом выступлению господина Гаука [20]. Видеосообщение начинается с кадров встречи политического деятеля с представителями российско-германского форума и цитирования в форме прямой речи слов президента, переведённых на русский язык: «...Президент ФРГ заявил: “Россия должна покаяться за преступное

советское прошлое, как немцы каялись за Гитлера". То есть, по сути, приравнял, как это ныне модно в антироссийских кругах в Европе, Гитлеровскую Германию и Советский Союз». Клише «Гитлеровская Германия», построенное по принципу антономазии, синонимично по отношению к «нацистской Германии», «фашистской Германии» и направлено на выстраивание у реципиента негативного ассоциативного ряда. Используя оборот «как это ныне модно», автор текста просторечием «нынче», негативно-коннотированным прилагательным «антироссийский» и оценочной номинацией «модно» утверждает, что нацизм в целом не чужд и современному европейскому обществу, акцентируя внимание на правдоподобности отрицательных гетеростереотипных представлений о немцах и реализуя способ стереотипизации. Табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленными табу, актуализируются в рамках дискурсивной практики детабуирования.

При этом невербальные способы детабуирования постоянно сопровождают вербальные способы коммуникативной обработки в заданном контексте. Так, видеоряд составляют кадры из исторических архивов либо документальных фильмов, которые демонстрируют слабых, измождённых людей в оборванной одежде, идущих колонной. Изображение фокусируется на детях и женщинах. Затем реципиент может наблюдать на экране обнажённых, очень худых людей, выстроенных в ряд в концентрационном лагере. На последующих картинах – множество трупов, лежащих на земле. Следует аудиотекст: *«Однако, приводя в пример национальное покаяние немцев, Гаук забывает о нескольких вещах... Во-первых, немцы не сами добровольно, осознав эти преступления, стали каяться. Напротив, они были горой за Адольфа Гитлера. Он был их кумиром и секс-символом. Они ему рукоплескали и его боготворили... Это мы, разбив вместе с союзниками Германию Адольфа Гитлера, вынудили немцев к покаянию»*. Существительное-этноним «немцы», личные местоимения в форме 1-го и 3-го лица «мы», «он», «они», повтор грамматических конструкций (деепричастных оборотов), союз «однако» и вводное слово «напротив» усиливают противопоставление «своих» и «чужих». С целью дискредитации и обвинения в приверженности фашистской идеологии последних по отношению к ним применяются негативно-коннотированное существительное в форме

множественного числа «преступления» и глагол «каяться»; полная форма имени собственного «Адольф Гитлер» сочетается с положительными эмоционально-окрашенными номинациями «кумир», «секс-символ», разговорным выражением «быть горой за кого-либо» и глаголами возвышенного стиля «рукоплескать» и «боготворить». Манипулятивный потенциал высказывания усиливают экспрессивный глагол «разбить» в переносном значении и сочетание религиозного термина «покаяние», который, как известно, применяется для обозначения «добровольного признания в грехах» [Ожегов 1999: 549], с глаголом направленного действия «вынудить». В данном контексте автор обозначает и разграничивает статусы двух стран как победителей-героев и побеждённых-преступников, эксплицируя табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики детабуирования.

С помощью однородных дополнений с отрицательной частицей «ни» говорящий перечисляет реалии фашистской Германии и одновременно отрицает их связь с советским прошлым, прямо номинируя табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленными табу: *«Среди советских ориентиров не было ни возведённого в догму расизма, ни представления о «нации господ» и нациях «недочеловеков», ни уничтожения евреев и цыган, ни газовых камер, ни печей Аушвица»*. Социальный статус Йоахима Гаука, определённый в начале текста как «президент ФРГ», намеренно заменяется ярлыком «сын нацистов». Так эмоциональная нагрузка негативно-коннотированных лексем, совокупно характеризующих представителей другой лингвокультуры, переносится на конкретную личность, выражая отрицательное стереотипное представление о германском президенте.

В заключительной части сюжета наблюдается смена дискурсивных практик. Говорящий заявляет: *«Это уже отдаёт чем-то, напоминающим тоску по реваншу. Возможно, господин Гаук не отдаёт себе в этом отчёта, но выглядит это именно так. Или он именно это и имел в виду?»*. Словосочетание «тоска по реваншу» метафорично вуалирует табуированный речесмысл. Используя разговорный глагол «отдаёт» с неопределённым наречием «чем-то», причастие

«напоминающим», которые редуцируют категоричность высказывания, адресант эвфемистично намекает на намерение проигравшей стороны отплатить за поражение. Вводное слово «возможно», устойчивое разговорное выражение «отдавать себе отчёт» с отрицательной частицей «не», указательное местоимение «это» с обобщающей семантикой и риторический вопрос трансформируют утвердительное суждение в предположение.

Частое преобладание воздействующей функции над информационной объясняет распространённость в масс-медиальном политическом дискурсе способа «сенсационализации». Например, в немецкоязычных материалах, посвящённых шпионажу американских спецслужб за политическими главами государств, табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленными табу, вербализуются с помощью метафор с семантикой обмана, враждебности, прилагательных в сравнительной и превосходной степенях, обобщающих слов и конструкций, различных эмоционально-оценочных лексических средств, усилительных наречий и частиц («*Europa und Deutschland sind Hauptziele der Überwachung*» – «Европа и Германия – главные цели слежки» [59]; «*Wir alle sind Opfer des größten Spionageskandals aller Zeiten*» – «Мы все жертвы величайшего шпионского скандала всех времён» [34]; «*Riesenskandal*» – «гигантский скандал»; «*die unvorstellbar umfassende Spionageaktion*» – «невообразимо масштабная шпионская кампания» [59]; «*ein gravierender Vertrauensbruch*» – «абсолютный подрыв доверия») [52]; «*die Spähattacken*» – «шпионские атаки»; «*Lauschangriffe auf Brüsseler Behörden*» – «шпионские нападки на власти Брюсселя» [59]). О незаконности действий американцев, их осуждении странами-союзниками и другими государствами немцы говорят, используя преимущественно способы детабуирования: прямую номинацию («*das Vorgehen unter Feinden während des Kalten Krieges*» («действия по отношению к своим врагам во время холодной войны») [59]; «*Bestechungsgelder an die Polizei zahlen*» (платить взятку полиции) [50]; «*Beweismittel unterschlagen*» (скрывать улики) [50]; «*Vom A: wie abhören, wie bespitzeln, bestechen und betrügen, bis zum Z*» (Как прослушивать, следить, подкупать и обманывать - всё от «А» до «Я») [39]); дисфемизацию «*geschmierte Polizisten*» (продажные полицейские) [39]; «*sie gibt sich der*

Lächerlichkeit preis» – («она выставляет себя посмешищем») [59]); номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой» («*dass unsere Freunde in den USA die Europäer als Feinde ansehen*» – «что наши друзья в США рассматривают европейцев как своих врагов» [34]).

Смена дискурсивных практик происходит даже в рамках одного высказывания. Например: «*Als es die Stasi noch gab, haben ihre Agenten Geruchsproben von ihren Gegnern gesammelt. Das haben die Amerikaner nicht nötig. Sie müssen nicht unter unseren Achseln schnüffeln. Ihre Algorithmen erlauben es ihnen, in unseren Kopf zu kriechen*» (Агенты Штази в своё время собрали запахи противников. Но американцам они не нужны. Не будут же они нюхать наши подмышки. У них есть свои методы, как заползти к нам в голову) [34]. Данный текстовый фрагмент служит созданию комического эффекта. Скрытое сравнение германского органа контрразведки, обозначенного с помощью узуального сокращения «*Stasi*», с американскими шпионами говорящий проводит, употребляя эвфемизм «*Gegner*» (противник, соперник вместо «*Feind*» (*враг*), метафоричную конструкцию «*in Kopf kriechen*» и одновременно номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой» (существительное-этноним «*die Amerikaner*», противопоставление форм притяжательных местоимений «*ihre*» – «*unsere*»). Вместо переносного значения грубого просторечного глагола «*schнюffeln*» (*вынюхивать, шпионить*), уместного в данном контексте, используется прямое значение «нюхать», применимое чаще по отношению к животным.

На варьировании прямого и переносного значений одного слова или однокоренных слов часто строится языковая игра, к которой прибегают коммуниканты, выражая табуированные речесмыслы. Так, немцы завуалированно упрекают американцев, критикуя их позицию по отношению к странам-союзникам: «*Echte Verbündete sind für die USA nur die restlichen Staaten... Vom Rest der Welt droht Gefahr...*» («Настоящие союзники – это, глазами США, всего лишь оставшиеся государства... И от этого остатка исходит теперь опасность...») [34]. Прилагательное «*restlich*» и ограничительное наречие «*nur*» указывают на восприятие американцами других государств как «остаточных», «малозначительных». Сочетание однокоренного существительного «*Rest*» с

лексемой «Welt», напротив, подчёркивает масштабность и значительность недооценённой угрозы, обозначенной устойчивым словосочетанием из прямой номинации «Gefahr» и глагола «drohen».

В критических высказываниях немцев о действиях политической элиты и канцлера Германии табуированные речесмыслы чаще эксплицируются в рамках дискурсивной практики табуирования («...macht Merkels Mannschaft nicht den Eindruck, als habe das Thema oberste Priorität» («...команда Меркель не производит впечатления, что эта тема является первоочередной») [59]; «wie viel Zurückhaltung sich die Bundesregierung eigentlich leisten kann» («как же долго федеральное правительство может проявлять сдержанность») [59]; «nicht energisch genug aufklären» («не достаточно энергично объяснять») [52]; «...dass sie einige Bereiche ihrer Überwachung überdenken müssen» («...что им следует пересмотреть некоторые области наблюдения») [62]; «Die Kanzlerin muss natürlich abhörsicher kommunizieren können» («Канцлеру, конечно, не помешало бы уметь действовать непрозрачнее») [52]; «wo doch gerade im Sicherheitsbereich zwischen Berlin und Washington ein reger Austausch herrscht» («где как раз в сфере безопасности существует оживлённый обмен между Берлином и Вашингтоном») [59]). Сравнения и аллегории, метафоры и перифразы, замена модальных глаголов с семантикой долженствования, на глаголы, обозначающие физическую возможность, цитирование вместо применения лексических средств, выражающих собственную оценку, умолчания камуфлируют подозрения и смягчают обвинения в адрес «своих» политиков, сохраняя табуированный денотат и реализуя способы эвфемизации и криптолалии.

В данном случае необходимо отметить влияние пространственно-временного фактора на способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов. Скандал с прослушкой произошёл летом 2013 года незадолго до выборов канцлера Германии, поэтому жёсткая критика в СМИ в адрес Меркель и прямые обвинения правительства в бездействии, являющиеся, в принципе, табу из соображений политической корректности, могли бы привести к обвинению в провокации в период предвыборной кампании.

Таким образом, масс-медиаальный политический дискурс представляет собой неизменное пространство функционирования табуированных речесмыслов, реализующихся с относительно одинаковой частотностью в обеих дискурсивных практиках. При этом ряд проанализированных фрагментов данного типа дискурса выявил следующую закономерность: табуированные речесмыслы, обусловленные табу на интракультурном уровне, чаще эксплицируются в дискурсивной практике табуирования, в то время как речесмыслы, чьё функционирование связано с межкультурно-обусловленными табу, преимущественно выражаются в дискурсивной практике детабуирования. Такая тенденция, скорее, является исключением в институциональном общении, однако достаточно часто наблюдается в политическом дискурсе, что обусловлено воздействием ряда прагматических факторов: культурно-национального, пространственно-временного, пресуппозиционных установок.

Наиболее частотными способами коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования служат: эвфемизация, криптолалия, невербальные способы. Дискурсивную практику детабуирования, кроме распространённого способа «сенсационализации», реализуют: стереотипизация, прямая номинация, использование номинаций, принадлежащих к бинарной оппозиции «свой/чужой», дисфемизация.

3.2. Масс-медиаальный военно-политический дискурс

Часто катализаторами языкового выражения различных предубеждений и предрассудков выступают межэтнические конфликты и военные действия. Неотъемлемой частью любых военных действий являются параллельно проводимые информационные и психологические (манипулятивные) операции, зачастую направленные на «положительную саморепрезентацию и диффамацию противника» [Жуков 2001]. Осуществима подобная задача при постоянном взаимодействии масс-медиаального политического и военного

дискурсов, которое понимается современными исследователями как устоявшаяся аксиома.

Так, А. В. Олянич объединяет политический и военный дискурсы в одну из разновидностей массово-информационного дискурса и отмечает чрезвычайно высокую степень его эвфемизации, объясняя это «виртуальностью отношения к войне», то есть оцениванием социумом военных действий «с расстояния («этот кошмар происходит где-то далеко и не со мной»))» [Олянич 2004: 121].

Сегодня военно-политический дискурс широко представлен в масс-медиаальном пространстве. Конфликт и борьба как минимум двух сторон объясняют детерминированность способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов пространственно-временным и культурно-национальным факторами. В военно-политическом дискурсе наблюдается широкое использование номинаций, принадлежащих к бинарной оппозиции «свой/чужой», прямых номинаций табуированных речесмыслов и дисфемизмов (при описании подробностей противоправных действий противника, разоблачении и обвинении в масштабных преступлениях), «сенсационализации» и стереотипизации. Практику табуирования, помимо эвфемизации, реализуют криптолалия и дезинформация.

Привлечём для примера анализа опосредованного масс-медиа военно-политического дискурса фрагменты современных документальных телепередач, посвящённых военно-политическим событиям в Германии в период холодной войны, стратегическим действиям правительства по возведению и охране границ Берлинской стены.

Тема холодной войны связана, в первую очередь, для сторон, принимавших в ней участие, с рядом разноуровневых табу. В выпусках немецкоязычного проекта «Die große Samstagsdokumentation» [41] данная тематика освещается представителями трёх лингвокультур: немецкой, американской и русской, что провоцирует функционирование табуированных речесмыслов, детерминированных межкультурно-обусловленными табу,

которые часто эксплицируются в дискурсивной практике детабуирования и сравнительно реже реализуются с помощью способов табуирования.

Например, отношение американцев к немцам в период холодной войны обозначается как «крайне скептическое»: «*Nach dem Krieg stehen auch die Amerikaner den Deutschen höchst skeptisch gegenüber*» («После войны американцы тоже настроены крайне скептически по отношению к немцам»). Наречие «*skeptisch*» частично редуцирует негативную смысловую нагрузку высказывания, заменяя прямую номинацию, наречие «*misstrauisch*» (недоверчиво). При этом эвфемистическая замена усилена наречием «*höchst*», которое вместе с обстоятельством времени, выраженным с помощью предлога «*nach*» и прямой номинации «*Krieg*», указывает на подтекст, отсылая реципиента к фоновой информации.

Затем происходит смена дискурсивных практик. Табуированные речесмыслы, связанные с подразумеваемым недоверием к врагу, к немцам, как готовым в любую минуту развязать новый конфликт, эксплицируются с помощью способов «сенсационализации» и стереотипизации: «*Hitler... aus! Hackenkreuze... weg! Nazipropaganda abgeschaltet! Konzentrationslager leer! Blumen, die idyllische Szenerie, doch lass euch davon nicht täuschen! Ihr seid im Land des Feindes. Seid wachsam! Für jeden auf der Hut... aber ihr Gedankengut ist geblieben. Die Lust an Eroberungskrieg ist nicht erloschen. Die ist lediglich vom Blickfeld verschwunden. Irgendwo sind die SS... die Gestapo-Gangster... ohne Uniform werdet ihr sie nicht erkennen, aber sie erkennen euch! Streitet nicht mit ihnen, seid nicht freundlich! Wachsam und auf der Hut! Sie können nicht in die Zivilisation zurückkehren, indem sie einfach die Hand ausstrecken und sagen, wie leid es ihnen tut. Leid? Es tut ihnen nicht leid, den Krieg begonnen zu haben, nur dass sie ihn verloren haben*» («Гитлер – прочь! Свастика – тоже! Пропаганда нацизма – отменена! Концентрационные лагеря – пусты! Цветы, полная идиллия... Но не дайте себя обмануть! Вы на вражеской территории. Будьте бдительны! Держите ухо востро!.. Их идеология (нацистов) осталась. Желание покорить, победить в войне не пропало. Оно просто не на виду. Где-то затаились СС, гангстеры из гестапо... Вы их не узнаете без униформы, но они-то вас точно узнают! Не спорьте с ними, не проявляйте дружелюбие! Внимание и бдительность! Они не могут просто стать членами цивилизованного гражданского общества, протянуть руку и сказать, извиняясь, как же им жаль. Жаль? Им абсолютно не жаль, что они развязали эту войну, а жаль лишь, что они её проиграли»). Эмоциональное воздействие на

реципиента усиливается посредством криминализации контекста сообщения. Нагнетание потенциальной угрозы автор текста осуществляет с помощью риторических вопросов и восклицаний, параллельных конструкций, опущения главных членов предложения, лексических повторов, используя при этом не увеличивающее дистанцию «*Sie*», а сокращающее её личное местоимение «*Ihr*». Говорящий предупреждает «своих» об опасности посредством прямой номинации «*Feind*», разговорного выражения «*auf der Hut sein*», прилагательного «*wachsam*», формы повелительного наклонения. Используются прямые номинации («*Krieg*», «*den Krieg verlieren*», «*täuschen*», «*Feind*»), военно-исторические реалии и имена собственные («*SS*», «*Gestapo-Gangster*», «*Hitler*», «*Nazipropaganda*», «*Hackenkreuze*», «*Konzentrationslager*»), выстраивающие негативный ассоциативный ряд. Словосочетание «*Lust an Eroberungskrieg*», фраза «*in die Zivilisation zurückkehren*» с модальным глаголом, обозначающим физическую возможность, и отрицательной частицей «не» и заключительное предложение «*Es tut ihnen nicht leid, den Krieg begonnen zu haben, nur dass sie ihn verloren haben*» закрепляют отрицательное стереотипное представление о немцах как воинственно настроенной нации.

Обострение военно-политического конфликта и угрозы для Берлина пресс-секретарь Вилли Брандта описывает, эксплицируя табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики табуирования с помощью способа криптолалии: «*Sie ließen Panzer auffahren. Und die standen sich dann auf 100 Meter Rohr gegen Rohr entgegen... also, wir waren ganz ruhig. Wenn die Elefanten tanzen, dann sollen die Mäuse am besten beiseite gehen*» («Они приказали вывести танки. И их танки остановились буквально метрах в ста друг от друга, дуло к дулу... мы были спокойны. Когда слоны идут в пляс, мышам лучше отойти в сторону»). Говорящий вводит числительное, однородные дополнения, интенсифицируя чувство потенциальной опасности, но после непродолжительной паузы он употребляет эпитет «*ganz ruhig*», усиливающий контраст и создающий переход к шутке, в которой «сверхдержавы» СССР и США имплицитно сравниваются со «слонами», а немцы с «мышами». При этом придаточное предложение условия, модальный глагол

«sollen», выражающий совет, рекомендацию, и прилагательное в превосходной степени создают иронию. Коммуникант сопоставляет происходящее с танцами, с развлечением, весельем, вероятно, намекая, что «слоны» могут просто затоптать «мышей».

Достаточно часто коммуниканты с целью дискредитации представителей стран-противников применяют номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой», иногда сочетая их с дисфемизмами. Так, сын бургомистра Рейтера заявляет: *«...eine kommunistische, eine sozialistische gerechte gleiche Gesellschaft! Die war ja... durchaus attraktiv für viele. Aber das haben die Sowjets... ich sage jetzt auch Sowjets, und nicht die Russen, das ist ein großer Unterschied, den eben mein Vater auch immer gemacht hat, haben die Sowjets mit ihrer dummen kurzsichtigen Machtpolitik ganz schnell radikal kaputt gemacht»* («...коммунистическое, социалистическое, равноправное общество! Эта модель была... всегда привлекательна для многих. Но Советы... Я говорю сейчас Советы, а не русские, так как это большая разница, которую всегда учитывал и мой отец, Советы с их глупой, недалёковидной политикой насилия абсолютно уничтожили за короткие сроки»). Уточняющий оборот, который коммуникант вводит в начале высказывания, выступает в роли определённого ограничителя. С помощью него участник дискурса, с одной стороны, сужает свою ответственность, относя высказывание к разряду субъективных мнений, допуская возможность признания его ошибочным, и, с другой стороны, защищается от ложных интерпретаций, указывая на единственную возможную. Говорящий выражает вербально, что не хочет умалить культурную самодостаточность всех носителей русской культуры, употребляя существительное-этноним «die Russen» с отрицательной частицей «nicht». Место подлежащего занимает существительное в форме множественного числа «die Sowjets», которое сочетается с притяжательным местоимением 3-го лица «ihre», негативно-коннотированным сложным существительным «Machtpolitik», пейоративными эпитетами «dumm», «kurzsichtig», усилительными эмоционально-оценочными прилагательными и наречиями «ganz schnell», «radikal», разговорным выражением «etwas kaputt machen». Мужчина подчёркивает чужеродность «других», свою дистанцированность и обвиняет советскую власть в произволе

и военизированном терроре, эксплицируя табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики детабуирования.

Оппонируя собеседнику, сын комиссара высшего ранга ссылается на слова своего отца, употребляя глагол «*glauben*» с категоричным наречием «*fest*» (*был убеждён*) и притяжательное местоимение «*unser*» (*наша*) по отношению к собирательной устойчивой номинации «*System*» (*система*). Коммуникант намеренно демонстрирует свою культурную принадлежность к тем, кого предыдущий оратор обвинил в недалёковидности и глупости, и связывает её с прилагательным в превосходной степени и сложным составным существительным «*den bestmöglichen Lebensstandart*» (*наилучшее качество жизни*). Затем говорящий противопоставляет положительной оценке «своих» негативный стереотипный образ противника, ссылаясь на общую известность называемого факта посредством вводной конструкции «*wie wir alle wissen*» с личным местоимением 1-го лица множественного числа и обобщающим местоимением «*все*». Однако затем он смягчает категоричность высказывания, заменяя отрицательную глагольную конструкцию ограничительной частицей «*nur*» с наречием «*ungern*», неопределённым местоимением «*irgendjemand*» и прилагательным «*gleichberechtigt*», применяя способ эвфемизации. Вместо существительного-этнонима в форме множественного числа говорящий употребляет топоним «*Amerika*», вероятно, как элемент языковой игры, следуя примеру предыдущего оратора, заменившего лексему «*русские*» на номинацию «*советы*»: «*Und wie wir alle wissen, bezeichnet Amerika nur ungern irgendjemanden als gleichberechtigt*» («*А как мы все знаем, Америка неохотно считает кого-то равным*»). Но в заключение сын главнокомандующего цитирует уничижительный девиз американцев: «*...wo das Motto galt „Nur ein toter Kommunist ist ein guter Kommunist!“*. *Das lässt keiner Interpretation Spielraum zu*» («*...где действовал девиз «Хороший коммунист – это мёртвый коммунист!»*. Такой девиз не оставляет места для воображения»), нарушая табуированный денотат и реализуя манипулятивный потенциал высказывания.

Наблюдается частая смена дискурсивных практик табуирования и детабуирования. При характеристике действий американцев табуированные

речесмыслы чаще эксплицируются в рамках дискурсивной практики табуирования. Кеннеди обозначается как «*ein smarter Millionärssohn*» (юный сын миллионера). Заимствованное прилагательное и сложное составное существительное подчёркивают возраст и социальный статус президента. Употребляются положительная эмоционально-окрашенная лексика, ирония: «*Der mit 34 Jahren jüngste, jemals in das Amt gewählte Präsident verkörpert in der Öffentlichkeit das Bild von Jugend und grenzenloser Vitalität. Politik ist auf einmal modern und sexy. er verkörpert den Traum zu einer neuen... besseren Amerika.... wird weltweit von der jüngeren Generation jubelnd aufgenommen...*» («В свои 34 года самый молодой президент, вступавший в должность, олицетворяет собой для народа молодость и безграничную жизненную силу. Политика становится одновременно современной и сексуальной... он воплощает собой мечту о новой... лучшей Америке... он заставляет молодое поколение во всём мире ликовать от радости»). Прилагательные в разных степенях «*jüngste*», «*grenzenlos*», «*modern*», «*sexy*», «*besser*», причастие «*jubelnd*», лексемы «*Jugend*» и «*Vitalität*» формируют положительный образ американского президента и проводимой им политики. Неудачные военные действия на Кубе именуются с помощью эвфемизма «*die Operation*». Вместо немецкоязычного эквивалента «*Katastrophe*» употребляется англоязычное заимствование: «*wird die Operation zum politischen Desaster*» («операция становится политическим провалом»). Стратегия президента обозначается с помощью словосочетания «*eine diplomatische Lösung*»: «*...der Präsident ist noch zuversichtlich eine diplomatische Lösung zu finden*» («...президент ещё уверен в возможности найти дипломатическое решение»). В выдержке из архивного видео речь Кеннеди дословно переведена на немецкий язык: «*In Berlin herrscht heute Frieden. Der Ursprung der Spannungen ist Moskau und nicht Berlin. Und sollte es Krieg geben, dann hat er in Moskau und nicht in Berlin begonnen. Die Entscheidung für Krieg oder Frieden liegt bei ihnen, nicht bei uns*» («В Берлине сегодня царит мир. Причина всех конфликтов – Москва, а не Берлин. И если всё-таки начнётся война, то она начнётся в Москве, а не в Берлине. Решение о войне или мире зависит от них, а не от нас»). В обращении американский президент, с одной стороны, обвиняет противников в развязывании вооружённых конфликтов, используя прямую номинацию «*Krieg*», которую соотносит с личным местоимением в форме 3-го лица множественного числа «*bei ihnen*» и

противопоставляет положительно-коннотированной лексеме «*Frieden*» с личным местоимением в форме 1-го лица. С другой стороны, вместо прямого обвинения в адрес конкретных лиц используется топоним «*Moskau*», которое соотносится со словосочетанием «*Der Ursprung der Spannungen*», эвфемистично вуалирующим табуированный речесмысл. Предположение о возможном начале боевых действий коммуникант выстраивает в сослагательном наклонении, подчёркивая малую вероятность такого исхода. При этом говорящий меняет тему и рему и превращает Москву из активного действующего лица, подлежащего в предложении, в пассивное, в обстоятельство места. Вместо фразы «*Москва начнёт войну*», видим «*война начнётся в Москве*». Табуированные речесмыслы одновременно выражаются в двух дискурсивных практиках.

При обращении к реалиям Советского Союза табуированные речесмыслы эксплицируются преимущественно в рамках дискурсивной практики детабуирования. Так, за положительной характеристикой американского президента следует рассказ о его встрече с членом военных советов Хрущёвым. Американский дипломат Смисер утверждает: «*Und Chruschtschow war natürlich ganz unfreundlich, diese... diese Gipfel war unglaublich hart und da hat er sich wirklich sehr schlecht benommen... der Gedanke, dass er wirklich an einen amerikanischen Präsidenten gesagt hat: „Ich werde Krieg führen gegen Sie, wenn Sie nicht machen, wie ich das will!“ ...Das hat niemand vorher getan, das hat niemand seither getan, das war für mich überraschend!*» («И Хрущёв, конечно, был очень недружелюбен, эта... эта глыба была непоколебима, и он, действительно, очень некрасиво повёл себя... подумать только, заявить американскому президенту: «Я буду вести войну против Вас, если Вы не сделаете так, как я хочу!» ...Так прежде никто не поступал, позже никто так не поступал. Это было для меня поразительно!»). Говорящий выдерживает паузы, замедляет темп речи в первой части высказывания и увеличивает в последнем предложении. Лексема «*Gipfel*», которой метонимично именуется генсек, наделяет его такими свойствами, как непоколебимость, нежелание быть гибким или отклониться от намеченного плана действий, что интенционально противопоставлено положительным качествам Кеннеди, перечисленным ранее. Дипломат интерпретирует слова Хрущёва, используя прямую речь, форму будущего времени, придаточное предложение условия для

выражения угрозы. Вместе с негативными оценочными единицами «*unfreundlich*», «*schlecht*», экспрессивными наречиями «*unglaublich*», «*sehr*», «*ganz*», «*überraschend*», параллельными анафоричными конструкциями выделенные языковые средства реализуют способ «сенсационализации».

Тема Берлинской стены, понятия насилия, убийства людей при попытке бегства через границы вызывают у общающихся ряд коммуникативных ограничений. При этом табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу, достаточно часто эксплицируются с помощью прямой номинации. Например: «...*Aber auch Menschen haben sie erschossen! ...auch waffenlose Menschen haben sie erschossen! ...die nur eines wollten: nicht mehr flüstern, sondern sagen, was sie tatsächlich dachten, wollten ihr Leben in ihre Hand nehmen und folgten nicht mehr unter denen Bedingungen...*» («Они расстреливали людей! ...безоружных людей просто расстреливали! ...которые просто не хотели больше молчать, а хотели открыто говорить то, что они думали, хотели сами отвечать за свою жизнь и не прогибаться больше под обстоятельствами...»). Повтор части предложения в параллельных конструкциях, восклицательная интонация, категоричный модальный глагол «*wollen*», противопоставление глагола в прямом значении «*erschießen*» прилагательному «*waffenlos*», глагола «*flüstern*» — глаголу «*sagen*», нарушение рамочной конструкции, интонационное выделение отдельных сегментов реализуют экспликацию табуированных речесмыслов в рамках детабуирования.

Цитаты политиков, военным командующих зачастую сопровождаются комментариями журналистов, указывающими на подмену понятий, подачу заведомо ложной информации. Например, в фильме «*Geheimsache Mauer. Die Geschichte einer deutschen Grenze*» [33]: «*Als Aufgabe wurde genannt: „Ihr schützt unsere Werktätigen und unsere Betriebe vor Anschlägen gegen den Westen“... So werden die Kampfgruppen der Arbeiterklasse zum Räumenkommando gegen die eigene Bevölkerung*» («Задачу обозначили так: «Вы защищаете наших рабочих и наши предприятия от нападок на Запад»... Так боевые рабочие дружины стали командой по зачистке своего народа»). Прямая речь передаёт приказ, где глагол «*schützen*» употребляется по отношению к притяжательному местоимению 1-го лица множественного числа. Негативно-коннотированная лексема «*Anschlag*» направлена предлогом «*gegen*» на топоним

«Westen». В следующем предложении существительное «Anschlag» заменяется сложным словом «Räumenkommando», повторяется предлог «gegen», но в роли дополнения выступает словосочетание «die eigene Bevölkerung». Частично сохраняя структуру предложения, которое передаёт команду, журналист использует номинации, прямо выражающие денотативное содержание, чтобы продемонстрировать, насколько искажён истинный смысл в цитате. Способ дезинформации сочетается со способом прямой номинации.

Бывшие военные и участники исторических событий чаще используют способы табуирования, что, вероятно, обусловлено наличием личностно-тезаурусных табу. На это указывают большое количество продолжительных пауз в речи коммуникантов, лексические повторы, умолчания, незаконченные предложения, форма сослагательного наклонения, модальные слова с семантикой возможности, сомнения, лексические единицы, выражающие чувства и эмоции, слова с обобщающей семантикой. Например, один из очевидцев, житель бывшего Восточного Берлина, говорит: «Ja, ja, es war alles schon zugespitzt... Es hätte auch ein Krieg zwischen den USA und der Sowjetunion geben können... und dann... wäre, glaub ich, Deutschland nicht mehr da... uns gäbe es gar nicht mehr...» («Да, ситуация слишком накалилась... Между США и Советским Союзом могла развязаться настоящая война... и тогда... наверное, Германии не было бы... Нас просто больше не было бы...») [41]. Паузация, понижение тона и темпа речи во второй части высказывания свидетельствуют о наличии коммуникативных ограничений, которые коммуникант выражает с помощью способа эвфемизации. Безличная конструкция широкой семантики «es gibt» (иметься в наличии) в сослагательном наклонении редуцирует негативную смысловую нагрузку.

В высказывании военнотружущего табуированные речесмыслы, детерминированные личностно-тезаурусными табу, актуализируются посредством криптолалии: «Fast alle haben in Tränen ausgebrochen, fast alle waren total verzweifelt und nach mehr oder weniger dauernden Intensivgesprächen haben die gemerkt, die haben ja keine Chance, sie müssen... also die Menschen waren entsetzt» («Задание нам обозначили так: «Вы защищаете наших рабочих и наши предприятия от стрелковых нападков со стороны Запада». (Так рабочие дружины становятся оперативной группой по

зачистке своих соотечественников). Почти все рыдали, почти все не представляли, как им действовать, но после нескольких разговоров с пристрастием они понимали, что у них нет выхода, что они вынуждены... люди были в ужасе») [33]. Командир боевой группы рассказывает о принуждении людей участвовать в действиях по зачистке. Вспоминать об этом коммуниканту, вероятно, тяжело, поэтому он прибегает к умолчанию, упуская часть составного сказуемого после модального глагола долженствования. Прямая номинация «*Räumenkommando*» отсутствует. Сложное существительное «*Intensivgespräche*» камуфлирует табуированный денотат. Описывая эмоциональное состояние, говорящий избегает личных местоимений в форме 1-го лица, применяя существительное множественного числа «*Menschen*», обобщающее местоимение «*alle*» с ограничительным наречием «*fast*», экспрессивное устойчивое выражение «*in Tränen ausbrechen*», причастия «*verzweifelt*» и «*entsetzt*».

Полицейский из дежурного отряда, выражая табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусными табу, использует сослагательное наклонение, опуская сказуемые и другие части предложения. Умолчания, риторические вопросы, паузы hesitation, глагол широкой семантики и артикль среднего рода в качестве гиперонима («*das... tun*») вместо гипонима («*erschießen*») реализуют способ криптолаллии: «*Für mich war das kein Kriegsfall. Was das jetzt im Kriegsfall wäre, wo jeder gegen jeden... ah... o.k.... Dann hätte ich das... tun müssen, ne? Aber da... die Leute, die hier gegangen sind, die hatten ja keine Waffen. Also warum soll ich denn schießen? Ne? Das war... der Punkt*» («Для меня это не было случаем войны. Что бы было в случае войны, где каждый против каждого... э... конечно... Тогда я бы был... вынужден делать это, правда? Но ведь здесь... люди, которые шли на это, у них не было оружия. И почему же я должен вдруг стрелять? А? Это был... предел») [33].

Крайне редко табуированные речесмыслы, детерминированные личностно-тезаурусными табу, актуализируются в дискурсивной практике детабуирования, что, вероятно, обусловлено пресуппозиционными установками говорящего, его отношением к прошлому, желанием поделиться, «выплеснуть эмоции». Так, сын бывшего бургомистра описывает свои воспоминания о туннеле, где прятались беженцы: «*Und dieser Tunnel... das war mit einem Schlag... der*

*Inbegriff der Hölle... dort lagen hunderte... Ich möchte fast sagen... tausende... von Menschen... in Lumpen ...ausgemergelt, ausgezehrt, viele die offensichtlich dem Verhungern, Erfrieren und dem Tode nahe, an den Füßen Fußlappen, keine Schuhe mehr, es waren die Flüchtlinge, die dort angekommen waren... Es war ein Schockerlebnis!» («А этот туннель, это был просто удар... настоящий ад... там лежали сотни... я хотел сказать даже... тысячи... людей... в лохмотьях... истощённые, измождённые, многие на пороге смерти от голода, холода. На ногах их были тряпки, это нельзя назвать обувью. Это были беженцы... Это был настоящий шок!») [41]. Страх, голод, страдания людей – понятия, которые выстраивают у говорящего негативные ассоциации. Ему вряд ли приятно вспоминать о прошлых событиях, на что указывают частые паузы, сложное слово с негативно-коннотированной лексемой «*Schock*», риторическое восклицание. При этом негативные эмоционально-окрашенные причастия «*ausgemergelt*», «*ausgezehrt*», прямые однородные дополнения «*dem Verhungern, Erfrieren und dem Tode nahe*», количественные числительные «*hunderte*», «*tausende*», метафора «*Hölle*» последовательно нагнетают смысловую и эмоциональную значимость высказывания, реализуя способ «сенсационализации».*

Итак, опираясь на результаты практического анализа, можно констатировать тот факт, что способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в масс-медиальном военно-политическом дискурсе, помимо национально-культурного фактора, детерминированы социальным статусом его участников, их ролью в каком-либо событии, которому посвящён данный дискурс. Представители СМИ чаще всего прибегают к способам стереотипизации и «сенсационализации», преувеличивая катастрофичность или усиливая криминальную составляющую события. Политики, стоящие у власти и отдающие приказы, реализуют манипулятивное воздействие с помощью смены дискурсивных практик. При этом табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленными табу, зачастую подвергаются детабуированию посредством использования номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой», дисфемизации. Для передачи культурно-узуальных табу используются преимущественно способы эвфемизации, криптолалии, дезинформации.

Способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, применяемые очевидцами и участниками вооружённых конфликтов, терактов, насилия, варьируются в зависимости от множества прагматических факторов, от того, как давно произошло какое-то событие, затрагивает ли оно сферу личностно-тезаурусных табу. Экспликация табуированных речесмыслов осуществляется здесь, как правило, в рамках дискурсивной практики табуирования, которая незначительно преобладает по отношению к дискурсивной практике детабуирования в масс-медиаальном военно-политическом дискурсе.

3.3. Масс-медиаальный рекламный дискурс

Мы постоянно являемся очевидцами того, как в другие дискурсы вторгается реклама, перенимая их структурообразующие черты. Происходит непрекращающийся «захват новых территорий» масс-медиаального пространства: газет, телевидения, интернета и т.д. При этом поиск новых форм осуществления рекламного воздействия приводит к постоянному обновлению методов рекламирования [Cook 2001: 39–40].

Жёсткая прагматическая заданность подразумевает направленность рекламного дискурса на убеждение или побуждение реципиента сообщения, принуждение его к выполнению каких-либо действий (в случае коммерческой рекламы – покупки, в случае политической и социальной рекламы – поступка или отказа от него, регулирования ценностных отношений в обществе [Лисовский 2000]) и определяет природу дискурсивных практик, воздействия на адресата [Балабанова 2004: 25–35]. Так, чётко прослеживается зависимость коммуникативной обработки, например, от возрастного фактора.

Рекламный дискурс, ориентированный на молодёжь, как правило, маркирован соответствующим сленгом, жаргоном, прямым обращением на «ты», сокращающим дистанцию и увеличивающим манипулятивный потенциал сообщения, использованием популярной музыки и изображений с целью

невербального детабуирования, псевдодесфимизмов и т.д. Например, слоган рекламной кампании интернет-магазина «Ноутбум» гласит: *«Купил ноутбук – получи в ухо!»*. В печатной рекламе графически выделенный фрагмент сопровождается текстом, оформленным мелким шрифтом: *«трэ плеер в подарок»*. Имеется изображение уха с наушником и логотип торговой марки. В аудиоверсии поясняется: *«При покупке ноутбука наушники в подарок!»*. Грубое просторечное выражение *«получить в ухо»* в форме повелительного наклонения, обращение к покупателю на «ты», выраженное посредством глагола в форме 2-го лица единственного числа, и восклицательная интонация (в письменной речи выраженная с помощью пунктуационного знака) усиливают эмоциональное воздействие на реципиента. Изображение и последующий текст позволяют интерпретировать высказывание не как прямую угрозу, а как элемент иронии. В данном случае применяется способ псевдодисфемизации [Приложение. Рисунок 3: 239].

Для рекламы характерны: резкое сужение тематики, упрощенность в подаче проблемы, повторение лозунгов, тавтологичность, употребление ключевых слов, простых, но выразительных образов, средств языковой игры [Карасик 2000; Амири 2010]. Реклама должна представлять товар в самом выгодном свете и, в конечном итоге, продавать его. Для достижения этих целей рекламисты вынуждены постоянно изобретать что-то новое. В условиях растущей конкуренции они все чаще обращаются к области неприличного и запретного в массовом сознании – табу. Экспликация табуированных речесмыслов в рекламном дискурсе является одновременно перспективной и рискованной. При этом следует отметить, что функционирование табуированных речесмыслов иногда обусловлено природой самого товара, например, если он создан для удовлетворения интимных потребностей, то, как правило, затрагивает сферу личностно-тезаурусных табу. А. Ульяновский отмечает, что в этих случаях использование «пограничных» техник вполне органично, а иначе «как прикажете рекламировать туалетную бумагу, средство от поноса, гигиенические прокладки, тампоны и экстремальные

противозачаточные средства при изнасилованиях?» [Ульяновский 1997]. Актуализация табуированных речесмыслов требует от авторов рекламного сообщения ловкого балансирования на тонкой грани между «можно» и «нельзя». Например, в рекламе средства от диареи недопустимо показывать само расстройство желудка. Символом проблемы в этом случае выступает рулон туалетной бумаги, эмблема на двери туалета или что-то подобное, чтобы минимизировать чувство неловкости у потребителя. Номинация «менструация» подвергается в рекламных роликах эвфемизации с помощью гиперонима «эти дни» либо замалчивается.

С другой стороны, эффект неожиданности – важный аспект эмоциональной информации, которую несёт реклама. Один из способов его создания – обострение восприятия нейтрального товара путем вторжения в табуированную сферу, например, при создании сексуального подтекста в рекламе одежды, продуктов питания и т.д. Так, в рекламе производителя полуфабрикатов используется фото интимной части обнажённого женского тела. В нижнем углу изображения имеется логотип торговой марки «Дарья». Графически выделенный текст, содержащий скрытое сравнение, выраженное уменьшительно-ласкательным существительным в форме множественного числа (наименование рекламируемого продукта), притяжательное местоимение 2-го лица и эмоционально-оценочное прилагательное, сопровождается тремя восклицательными знаками: «ТВОИ ЛЮБИМЫЕ ПЕЛЬМЕШКИ!!!». Усиление сексуального подтекста сообщения за счёт невербального компонента реализует способ «сенсационализации» [Приложение. Рисунок 4: 239].

Для рекламы супа («Buchstabensuppe») от «Maggi» используется видеоролик, где за обедом дети обзывают друг друга, показывая язык с выложенными на нём словами из вермишели в форме букв [57]. Мимика, жесты и инвективы «Kuh», «Zicke», «Idiot», «Depp» применяются с целью оскорбления. Затем отец, заметив ненадлежащее поведение за столом, сильно ударяет кулаком по поверхности и показывает язык с выложенным на нём словом «Hure». Обценная лексема является неуместной в данном контексте и

употребляется как анаграмма. Изменение порядка букв в подразумеваемом слове «*Ruhe*», выражающем приказ, образует табуированное слово. Визуальный контакт (вся семья смотрит на мужчину удивлённо) является сигналом, после которого мужчина производит замену. В данном примере анаграмма используется с целью создания иронии. Грубая номинация не направлена на умаление чьей-либо самодостаточности, поэтому, скорее, её можно отнести к средствам псевдодисфемизации.

Достаточно часто для экспликации табуированных речесмыслов в рекламных текстах, обращённых к массовому получателю, используются паронимы, фонетические и графические аллюзии, позволяющие усилить подтекст, создать намёк на запретную тему или номинацию.

Например, на плакате торговой марки «*Masculan*», рекламирующем презервативы, изображена упаковка со средством контрацепции, на которую нанесены выделенные цветом сокращения названий различных факультетов образовательных учреждений: «*Филфак! Востфак! Биофак! Журфак!*». После каждого сокращения стоит восклицательный знак, а ниже указан слоган производителя «*Masculan. Любите друг друга!*». В углу рекламного плаката имеется уменьшенное изображение разных упаковок «товара», представленных под известным лозунгом «*Учиться, учиться и ещё раз учиться!*». Сокращённая форма существительного «*факультет*», используется как пароним по отношению к схожему по звучанию англоязычному грубому разговорному глаголу «*fuck*» (*трахаться*). При этом лозунг В. И. Ленина, ориентированный в основном на молодёжную аудиторию, как и пропаганда защищённого секса, создаёт языковую игру в рекламном сообщении. Посредством глагола «*учиться*» вуалируются табуированные речесмыслы, эксплицированные с помощью вербальных и невербальных средств (сокращения-паронимы, ментальный глагол «*любите*» в повелительном наклонении, графическое выделение отдельных текстовых элементов, восклицательные знаки, изображение упаковки презервативов) [Приложение. Рисунок 5: 239].

Слоган рекламной кампании представительства «Альянс Финанс» гласит: *«Всё будет аннуительно!»*. Восклицательное предложение содержит близкозвучную замену русскоязычной нецензурной лексики и используется как элемент языковой игры вместе с подзаголовком рекламного текста: *«Аннуитетные экспресс-кредиты»*. Однокоренное прилагательное *«аннуитетный»* является термином профессионального сленга представителей финансовой сферы, который употребляется в рекламе для обозначения стабильных равных платежей [Приложение. Рисунок 6: 239]. В данном примере, скорее, можно говорить о сохранении табуированного денотата и актуализации табуированного речесмысла в рамках дискурсивной практики табуирования, а фонетическую аллюзию отнести к средствам эвфемизации, однако, как отмечают исследователи, «в случае, если объектом аллюзии выступает обценное слово, степень литературности намёка зависит прежде всего от степени звукового сходства замещающей и замещаемой единиц» [Москвин 2010: 192]. Исходя из этого, следующий пример мы относим к способам детабуирования: *«OXYjet»*. Латинское написание рекламного заголовка, выделенного графически, употребляется в качестве аллюзии, которая содержит указание на ненормативную единицу русского языка [Приложение. Рисунок 7: 239].

Средства «сенсационализации», дисфемизации, невербальные средства детабуирования представляют актуальный инструментальный масс-медийного рекламного дискурса. Дискурсивная практика детабуирования часто реализуется, например, в рекламе дезодорантов, средств для кожи, медицинских препаратов, техники и т.д.

Например в немецкоязычном рекламном ролике марки «Panasonic» используется тема секса с целью привлечения внимания к товару (плазменному телевизору) [66]. Девушка, снимая с себя одежду, обращается с экрана телевизора к молодому человеку. Следует диалог:

F: Ich will dich. Sei my Big Boy! (Я хочу тебя. Будь моим большим мальчиком!)

M: Oh... ich will dich auch! (О... я тоже тебя хочу!)

F: Ich will dich ansehen. Zieh dich aus! (Я хочу посмотреть на тебя. Разденься!)

M: Ich will dich auch ansehen! (Я тоже хочу посмотреть на тебя!)

F: Oh, bitte, berühre mich eher! (О, пожалуйста, дотронься до меня быстрее!)

M: Oh ja, ich komme! (О да, я иду!)

Затем мужчина ударяется о плазменную панель, звучит англоязычный слоган торговой марки «*Ideas for life*». Форма повелительного наклонения глаголов, модальный глагол желания «*wollen*», междометия и восклицания, лексические повторы, анафоричные конструкции, англоязычное заимствование «*my Big Boy*», наречие «*eher*», глагол «*berühren*», ирония и невербальные сигналы (жесты, мимика, откровенные действия сексуального характера) используются для усиления сексуального подтекста в рекламном сообщении и выражают табуированные речесмыслы с помощью способов детабуирования: прямой номинации и «сенсационализации».

Рекламисты, как правило, имплицитно связывают рекламный текст и невербальный ряд для привлечения внимания реципиента к товару и повышения его запоминаемости. Этот факт говорит о том, что в рекламном креолизованном тексте нагрузка в большей степени ложится на невербальный компонент [Ворошилова 2007].

Например, в рекламе канцелярских товаров немецкой торговой марки «*BIC*» [Приложение. Рисунок 8: 239] используется фото пожилой женщины в нижнем белье. Изображение кадрировано: мы видим откровенно представленную часть тела, начиная с губ (улыбки), заканчивая грудью. На левой груди имеется татуировка с текстом «*Jimi Hendrix*». В верхнем углу плаката демонстрируется товарная единица рекламной кампании – чёрный маркер. Прочий текст отсутствует. Джими Хендрикс (1942–1970) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор, широко признанный в истории рока. Годы творчества: 1965–1970 [Интернет-проект музыкальной тематики: электрон. ресурс]. В семиотическом аспекте татуировка символизирует рекламируемый товар, тем самым выделяя его качество – перманентность. Благодаря содержанию татуировки и внешнему виду дамы, мы можем

предположить, что текст был нанесён много лет назад, возможно, в пик популярности данного исполнителя. С течением долгого времени изменилась внешность женщины и, вероятно, её музыкальные предпочтения, однако надпись на груди сохранилась в прежнем виде. Цель изображения – отсыл к фоновой информации и выстраивание у реципиента аналогии с качеством представленного товара. Использование изображения обнажённого и полуобнажённого женского тела в публичной рекламе относится к сфере табу, границы которой сегодня размыты, обусловлены культурно-национальным фактором. Так, в странах Европейского Союза действует резолюция «Об образе женщины в рекламе и средствах массовой информации», исключающая уничижительно-пренебрежительное отношение к телесности в целом и к женскому телу в качестве сексуального объекта в частности, что позволяет причислить данный фрагмент рекламного дискурса к примерам невербального детабуирования.

Иногда невербальные способы коммуникативной обработки, сочетаясь с вербальными, противоречат друг другу, то есть реализуют две разнонаправленные дискурсивные практики. Например, рекламная кампания развлекательного портала «ЕКАВU.ru» использует образ беременной женщины, которая запечатлена на плакате с дымящейся сигаретой и бутылкой алкоголя. Невербальный способ детабуирования сочетается со способом дезинформации. Так, рекламный текст утверждает: *«Твоя беременность – не болезнь. Нет смысла отказывать себе в удовольствиях!»*. Существительное в форме множественного числа «удовольствия» в данном контексте имплицитно соотносится с вредными привычками, которые открыто пропагандирует изображение. Лексема «беременность» противопоставлена с помощью отрицательной частицы «не» и пунктуационного знака тире номинации «болезнь», выстраивающей у реципиента негативный ассоциативный ряд. Безличная конструкция «нет смысла» в сочетании с инфинитивной формой глагола и восклицательный знак в конце предложения выражают категоричное утверждение. Иными словами, текст может быть интерпретирован как призыв

не отказываться от курения и распития спиртных напитков в период беременности из-за отсутствия опасности. Табуированные речесмыслы актуализируются одновременно в дискурсивных практиках детабуирования и табуирования [Приложение. Рисунок 9: 240].

Немецкоязычный рекламный ролик международной благотворительной организации демонстрирует в кадре темнокожего ребёнка на руках у матери, которая зажигает свечу [83]. Слоган звучит следующим образом: «*Schenken Sie dem Kind seinen fünften Geburtstag... und noch viele Lebensjahre!*» («Подарите ребёнку его пятый день рождения... и ещё много лет жизни!»). Сюжет снят в рамках кампании по поддержке детей из развивающихся стран, погибающих из-за нужды, голода и различных эпидемий в раннем возрасте. Метафоричная повелительная конструкция с прямым обращением «*Sie*» и восклицательная интонация осуществляют эмоциональное воздействие на реципиента. Номинация «*Geburtstag*» в сочетании с притяжательным местоимением и порядковым числительным в форме единственного числа противопоставлена сложному существительному и количественному местоимению во множественном числе «*Lebensjahre*» как часть по отношению к целому, а лексема «*Leben*» контрастирует с общим контекстом сообщения, табуированной тематикой смерти. Паузация и интонационное выделение определённых смысловых сегментов высказывания обеспечивают отсыл к фоновой информации. Названные языковые средства, наряду с символикой видеоряда (зажжённая свеча – символ зарождённой жизни), реализуют коммуникативную обработку табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования. Ролик сопровождается текстом следующего содержания: «*In Entwicklungsländern sterben jedes Jahr über acht Millionen Kinder noch vor ihrem fünften Geburtstag*» («В развивающихся странах каждый год умирают свыше восьми миллионов детей ещё до своего пятого дня рождения»). Здесь используется глагол, прямо номинирующий табуированный речесмысл («*sterben*»), в сочетании со статистическими данными, выраженными количественным числительным «*acht Millionen*», порядковым числительным «*fünften*» и определительным местоимением «*jedes*» с существительным,

обозначающим временной отрезок «Jahr». Предлоги «über» и «vor», существительное в форме множественного числа «Entwicklungsländer» и наречие «noch» усиливают экспрессию, подчёркивают масштабность бедствия, реализуют способ «сенсационализации» и выражают табуированные речесмыслы в дискурсивной практике детабуирования.

Изображения и видеоролики, привлекаемые в целях социальной рекламы, часто эксплицируют табуированные речесмыслы, детерминированные культурно-узуальными табу, нарушая табуированный денотат: насилие (над детьми), смерть, богохульство, откровенные действия сексуального характера, наркомания, алкоголизм и т.д. Так, немецкое отделение правозащитной организации «Amnesty International» в рекламной акции использовало изображение прозрачного чемодана на конвейере выдачи багажа. Внутри чемодана находится женщина. Рекламный слоган представлен в виде эмблемы «STOPP MENSCHENHANDEL!» («Останови торговлю людьми!»). Посредством сложного существительного, прямо выражающего табуированное денотативное содержание, формы повелительного наклонения глагола, восклицательного знака и графического выделения текстовой части, а также описанного изображения табуированные речесмыслы актуализируются в дискурсивной практике детабуирования [Приложение. Рисунок 10: 240].

Нами было отмечено, что многие табуированные тематики имеют панкультурные сходства относительно русской и немецкой культур, например: демонстрация обнажённого тела, сексуальные отношения, посягательство на религиозные воззрения человека, насилие, интимная гигиена и т.д. Однако имеются и существенные различия. Так, крайне табуированная в немецкой лингвокультуре тематика смерти и тяжёлых заболеваний затрагивается достаточно часто в немецкоязычном рекламном дискурсе, тогда как в русской рекламе она представлена значительно реже. На нарушении таких культурно-узуальных табу основан, например, чёрный юмор рекламной интернет-кампании немецкого телеканала «Comedy Central». На одном из изображений иллюстрирована траурная процессия. При этом к катафалку во время

похоронного шествия кто-то прикрепил металлические банки. Как известно, во многих странах существует свадебная традиция, согласно которой звук гремящих при движении автомобиля банок должен отпугивать злых духов от молодожёнов. Вероятно, оценив креативность идеи, один из участников церемонии смеётся, что вызывает осуждение у других сопровождающих. В углу баннера размещён слоган («*Keine Minute ohne Comedy*» («*Ни минуты без Comedy*»)) и логотип развлекательного телеканала [Приложение. Рисунок 11: 240]. Вербальное сообщение лишь усиливает с помощью литоты абсурдность представленной ситуации. Невербальный способ коммуникативной обработки табуированных речесмыслов и способ «сенсационализации» реализуют дискурсивную практику детабуирования.

В то же время в русскоязычном рекламном дискурсе часто эксплицируются негативные этностереотипы, умаляющие культурную самодостаточность личности, чего мы не встретили в немецкоязычном материале. Например, в рекламе русской водки [Приложение. Рисунок 12: 240] аллегорично представлен мир, держащийся на трёх бутылках алкогольного напитка, заменяющих трёх китов из древнего философского представления о Земле. Слоган «*На том стояла и стоять будет русская земля!*», в котором одновременно используются две временные формы глагола «стоять» прилагательное-этноним «*русская*» и отсутствует заглавная буква в написании слова «*земля*», намекает на справедливость стереотипных представлений о русских как о «пьющей нации». Табуированные речесмыслы эксплицируются с помощью способа стереотипизации.

В другом примере авторы газетного рекламного текста используют тему расизма и нарушают межкультурно-обусловленное табу. На рекламном объявлении компании, производящей РТИ, изображён афроамериканец. Слоган выделен графически: «ОНИ БУДУТ РАБОТАТЬ КАК НЕГРЫ». Устойчивое разговорное выражение «*работать как негр*», употребляемое обычно в переносном значении «*тяжело работать*», считается некорректным, направленным на унижение культурной самодостаточности представителей

негроидной расы. Использование изображения одного из её представителей отсылает реципиента к фоновой информации, связанной с происхождением фразеологизма. Экспликация этностереотипа о неграх-рабах является уничижительной, провоцирующей. Табуированные речесмыслы подвергаются детабуированию с помощью способа стереотипизации [Приложение. Рисунок 13: 240].

Итак, табуированная тематика в рекламном дискурсе обширна: смерть; убийство; тяжёлые болезни; церемония похорон; инвалидность; торговля людьми; насилие по отношению к слабым и беззащитным; демонстрация обнажённого тела; секс и гомосексуальность; трансгендерность и интерсексуальность; заболевания, передающиеся половым путём; фетишизм; интимная гигиена человека; нежелательная беременность; процесс родов; посягание на традиционные человеческие ценности (семья, религия); детская неприкосновенность; призыв к употреблению алкогольных напитков и алкогольная (наркотическая и т.д.) зависимость, одержимость. Отдельные примеры печатной рекламы содержат дисфемизмы (сниженную лексику, жаргонизмы и вульгаризмы). Преобладающими, однако, являются невербальные способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, способы стереотипизации и «сенсационализации», репрезентирующие дискурсивную практику детабуирования. Дискурсивная практика табуирования реализуется реже, преимущественно посредством аллюзий и перефраз, эллипсиса, аллегорий, иронии, языковой игры с помощью способа эвфемизации.

3.4. Масс-медиаальный религиозный дискурс

Возрастающее культурное и религиозное многообразие современного глобализованного общества приводит к росту значения религиозного фактора во многих политических процессах, в жизни граждан, а также к усиленному проявлению религиозности, то есть непосредственному и опосредованному

влиянию религиозных представлений на массовое сознание. Религиозный дискурс достаточно широко представлен в масс-медиаальном пространстве: на телевидении существуют специальные каналы, посвящённые религиозной тематике; зритель может наблюдать за церковной службой, слушать обращения священнослужителей и религиозных деятелей, знакомиться с текстами проповедей в интернете.

Религиозный дискурс предполагает мифологизацию сознания, веру в магию слов, признание божественной роли лидера, ритуализацию общения, использование приёмов манипулятивного воздействия [Шейгал 2000]. Это воздействие основано на внушении основных принципов христианства. Священнослужитель как «представитель Бога на Земле» предостерегает и наставляет, «пропагандируя» «идеи наказания, адских мук, расплаты «на том свете» за грехи [Бобырева 2007]. Определение понятия «грех» достаточно широко и включает в себя не только нарушение религиозного запрета, но и «нравственное падение», «поступки, совершённые в нарушение норм общественной морали» [Ожегов 1999: 144–145]. Обращение к данным сферам связано с рядом коммуникативных ограничений.

Например, запретным является упоминание имени Всевышнего всуе [Карасик 2002: 222]. Обращение к Богу происходит при максимальном понижении статуса человека [Там же]. Вероятно, это объясняет наличие в текстах речей священнослужителей большого количество косвенных наименований и написание их с прописной буквы: «образ Христа», «ОН», «Небесный Отец», «Спаситель» [21; 23; 26; 27].

Сюда можно также отнести ограничение на употребление лексем, называющих Дьявола («Дьявол», «Сатана», «чёрт», «лукавый» и др.). Экспликация табуированных речесмыслов в данном случае, как правило, сопровождается невербальным ритуальным действием (жест крестного знамения).

Влияние фактора социального статуса обуславливает актуализацию табуированных речесмыслов посредством специальной терминологии, архаизмов, слов высокого стиля, невербальных знаков, которые камуфлируют,

смягчают табуированный денотат, реализуя способы эвфемизации, криптолалии, ритуализации. С другой стороны, язык религии, являясь «языком посвящённых», должен быть доступен широким массам («чужим»), которые прислушиваются к сказанному и, в случае принятия идей, переходят в класс «своих» [Бобырева 2007]. Поэтому говорящий зачастую использует прямые номинации, средства «сенсационализации», номинации из бинарной оппозиции «свой/чужой», выражая табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики детабуирования.

Итак, как позволил установить анализ материала, для экспликации табуированных речесмыслов в масс-медиаальном религиозном дискурсе используются следующие языковые средства:

- модальные глаголы с семантикой запрета и долженствования: *«мы никогда не должны забыть»*; *«нельзя идти против Божественного закона»* [26]; *«нам следует вдохновляться Его примером»*; *«...радость должна проявиться в готовности отметить праздник добрым делом»* [23];

- побудительные предложения: *«Испросим у Господа здоровья раненым...»* [23]; *«Помолимся о тех, кто...»* [17];

- сочетания личного местоимения 1-го лица множественного числа с глаголами в настоящем или будущем времени при выражении запрета или долженствования: *«мы следуем»* (вместо *«мы должны следовать»*); *«мы не согласимся»* (вместо *«мы не должны соглашаться»*) [23];

- обобщающие слова: *«всем нам»*, *«все мы»*;

- цитаты (передаются с помощью прямой или косвенной речи и ритуализованных фраз, приёма персонификации): *«... говорит нам Спаситель»* [23]; *«слово Божие гласит»*; *«Евангелие, повествующее нам о...»* [27];

- эмоционально-оценочные слова, негативно-коннотированные лексемы, экспрессивные эпитеты, прилагательные в сравнительной и превосходной степенях: *«сильнейшие вызовы»* [23]; *«Великий пост»*; *«беспредельная жертвенность»* [23]; *«жестокие убийцы»*, *«разрушительная идеология»*, *«агрессивные интерпретации ислама»* [18];

- абстрактные существительные (зачастую прямо именующие библейские грехи): *«наша неправедность»* [27]; *«долготерпение ко греху»*, *«жертвенность»* [23]; *«великий грех братоубийства»* [27]; *«коварство»*, *«обман»*, *«зависть»* [21];

- лексемы с семантикой чужеродности: *«в общении с другими»* [23];

- переходные глаголы, глагольные существительные (и другие частеречные единицы) с дополнениями в соответствующем падеже (как правило, положительно-коннотированными существительными), выражающие действие, направленное против (норм общественной морали): *«против традиционных и истинных представлений о человеке»*; *«вопреки морали»*, *«вытеснение подлинного евангельского представления о Христе»*, *«противостоять современным вызовам»* [23]; *«противостояние злу»*, *«сломить дух народа»* [18];

- усилительные наречия и частицы, выражающие степень, меру, частотность и т.д.: *«крайне важно»*, *«никогда не смирюсь»*, *«постоянно вглядываться»* [23];

- распространённые описательные конструкции (опредетельные придаточные предложения, причастные обороты): *«тех людей, которые стали жертвами преступлений»* [26]; *«лежащие в хосписах»*, *«обременённые скорбями и житейскими невзгодами»* [23]; *«сеющие страх и увечья террористы»* [18]; *«все, кого затронула эта трагедия»* [17];

- архаизмы, книжные, религиозно-обрядовые термины и др. лексические единицы, придающие высказыванию возвышенный стиль: *«ибо»*, *«скорби и тяготы земной жизни»*, *«секулярное сознание»* [23]; *«надеясь породить страх и смятение»* [18]; *«во имя человеческой правды»* [27];

- лексемы, идентифицирующие национальный статус, религиозные убеждения, принадлежность к определённой конфессии и т.д.: *«дети Божии»*; *«христиане»* [21]; *«христианский народ»*, *«братья и сёстры»* [27]; *«богоборцы»* [26];

- сравнения и метафоры: *«Христос – камертон человечества»*, *«Бог... не как могущественный и славный царь»*, *«община веры»*; *«объятые холодом души»*, *«стены отчуждения между людьми»* [23]; *«идеология ненависти»* [18];

- обороты с сопоставительно-противительными союзами: *«не только, но и», «не, а»*;

Выделенные языковые средства применяются как в целях сохранения табуированного денотата при реализации способов табуирования, так и для коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики детабуирования.

Привлечём для примера анализа опосредованного масс-медиа религиозного дискурса фрагменты проповедей Святейшего Патриарха Кирилла, посвящённых Страшному Суду и терактам в Волгограде, а также речь Папы Римского Бенедикта XVI перед членами правительства в Бундестаге.

Библейский термин *«Страшный Суд»* является одним из основополагающих в религии христианства и объединяет ряд понятий, раскрывающих суть религиозного запрета. Обращение к теме греха и наказания базируется на экспликации табуированных речесмыслов с целью реализации манипулятивного воздействия на реципиента в рамках дискурсивных практик табуирования и детабуирования.

Патриарх обращается в своей речи к понятию справедливости, которое передаётся посредством абстрактного существительного *«правда»*. Библейский термин *«Правда Божия»* обозначает законопослушание, свершение правосудия и противопоставляется говорящим понятию *«человеческая правда»*, по отношению к которому используются эмоционально-оценочные языковые средства, выстраивающие у реципиента негативный ассоциативный ряд: *«Это опасное заблуждение, губительное заблуждение... Это самое страшное и опасное заблуждение»; «Это уже не правда, а ложь, не справедливость, а то, что противоречиво, ложно ей»* [26]. Номинация *«заблуждение»* повторяется в параллельных конструкциях и усиливается экспрессивными эпитетами с семантикой опасности, которые в первой части высказывания выражены прилагательными в положительной степени, а в заключительной части в превосходной степени, реализующими приём градации. Затем существительное *«заблуждение»* сменяется лексемой *«ложь»*, категоричная оценочность которой усиливается противопоставительной

конструкцией с использованием антонимичной лексики и союзов «не, а». Обращаясь к эмоциональной сфере верующего, священнослужитель повторяет: «Будет Суд»; «Будет конечный Суд»; «Бог на Страшном Суде судить нас будет не по правдам человеческим, а по своей Божественной правде»; «Бог силой Своею отделит праведных от грешных»; «Господь на том Страшном Суде не спросит нас...»; «...что ждёт каждого из нас и весь род человеческий»; «Те, кто не исполнил этих заповедей, войдут в муку вечную»; «И зло будет осуждено» [26; 27]. Экспрессивные эпитеты «страшный», «вечная», негативно-коннотированные абстрактные существительные «зло», «мука», местоимения с обобщающей семантикой («нас», «каждого», «все») наряду с противопоставлениями (антонимичная лексика, сопоставительно-противительные союзы), параллельными конструкциями, приёмом градации и прилагательными в превосходной степени реализуют способ сенсационализации.

В то же время вместо номинации «несправедливость», прямо именующей один из библейских грехов, применяется эвфемистическая описательная конструкция. Священнослужитель избегает обвинения людей в греховности, несправедливости, используя форму страдательного залога, метафоричное обозначение и архаичный глагол, вуалируя табуированный денотат: «Время, когда понятие правды подвергается эрозии»; «Помрачается Божия правда» [26]. Обращаясь к сфере культурно-узуального табу, говорящий с помощью средств табуирования говорит о несправедливости судебной системы: «И даже если наши человеческие суды не всегда могут защитить правду и обеспечить справедливость, и иногда, как мы знаем, страдают невинные...» [26]. Союз «если» с частицей «даже» в придаточном предложении, вынесенном в начало высказывания, модальный глагол, обозначающий возможность, наречие «всегда» с отрицательной частицей «не» применяются по отношению к словосочетаниям «защитить правду» и «обеспечить справедливость», придавая неполноту действию («не всегда могут» вместо «не могут») и высокий стиль высказыванию. Вместо оценочного прилагательного «несправедливый», выражающего признак, используется антонимичное существительное «справедливость». Вводное предложение «как мы

знаем» указывает на широкую известность и доступность информации, к которой обращается говорящий, снимая с себя ответственность за оценочность суждения и употребление негативно-коннотированного глагола «страдать», который, однако, ограничен наречием времени «иногда».

Эвфемистическим потенциалом обладает речь Папы Римского Бенедикта XVI об основах правового государства. Интерпретируя писание, понтифик прибегает к цитированию, чередует глаголы с семантикой запрета и долженствования («*dürfen nicht*» – «нельзя», «*müssen*» – «должны»), указывая на табуированный характер понятий, к которым он апеллирует. Табуированные речесмыслы, связанные с понятиями библейских грехов (алчность и гордыня), эксплицируются в рамках дискурсивной практики табуирования: «*Die Bibel will uns mit dieser Erzählung sagen, worauf es für einen Politiker letztlich ankommen muss. Sein letzter Maßstab und der Grund für seine Arbeit als Politiker darf nicht der Erfolg und schon gar nicht materieller Gewinn sein. Die Politik muss Mühen um Gerechtigkeit sein und so die Grundvoraussetzung für Frieden schaffen. Natürlich wird ein Politiker den Erfolg suchen... . Erfolg kann auch Verführung sein...*» («Библия этим писанием хочет нам сказать, к чему должен стремиться каждый политик. Его конечной целью и основой всей его работы в качестве политического деятеля не должен быть успех и тем более материальная выгода. Политик должен приложить все усилия в борьбе за справедливость и мир. Конечно, любой политик ищет успеха... . Успех может стать искушением...») [70].

Составным глагольным сказуемым «*will sagen*» (хочет сказать) Папа персонифицирует Священное Писание, название которого выносится в начало предложения. Модальный глагол с отрицательной частицей, выражающий запрет «*darf nicht*», употребляется по отношению к эвфемистическим заменам «*Erfolg*» и «*materieller Gewinn*» (вместо *Hochmut*, *Gier*) и усилен частицей «*gar*». Говорящий соотносит их с лексемой «*Verführung*» (искушение), применяя субстантивированную форму глагола, характеризующего, согласно библейскому учению, действия Сатаны («*Teufel und Satan, der die ganze Welt verführt*»). Модальный глагол долженствования, напротив, сочетается с такими положительными-коннотированными абстрактными существительными, как «*Gerechtigkeit*» и «*Frieden*».

Достаточно часто религиозные деятели выражают табуированные речесмыслы, используя прямые номинации, средства из бинарной оппозиции «свой/чужой», объединяя всех верующих с помощью обобщающих конструкций, форм личного и притяжательного местоимения 1-го лица множественного числа, «приравнивая» себя к ним, и противопоставляя их «другим», «чужим», «грешникам». Последних Патриарх Кирилл называет «богоборцами», «обезбоженными созданиями», «богопротивными умами» [26] употребляя данные лексемы в качестве уничижительных, выражающих крайнюю степень презрения. Для обозначения террористов, организовавших теракты в Волгограде, священнослужитель употребляет вместе с указательным местоимением «те» негативно-коннотированную номинацию «разбойники», вероятно, подразумевая не только людей, «которые занимаются разбоем» [Ожегов 1999: 641], но и казнённых во время распятия Христа убийц, называемых разбойниками в Евангелии. Патриарх заявляет: *«Наверное, не случайно враги, а я называю этих людей врагами... России, а то, что они совершают, как бы не объявленной войной нашему народу, то, что они совершили эти страшные деяния в городе-герое Волгограде, овеянном великой славой, ратной славой нашего народа, верю, что эти злодеяния не запугают жителей Волгограда»* [17]. Существительное в форме множественного числа «враги», указательное местоимение «эти», личное местоимение 3-го лица множественного числа «они», номинация «война», экспрессивный эпитет «страшные» в сочетании с юридическим термином «деяния», который повторяется в составе негативно-коннотированного существительного «злодеяния», употребляются для характеристики «чужих», выстраивания по отношению к ним негативного ассоциативного ряда у реципиента. Названным средствам противопоставлены: притяжательное местоимение «наш» в сочетании с собирательным существительным «народ», топонимы «Россия», «Волгоград», существительное, идентифицирующее почётный статус «города-героя», лексический повтор существительного «слава», определяемого эмоционально-окрашенными прилагательными «великая»,

«ратная», глагол с семантикой состояния в форме 1-го лица единственного числа «верю».

В одной из своих речей Патриарх обращается к верующим: *«Помните о том, что от наших слов и от наших сил зависит победа над теми тёмными силами, которые сегодня пытаются разрушить наше Отечество!»* [17]. Данную фразу Патриарх Кирилл произносит, обращаясь к теме военно-политических событий на Украине. Устойчивая метафора «тёмные силы» отражает библейское представление о добре и зле, светлых и тёмных силах, которые находятся в постоянной борьбе. В предложении словосочетание конкретизируется с помощью придаточного определительного, где употребляется составное сказуемое с негативно-коннотированным глаголом «разрушать», направленное на дополнение «Отечество», понятие, наделяемое в христианской религии сакральным смыслом (то, что от Отца, от Бога). Наречие «сегодня», варьирование притяжательного местоимения «наши» и указательного местоимения «те», форма настоящего времени сказуемого подчёркивают актуальность противостояния «своих» и «чужих», где «чужие» – это зло.

Говоря о ситуации на Украине, Патриарх использует способ ритуализации: *«Какая же там милость к ближнему? Разве можно говорить о том, чтобы накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, посетить больного или того, кто в заточении...»* [26]. Адресант употребляет устойчивое словосочетание «милость к ближнему», отсылая реципиента риторическим вопросом к одной из библейских заповедей. Вместо раскрытия подразумеваемой проблемы в следующем предложении Патриарх снова задаёт вопрос с перефразированной цитатой из Евангелия, дублируя смысловое содержание первой фразы. Затем происходит смена дискурсивных практик. Говорящий поясняет: *«Многие употребляют силу, чтобы отнять последнее, уничтожить, отнять жизнь, надругаться над человеческим достоинством...»*. Неопределённое местоимение с обобщающей семантикой выступает в роли действующего лица. Вместо устойчивого словосочетания «применять силу» используется синонимичный глагол «употреблять». Придаточное предложение цели распространено посредством однородных

сказуемых, выраженных с помощью негативно-коннотированных глаголов («уничтожить», «надругаться»), нарушающих табуированный денотат, а также лексического повтора глагола «отнять» (в составе метафоричных словосочетаний с гиперонимом «отнять последнее» и гипонимом «отнять жизнь»), выстраивающих негативный ассоциативный ряд и усиливающих эмоциональное воздействие на реципиента.

Таким образом, функционирование табуированных речесмыслов в религиозном дискурсе основано на интерпретации ряда понятий и явлений как табу в его первоначальном понимании в качестве религиозного запрета. Табуированные речесмыслы выражаются преимущественно в дискурсивной практике табуирования с помощью эвфемизации, криптолаллии, ритуализации. Номинации из бинарной оппозиции «свой / чужой», «сенсационализация», прямая номинация реализуют дискурсивную практику детабуирования.

3.5. Масс-медиаальный спортивный дискурс

Широко представлен в СМИ спортивный дискурс: трансляции спортивных событий, олимпиад, всевозможных чемпионатов и соревнований.

Спортивный дискурс – многоплановый и многоуровневый коммуникативный конструкт, отражающий коммуникативные намерения целого ряда субъектов: спортсменов, тренеров, судей соревнований, администраторов спорта, болельщиков как реальных (зрителей спортивных соревнований в реальных условиях спортивного события), так и виртуальных (телезрителей и радиослушателей, получающих визуальную и аудиальную информацию о спортивном событии посредством телевидения и радио), а также спортивных комментаторов, детализирующих для болельщиков информацию о спортивном событии [Карасик 2000]. Развитие спортивного дискурса происходит между участниками спортивного процесса или события, т.е. коммуникантами – субъектами спорта, которые проявляют себя как группы языковых личностей, по-разному вербализующих свои коммуникативные

намерения и использующих при этом разные коммуникативные средства и речевые приёмы.

В рамках масс-медиального интердискурса спортивный дискурс реализуется в языковых жанрах, возникающих на периферии, например, при наложении спортивного и педагогического (тренировка, игра, выступление и т.д.), спортивного и медицинского (лечение и оказание медицинской помощи спортсменам), спортивного и рекламного (контракт спортсмена с какой-либо фирмой) и других типов дискурса [Мангутова 2007].

Анализ практического материала показал, что одной из особенностей масс-медиального спортивного дискурса можно считать преобладание дискурсивной практики табуирования. При этом речь идёт не только об эвфемизации из этикетных соображений (хотя эвфемизмы встречаются здесь достаточно часто), но и о прочих способах коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, функционирование которых обусловлено боязнью и страхом. Можно привести ряд невербальных табу, которые боятся нарушить спортсмены: не вставать на пьедестале на низшую ступень, не бриться перед игрой, не бросать теннисную ракетку на корт, не наступать на линии разметки до начала игры и т.д.

Материалы из интернета, газетных статей, с телевидения, комментарии тренеров, интервью со спортсменами и главами спортивных организаций позволяют выявить целый ряд примеров эвфемизации и криптолалии. Выражение *«Не сглазь!»* оказывается главной заповедью спортсмена [1]. Табуируется в данном случае всё, что касается прогнозов на предстоящие игры, соревнования и т.д. Слово *«победа»/«победить»* составляет сферу личностно-тезаурусных табу и заменяется с помощью синонимов, различных метафор и иносказаний: *«выстрелить на соревнованиях»*, *«ожидать медалей»*, *«претендовать на места на подиуме»*, *«побороться за медали»*, *«пустить на подиум»*, *«получить путёвку на олимпиаду»*, *«взять наивысшую награду»*, *«взять золото»*, *«существенно повысить свои шансы на продолжение борьбы»* [1; 5; 14; 15].

Табуированные речесмыслы в спортивном дискурсе часто передаются крылатыми фразами (*«постучим по дереву», «чтобы не сглазить», «тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить», «не хочу показаться суеверным, но...»* (нем. *«Hals und Beinbruch», «Drücken wir uns die Daumen»*) и т.д.), сопровождаются невербальными сигналами (например, жест *«держать кулачки»*), ритуалами (например, постукивание по дереву; обязательная церемония рукопожатия соперников на ринге перед началом боя). Преждевременное оглашение фамилий участников каких-либо спортивных мероприятий на широкую аудиторию (фамилии уже состоявшихся победителей к данной группе не относятся) представляется нежелательным. Вместо этого можно встретить следующие описательные обороты как средства криптолалии: *«Те люди, которые будут защищать честь России»; «Там будут выступать наши лучшие спортсмены. Фамилии их мы пока не называем»; «Те, кто прошёл отборочное сито»* [1; 14; 15] и т.д.

Следующую трактовку табуирования имён спортсменов мы нашли в одной статье *«...имена претендентов чиновники спорта тоже боятся называть – чтобы не сглазить. Еще памятен случай с вологодской баскетболисткой Марией Колмыковой. Восемь лет назад девушку сняли с трапа самолета, направлявшегося на Олимпиаду в Сиднее. Объяснение было неожиданным – слабая морально-волевая подготовка. Что чувствовала спортсменка, которая два года подряд была лучшим центровым игроком в женском баскетболе России, нетрудно себе представить. А она уже была в списках...»* [Российская газета 10.07.2008].

Говоря о проигрыше спортсменов, комментаторы, тренеры, спортивные критики прибегают к эвфемизмам, реже к прямым номинациям, разделяя неудачу вместе со спортсменами или дистанцированно критикуя их: *«мы показали не лучший результат»; «нам нужно прибавлять»; «наше олимпийское невезение»; «что привело нас к известным результатам»; «он уступил»; «спортсмен исчерпал свои возможности»; «он исчерпал свой потенциал»; «он сошёл с дистанции»; «российские спортсмены могли, конечно, сыграть и лучше»; «спортсмен был не в лучшей форме»; «он потерпел поражение»* [5; 7; 16] и т.д.

Коммуникативной обработке посредством эвфемизации подвергаются табуированные речесмыслы, связанные с увольнением, смещением с должности спортсменов и тренеров: «снять погоны главного тренера» (вместо уволить, лишить должности) [24]; «омолаживать тренерский и преподавательский состав» (вместо сократить пенсионеров, заменить молодыми специалистами) [25]; предвзятым отношением судейского состава: «судьи его не жалуют» (вместо намеренно занижают баллы) [2] и т.д.

Спортсмены, потерпевшие поражение или вынужденные прервать свою карьеру в силу различных причин, как и жертвы военно-политических конфликтов, неохотно выражают свои чувства, скрывая их за описанием внешних обстоятельств (травм, качества спортивного оборудования, погоды и т.д.) с помощью иронии и языковой игры, фразеологизмов и клише. Например, на вопрос журналистки о причине поражения: «Что случилось с Вами на корте?» – теннисист отвечает: «На корте со мной случился спорт!» [22]. Повтор части вопросительного предложения в форме восклицательного с обратным порядком слов используется говорящим для создания языковой игры. Пресуппозиция, вероятно, заключается в следующем: «В спорте случается всё, в том числе и поражения». Коммуникант намеренно уходит от прямого ответа, употребляя слово «спорт» в качестве криптонима, скрывающего табуированный речесмысл. Этой цели служит и риторическое восклицание «Это спорт!», достаточно часто употребляемое участниками масс-медиаального спортивного дискурса, если речь идёт о проигрыше или неожиданном для всех исходе игры (боя, соревнования и т.д.), вместо критики в адрес спортсменов.

В фигурном катании можно услышать фразу «Лёд скользкий» [28]. Подобным трюизмом спортивные комментаторы или тренеры, как правило, завуалированно выражают опасения за спортсменов, потенциальную возможность падения на соревновании или оправдывают допущенную ошибку. Высказывание, принадлежащее одному из авторитетных спортивных деятелей, носит характер прецедентного и применяется для экспликации табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования.

Способы детабуирования встречаются значительно реже и, как правило, употребляются с целью создания сенсации, преимущественно посредством нарушения межкультурно-обусловленных табу. Скандалы с принятием допинга, дисквалификацией спортсменов, предвзятым отношением иностранных судей освещаются с помощью способов «сенсационализации», стереотипизации, прямой номинации, номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой». Например: *«На Олимпиаде-2012 опять засудили украинского спортсмена»* [13]. Негативно-коннотированный разговорный глагол *«засудить»* используется с наречием *«опять»*, указывающим на многократность совершаемого действия, которое направлено на словосочетание с прилагательным, идентифицирующим национальную принадлежность *«украинского спортсмена»*. Экспликация табуированных речесмыслов, связанных с несправедливыми действиями судейского состава в отношении носителя определённой лингвокультуры, осуществляется с помощью способа «сенсационализации», который реализует манипулятивный потенциал высказывания.

Подзаголовок статьи «Спортивного обозревателя» гласит: *«Испанского теннисиста взбесили грязные намёки французских журналистов»* [22]. Просторечный глагол *«взбесить»* и пейоративная метафора *«грязные намёки»* усиливают негативный эмоционально-нагруженный контекст, выстраивая у реципиента определённые ассоциации. Прилагательные, идентифицирующие национально-культурную принадлежность подчёркивают интеркультурный характер конфликта. Табуированные речесмыслы, детерминированные межкультурно-обусловленным табу, актуализируются посредством «сенсационализации» в дискурсивной практике детабуирования.

В новостном сообщении *«Допинг-скандал в Сочи – немецкий спортсмен может потерять медаль»* англоязычное заимствование *«допинг»*, утратившее свой эвфемистический потенциал, употребляется в составе сложного существительного с негативно-коннотированной лексемой *«скандал»* и выносится в начало предложения. Топоним *«Сочи»* противопоставлен

прилагательному «немецкий», чтобы выделить межкультурный аспект конфликтной ситуации и привлечь к ней внимание реципиента [9]. При этом способ «сенсационализации» сочетается со способом эвфемизации. Так, составное глагольное сказуемое с семантикой вероятности *«может потерять»* редуцирует негативную смысловую нагрузку высказывания посредством замены глагола, выражающего намеренное действие *«лишать»*.

В комментарии относительно чемпионата мира по футболу радиоведущий заявляет: *«Кроме нас, россиян, в мире очень много наций, которые также не умеют играть в футбол, например, китайцы или американцы. Однако они не делают из этого никакой трагедии и вообще не сильно переживают по этому поводу»* [7]. Автор высказывания эксплицирует табуированные речесмыслы, применяя способы стереотипизации и прямой номинации. При этом говорящий причисляет себя с помощью формы личного местоимения *«мы»* и существительного *«россияне»* к объекту, в адрес которого направлено категоричное оценочное суждение. Стереотип о китайцах и американцах как о нациях, которые не умеют играть в футбол, выражается в придаточном определительном предложении с помощью существительных-этнонимов и составного сказуемого *«не умеют играть в футбол»*. Предлог *«кроме»* и соединительный союз *«также»* подчёркивают равнонаправленность критики по отношению к трём перечисленным лингвокультурам.

Итак, в спортивном дискурсе наиболее актуальны способы эвфемизации и криптолалии. Они детерминированы фактором пресуппозиционных установок и часто сопровождаются невербальными сигналами и ритуальными действиями. Дискурсивная практика детабуирования репрезентируется значительно реже с помощью способов «сенсационализации», стереотипизации, номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой».

3.6. Масс-медиаальный научный дискурс

Широкий круг актуальных (научных) проблем, освещаемых масс-медиа, предполагает обращение к научному дискурсу, который взаимодействует с разными институциональными типами в масс-медиаальном интердискурсивном пространстве. Для научного дискурса характеристика сокращённой или фиксированной дистанции общения не является определяющей, что отличает его от других типов институционального взаимодействия. То есть он легко переносится в ненаучную коммуникативную среду, но при этом сохраняет свои конституирующие признаки: целенаправленность на решение научной проблемы и творческий диалог как способ её реализации [Кожемякин 2009].

В. И. Карасик отмечает, что в задачи участников научного дискурса входит не только «добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых учёных. Поэтому учёные выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: учёный-исследователь, учёный-педагог, учёный-эксперт, учёный-популяризатор. Клиенты научного дискурса чётко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи.... с другой стороны» [Карасик 2002: 231].

Авторы и ведущие телепередач часто обращаются к представителям научной общественности, апеллируют к мнению учёных-экспертов как трансляторов истинного, научного знания, теоретически и эмпирически обоснованного, логичного, объективного и критичного. Тематика общения, подлежащая научному осмыслению, крайне широка и достаточно часто связана со сферами функционирования разноуровневых табу. При этом определённая статусная позиция требует от говорящего подбора адекватных языковых средств, соответствующих научному функциональному стилю, для реализации способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов.

Ряд проанализированных примеров из собранного корпуса позволил выделить следующие языковые средства, наиболее частотно применяемые для актуализации табуированных речесмыслов в данном типе дискурса:

- паузы хезитации: «*wir sind plötzlich viel präsenter und kompatibel eben mit... ah... mit den Ausbildungssystemen anderer Länder*» [73];

- повелительные конструкции, конструкции с модальными глаголами, перформативные конструкции: «назовём это...», «следует подчеркнуть, что...», «необходимо указать на некоторые недочёты...» [3]; «не нужно, так сказать, молиться на некоторые страны, где, может быть, система тоже... отнюдь не идеальная» [8];

- ментальные глаголы типа: «думать», «считать», «подразумевать»;

- слова специальной и терминологической лексики (часто заимствованные из другого языка): «*риск-контроллинг*», «*лимитирование потенциальных потерь*» [3];

- вводные слова и выражения: «*Между мигрантами, как представляется, существуют более глубокие социокультурные различия...*»; «*С одной стороны, нельзя не отметить пагубное влияние...*» [3]; «*...dass das Leben auf der Erde wahrscheinlich im Weltraum entstanden ist*» [73];

- местоимения, артикли с обобщающей семантикой (часто согласуются с субстантивированными глаголами): «*das*», «*dieses*», «*viele*», «*dieses ich helfe dir, du hilfst mir*» [42];

- слова с абстрактной семантикой: «*эффективность*» [3]; «*Herausforderung*», «*Fähigkeit*», «*Exzellenz*» [73];

- метафоры: «*kulturelle Verflechtung*», «*...weil Musik eine Sprache der Emotionen ist*» [73]; «*повышение температуры общекультурной и научной жизни*» [8];

- цитирование, отсыл к различным прецедентным феноменам, использование пословиц: «*по мнению экспертов*», «*учёные считают, что...*», «*по словам...*», «*вслед за...*» [3]; «*...bei der nach der Methode tabula rasa die Zerstörung der indigenen Kultur...*», «*Also, Übung macht den Meister*» [73];

- прилагательные в сравнительной и превосходной степенях: «*менее реферативно*»; «*Более успешно происходит объединение организации под единым*

руководством», «остаётся одной из наиболее актуальных проблем...», «более содержательно» [3; 8].

- эпитеты, описательные конструкции, придаточные определительные предложения: «...что было связано с преобладанием в науке жёстких идеологических схем, отойти от которых было невозможно»; «...оперируя теми понятиями и категориями, которые санкционировались господствующей идеологией»; «недобросовестная конкуренция»; «стратегически неправильное использование» [3];

- деепричастные обороты, сослагательное наклонение: «Принимая во внимание предыдущее замечание, хотелось бы отметить, что...»; «Хотелось бы выразить свою точку зрения относительно того, о чём сейчас говорила коллега из...» [8];

- ввод вопросительных предложений с последующим раскрытием в повествовательном высказывании (вопросительные слова выделяются интонационно, произносятся подчёркнуто долго): «Und die Frage ist "Wie die Kriegsfilme unsere Emotionen beeinflussen können?" Um diese Frage beantworten zu können, versuchen wir ein Instrumentarium zu entwickeln auf der Basis von...» [73]; «Почему это происходит? Потому что всё устроено так, чтобы иначе было невозможно» [8].

Выделенные языковые средства применяются преимущественно для реализации способов коммуникативной обработки в рамках дискурсивной практики табуирования, которая является в данном типе дискурса наиболее продуктивной.

Кроме того, используются:

- частицы, наречия, предлоги, указывающие на однократность, многократность, интенсивность какого-либо действия, количество чего-либо (часто вместе с числительными, выражающими статистические данные): «повторно», «постоянно», «mal», «более», «свыше 115 млн производственных травм» [3];

- уточняющие конструкции, которые зачастую начинаются с фраз: «damit wird gemeint, dass», «das heißt» [42];

- конструкции-клише, выражающие оценку сказанного, указывающие на широкую известность и доступность информации (пассивные, неопределённо-личные, безличные конструкции): «Принято считать, что...»; «Считается, что...»,

«Как известно...»; «Известно, что...»; «Не секрет, что...», «...und dass sie das Ziel haben, die Emotionen zu sensibilisieren, es ist klar» [3; 8; 73]

- разговорные элементы, фразеологические обороты, просторечия и т.п. (вместо научного или узувального термина), придающие ироничность высказыванию (сопровождаются паузацией перед маркированным словом, интонационным выделением самого слова или выражения, улыбкой или жестом, демонстрирующим наличие кавычек): «*Man gewinnt also so eine Eindruck, an den Börsen... an den Finanzmärkten sind alle... ein bisschen plemplem*»; «...то есть нас, по сути, водят за нос» [74].

Данные языковые средства используются преимущественно в рамках дискурсивной практики детабуирования.

В качестве примера масс-медиаально опосредованного научного дискурса рассмотрим фрагмент из выпуска научно-познавательной телепередачи «Planet Wissen», посвященный коррупции как научно изученному феномену [42]. Профессор высшей специальной школы города Мюнстер Рут Линссен (Ruth Linssen) (далее Л.), исследователь и журналист Франк Убераль (Frank Überall) (далее У.) приглашены в качестве учёных-экспертов. Специалисты должны дать свою оценку данному явлению, а также познакомить зрительскую аудиторию с актуальными результатами научных исследований.

Узуальный термин «коррупция» (от лат. *corruptio* — порча, подкуп) утратил сегодня свой эвфемистический потенциал, о чём свидетельствует его словарная дефиниция: «Моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [Ожегов 1999: 298]. Данная лексема выстраивает негативный ассоциативный ряд с понятиями (нарушение закона, противоправные действия представителей власти, экономические преступления), составляющими сферу культурно-узуальных табу.

Обращаясь к госпоже Л., ведущая идентифицирует её статус как «*Professorin an einer Fachhochschule Münster*», заручаясь таким способом авторитетной поддержкой представителя научного института. Профессор рассказывает о сути

феномена, используя прямую номинацию «*Korruption*», нарушающую табуированный денотат. Единицу книжной лексики, термин «*prägnant*», говорящая после паузы хезитации заменяет нейтральной лексемой «*gut*» с глаголом «*zusammenpassen*», вероятно, адаптируя свою речь для менее компетентных реципиентов (зрителей телепередачи). В следующем предложении говорящая раскрывает значение феномена с помощью субстантивированных форм глаголов «*Geben und Nehmen*» без прямых дополнений, прибегая для обозначения корыстных намерений коррупционеров к развёрнутым описательным конструкциям с гиперонимом «*Vorteil*» (вместо «*Gewinn*»), абстрактным существительным «*Allgemeinheit*», специальным глагольным лексемам «*verschaffen*» и «*ausnutzen*» в сочетании с неопределённым местоимением «*jemand*» и определённым артиклем в роли указательного местоимения. Табуированные речесмыслы реализуются с помощью способа эвфемизации в дискурсивной практике табуирования: «*Weil es ganz prägnant... ah... gut zusammenpasst, worum es zwar bei der Korruption geht. Es ist immer ein „Geben und Nehmen“ und immer das sich jemand einen Vorteil gegenüber der Allgemeinheit verschafft und jemanden, der... ah... jemand ausnutzt dafür der ihm diesen Vorteil verschafft...*» («Потому что это очень точно... э... хорошо описывает то, о чём идёт речь при коррупции. Это всегда «давать и брать» и всегда так, что кто-то создаёт себе преимущество относительно общественности и кого-то, кто... э... кого-то использует, чтобы тот давал ему это преимущество»).

Чтобы наглядно проиллюстрировать коррумпированное поведение, в передаче демонстрируется сюжет, посвящённый скандалу с известным немецким предпринимателем, обвиняемым в злоупотреблении служебным положением. Преобладающим способом коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, функционирующих в рамках заданной тематики, является «сенсационализация». Усиление криминального подтекста, яркие пейоративные эпитеты, просторечия, метафоры и прямые номинации реализуют дискурсивную практику детабуирования: «*der schlimme Verdacht*» (тяжкое подозрение), «*dann ging der Bock auf*» (Тогда все делишки всплыли на поверхность), «*die Gefahr... abzurutschen in die korrupte Handlung*» (пропасть коррупции), «*Betrug und*

Korruption im Gesundheitswesen» (Обман и коррупция в системе здравоохранения). Само происшествие именуется представителями СМИ как «*Müllskandal*», «*Müllkrimi*», «*Ein typisches Beispiel für Korruption*» (скандал с мусором, мусорный детектив, типичный пример коррупции). Однокоренные в немецком языке слова «детектив» и «криминал» чередуются в одном предложении, раскрывая подразумеваемый смысл сообщения: «*mit kriminellen Machenschaften*» (криминальные, противозаконные махинации). С другой стороны, прямые обвинения в адрес высокопоставленного политика завуалированы с помощью фразеологизмов («*Drück doch mal dein Auge zu!*» – «Закрой разок на это глаза!»), сравнений и метафор («*Die Anlagen lohnen als Gelddruckmaschinen*» – «машины по переработке мусора приносят прибыль, как станки для печати денег», «*politische und wirtschaftliche Seilschaften*» – «политические и экономические компашки»), просторечий («*...irgendwo Kumpel, nicht zu jedem, zu bestimmten Leuten...*» – «приятель не для каждого, а только для определённых людей»), иронии («*Der Herr über dem Kompost*» – «господин над компостом»), перифраз, умолчаний («*...da ich meine eine Kleinigkeit... ah... vom Unternehmen... bekommen würde...*» («...то, что он получит какое-то небольшое вознаграждение... э... от предприятия Триникена...»)) и т.д. как средств криптолаллии и эвфемизации.

После сюжета ведущая обращается непосредственно к эксперту: «*Frau Linssen, ist es ein typisches Beispiel für Korruption?*» («Госпожа Линссен, является ли эта ситуация типичным примером коррупции?»). Случай, обозначенный в репортаже как «*ein typisches Beispiel für Korruption*» ставится журналисткой под сомнение. Коммуникативным приёмом «позволить объяснить себе» говорящая пытается реализовать манипулятивный потенциал, спровоцировать гостью на экспликацию табуированных речесмыслов с помощью средств детабуирования.

Представитель научного сообщества в ответе ссылается на ряд проведённых исследований и прибегает к описательным распространённым речевым оборотам с целью эвфемизации: «*Also dieses "man kennt sich, man hilft sich gegenseitig"*» («В общем, так называемое «они знакомы и помогают друг другу»), «*Dieses Geben und Nehmen*» («Это давать и брать»). Затем коммуникант обобщает описательные конструкции с помощью сложного существительного «*Reprozitätsprinzip*» (принцип взаимности), вводя его как специальный термин,

выступающий в роли криптонима для замены прямой номинации «*коррупция*», эксплицируя табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики табуирования.

Повторяя использованные экспертом неопределённо-личные эвфемистические конструкции «*man kennt sich, man hilft sich gegenseitig*», ведущая снова обращается к госте, используя сравнение «*wie in Nachbarschaft*» (как в соседстве), на что профессор отвечает: «*So funktioniert es auch. Wir nennen es "anfüttern" (leicht auflachend), dass man wirklich dann einander einen Gefallen tut, ein Geschenk...*» («Так это тоже функционирует. Мы называем это «прикармливать» (улыбаясь), когда действительно друг другу оказывают услугу, дарят подарок...»). Термин рыболовного сленга применяется с целью создания иронии, на что указывает невербальный сигнал. Коммуникант данной лексемой и существительным «*Geschenk*» намекает на тему подкупа, заменяя прямую номинацию «*Bestechung*» (глагол «*bestechen*») эвфемизмом.

Профессор постоянно использует в высказываниях личное местоимение 1-го лица множественного числа «мы», идентифицируя свою принадлежность к определённому коллективу: «*wir nennen das...*» («мы это называем...»); «*Wir wissen halt sehr wenig darüber*» («мы до сих пор очень мало знаем об этом»); «*sagen wir ganz gerne*» («мы охотно называем это»); «*Wir haben bei der Forschung rausgefunden*»; «*Wir haben es in der Forschung gefunden, das...*» («Во время исследований мы выявили...») и т.д. Можно отметить, что, давая экспертное заключение или используя обобщение «мы», исследователь часто обращает взгляд на господина У., вероятно, заручаясь поддержкой коллеги. Так она снимает лично с себя некоторую степень ответственности и перекладывает её на всех представителей научного сообщества, в том числе за нарушение табуированного денотата: «*Da wird bestochen und da lässt man sich bestechen*» («Так подкупают и подкупаются»). Глагол «*bestechen*», прямо выражающий денотативное содержание высказывания, коммуникант повторяет в разных залоговых конструкциях в одном предложении как средство языковой игры, с помощью которой подчёркивает

обоюдную вину сторон, участвующих в сговоре, и реализует дискурсивную практику детабуирования.

Специалист приводит статистические данные в качестве аргументированного подтверждения своих слов: *«Korruption hat das Problem im Dunkelfeld liegend zu sein, über 90 Prozent der Korruptionsdelikte werden überhaupt nicht gemeldet, kommen überhaupt nicht...»* («Проблема коррупции в том, что она остаётся в темноте, о свыше 90% правонарушений, связанных с коррупцией, не сообщается»). Лексема «Korruption», фразеологический оборот «im Dunkelfeld liegend», предлог «über», юридический термин, указывающий на противозаконность рассматриваемого явления, в составе сложного составного существительного с прямой номинацией «Korruptionsdelikte», лексический повтор усилительного наречия «überhaupt» реализуют способ «сенсационализации».

Достаточно часто табуированные речесмыслы актуализируются в данном типе дискурса с помощью способа ритуализации. Например, фраза «*Прошу прощения, регламент*» позволяет вежливо прервать выступление докладчика или намекнуть, что он нарушает установленный временной порядок. Этикетная форма извинения и специальный термин или один компонент иногда заменяются невербальным сигналом (жест, указывающий на наручные часы или запястье, на котором принято носить часы) и позволяют преодолеть коммуникативное ограничение, обусловленное, вероятно, не только культурно-узуальным (прерывание коммуникации в одностороннем порядке), но и личностно-тезаурусным (нежелание обидеть, сбить с мысли коллегу) табу.

Критика в адрес умозаключений коллег, выражение несогласия также завуалированы с помощью клишированных фраз, что обусловлено, прежде всего, влиянием фактора вежливости. Устойчивые конструкции вежливого несогласия, как правило, включают в себя этикетные формы извинения или выражения благодарности, позитивную оценку, которые предшествуют противопоставлению и высказыванию контрарной точки зрения. Например, в научной дискуссии на тему «Научная диаспора и будущее» представитель учёного сообщества после высказанных коллегами замечаний и предложений

реагирует следующим образом: *«Большое спасибо... Я думаю, что здесь очень много звучало хороших и интересных предложений, но мне кажется, что всё-таки в нашей дискуссии нужно исходить из несколько других реалий...»* [8]. Говорящий использует этикетную форму выражения благодарности, положительные эмоционально-оценочные прилагательные *«хорошие»* и *«интересные»*, характеризующие существительное в форме множественного числа *«предложения»* и усиленные с помощью количественного наречия *«очень много»*. За ними следуют противительный союз *«но»*, перформативная конструкция, словосочетание *«другие реалии»* с наречием *«несколько»*, придающим неполноту признаку. Табуированные речесмыслы эксплицируются в рамках дискурсивной практики табуирования с помощью способа ритуализации.

Таким образом, для научного дискурса характерно употребление узкоспециальных терминов и заимствований, перифраз и тропов, клишированных фраз и т.д. с целью коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивной практики табуирования. Эвфемизация, криптолалия и ритуализация применяются наиболее часто, что обусловлено социальным статусом коммуникантов, фактором вежливости. Однако, попав в масс-медиальное пространство, научный текст, как правило, превращается в научно-популярный, доступный для более широкого круга лиц. Научный дискурс взаимодействует с другими типами институционального дискурса. Объективная научная информация подаётся в трансформированном виде. Табуированные речесмыслы реже выражаются с помощью способов *«сенсационализации»* и прямой номинации.

3.7. Масс-медиальный медицинский дискурс

Специфику медицинского дискурса составляют: весьма разработанная и обширная медицинская терминология, особая медицинская этика, нормы поведения, связанные, например, с неразглашением врачебной тайны, с одной стороны, и необходимостью постоянно преодолевать обусловленный

функционированием множества табуированных речесмыслов коммуникативный дискомфорт, с другой стороны, что объясняет разнообразие способов и средств коммуникативной обработки в рамках данного типа дискурса. В нём используются в целях эвфемизации и криптолалии аббревиатуры, иностранные заимствования и термины, стилистические фигуры и тропы. В масс-медиаальном интердискурсе ситуация, как правило, выглядит несколько иначе: прямые номинации, коммуникативный приём «позволить объяснить себе», «сенсационализация» не только доносят до массового получателя когнитивную информацию, но и формируют у него стереотипные представления о медицине, врачах и пациентах, вызывают те или иные эмоции.

В качестве примера масс-медиаального медицинского дискурса рассмотрим фрагмент немецкоязычного репортажа «Mein Körper - Mein Feind» о женщинах с нарушением пищевого поведения, которые проходят лечение в специализированной частной клинике. Сюжет называется «Frauen mit Essstörungen» [60]. Журналист общается с пациентками и врачами, демонстрирует фрагменты их диалогов, комментирует происходящие события. Следует отметить, что автор не нагнетает эмоциональную нагрузку с помощью языковых средств «сенсационализации», а гораздо чаще эксплицирует табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики табуирования, прибегая к эффекту недосказанности, коммуникативному замалчиванию, цитированию, предоставляя реципиенту возможность самостоятельно сделать выводы о девиантности поведения больных или абсурдности сложившейся ситуации в целом.

Приведём часть диалога с одной из пациенток клиники. Молодая девушка стоит в палате на стуле перед зеркалом и показывает врачу, что ей не нравится в своей фигуре:

<i>Arzt: Ist es gut?</i>	<i>Врач: Всё хорошо?</i>
<i>Mädchen: Geht so...</i>	<i>Девушка: Так себе...</i>
<i>A: Was heißt das?</i>	<i>В: Что это значит?</i>
<i>M: Ich sehe mich als... normal, es ist mir</i>	<i>Д: Я считаю себя... нормальной, но здесь</i>

<i>einfach zu viel...</i> A: Wo? M: Am Gesäß (verlegenes Lächeln) A: Da sind Sie dünn! M: Auch beim Bauch... Ich ziehe mir oft weite Kleider an. Bei engen Kleidern habe ich sofort das Gefühl unförmig zu sein. A: Das ist eindeutig eine falsche Meinung! M: Das höre ich oft! Aber ich sehe es anders, das ist das, was wirklich schwierig ist, denn was ich sehe... das glaube ich.... und das, was ich höre, glaube ich nicht mehr ganz...	многовато... (поворачивается перед зеркалом, проводит руками по талии и бёдрам) В: Где? Д: Ягодицы (смущённо улыбается) В: Там Вы худая! Д: И на животе... Я часто надеваю широкие платья. В обтягивающих платьях я чувствую себя сразу бесформенной. В: Это абсолютно ошибочное мнение! Д: Я часто это слышу! Но я вижу всё по-другому, вот что именно тяжело... я верю тому, что вижу, а тому, что слышу... я не совсем доверяю (смущённо улыбается).
--	--

Функционирование табуированных речесмыслов в данном контексте обусловлено наличием личностно-тезаурусных табу. Девушке, вероятно, неловко говорить о своей «проблемной внешности» в принципе, а тем более перед камерой, в присутствии постороннего мужчины-журналиста. Продолжительные паузы, неуверенная интонация, смущённая улыбка свидетельствуют о дискомфорте, наличии ряда коммуникативных ограничений, обусловленных гендерным и другими прагматическими факторами. Коммуникант пытается подобрать нужные слова и использует при описании фигуры прилагательное «*normal*», значение которого не соответствует вкладываемому ею смыслу. Пациентка поясняет врачу, что «*normal*» она понимает как «*zu viel*». При этом девушка избегает номинации «толстая» (нем. «*dick*»), применяя способ эвфемизации. Возражения мужчины в форме категоричных восклицательных предложений с оценочным прилагательным «*dünn*» (худой) девушка расценивает как намеренную ложь, но вежливо отвечает, используя мелиоративный эффект глагола «*glauben*» и отрицание «*nicht mehr ganz*», выражающее неполноту действия. Вместо разговорной лексики «*Po*» (*нопа*)

коммуникант предпочитает медицинский термин «*Gesäß*». Табуированные речесмыслы актуализируются в рамках дискурсивной практики табуирования.

Относительно другой пациентки журналист поясняет: *«Kochen ist ein Teil der Therapie. Für die 28-jährige Daniel ist die Beschäftigung mit Essen mit einem starken inneren Konflikt verbunden, denn die studierte Primarlehrerin, ist ausgerechnet auch noch angehende Ernährungsberaterin. Die Fachhochschule hat sie erfolgreich abgeschlossen. Doch fehlt das allerdings dazu gehörende Praktikum»* («Приготовление пищи – это часть терапии. Для 28-летней Даниэль (далее Д.) подобное занятие связано с сильным внутренним конфликтом, ведь по образованию она учитель начальных классов, а также диетолог. Она успешно закончила специальное высшее образовательное учреждение. Но вот необходимой практики ей точно не хватает»). Эмоционально нагруженное словосочетание «*einem starken inneren Konflikt*», слово «*doch*» в роли противительного союза усиливают манипулятивный потенциал высказывания. Говорящий намеренно идентифицирует социальный статус девушки. Отмечая недостаток практических навыков с помощью глагола «*fehlen*» и словосочетания «*das dazu gehörende Praktikum*» (конструкция с причастием в форме Partizip I), он намекает на её несостоятельность как профессионального диетолога, эвфемистично вуалируя табуированные речесмыслы.

Случаи, когда пациентки, страдающие анорексией, в течение недели теряют или сохраняют свой вес, обозначаются врачами с помощью криптонима «*Rückfall*» (*возврат*). Данный термин подразумевает ухудшение состояния больного, возврат к прежнему весу. Это предполагает для пациента запрет, например, на поездку домой на выходные дни, посещение занятий и другие «штрафные санкции». Для вербализации этого же понятия журналист использует прямую номинацию, медицинский термин «*Krise*» (*кризис*).

В масс-медиально опосредованном медицинском дискурсе табуированные речесмыслы, детерминированные личностно-тезаурусными табу, сравнительно часто подвергаются детабуированию. Это подтверждают примеры, взятые из популярной немецкой передачи «*Zwei bei Kallwass*» [84], где профессиональный психотерапевт госпожа Кальвасс оказывает помощь людям в сложных жизненных ситуациях. В одном из выпусков телепередачи к врачу

обращается семейная пара. Мужчина жалуется на свою жену, используя сложное существительное «*Esssucht*» (*зависимость от еды*), которое он постоянно варьирует с лексемой «*Fresssucht*». Вторая номинация не является медицинским термином, прямо именующим психологическое расстройство человека, а применяется как пейоратив, образованный от вульгарного глагола «*fressen*» (*жрать – употребляется в немецком языке по отношению к животным*). Табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусными табу, эксплицируются в дискурсивной практике детабуирования с помощью способа дисфемизации.

Также мужчина затрагивает проблемы интимного характера, характеризуя секс с женой с помощью негативного эмоционально-окрашенного эпитета «*отвратительный*», «*противный*»: «*Sexuell war es... abstoßend!*». Уничижительное причастие употребляется как средство дисфемизации.

В диалоге с женщиной врач замечает: «*Ein bisschen zu dick sind Sie*» («*Вы немного полноваты*»). Психотерапевт вежливо смягчает категоричность своего суждения посредством вынесенного в начало предложения наречия «*немного*», создающего неполноту признака. Но за ним следуют противопоставленная по смыслу усилительная частица «*zu*», оценочное прилагательное «*dick*», глагол в форме изъявительного наклонения, которые прямо выражают табуированный речесмысл.

Вынося диагноз, психотерапевт обращается к пациентке: «*Ich rede jetzt mal klaren Text mit Ihnen... ich hab' den Eindruck... Sie haben... eine Neigung zum süchtigen Verhalten... man kann auch sagen... eine Suchtstruktur, das Eine ist das Essen und das Andere durfte da auch kaufen betreffen, kann es sein?*» («*Я сейчас буду говорить прямым текстом... У меня складывается такое впечатление, что... у Вас... предрасположенность к одержимому поведению... можно сказать... мания, зависимость, с одной стороны, от еды, а, с другой стороны, скорее, это также касается покупок. Это так?*»). Фраза «*Ich rede jetzt mal klaren Text mit Ihnen*» выполняет функцию дискурсивного маркера, который, с одной стороны, указывает на наличие коммуникативных ограничений, о чём также свидетельствуют большое количество пауз, замедленный темп речи, а с другой стороны – на намерение говорящего прямо эксплицировать

табуированные речесмыслы. Однако коммуникант применяет способы табуирования. Так, устойчивое выражение «*einen Eindruck haben*» с усечённой формой глагола и местоимение 1-го лица единственного числа, модальный глагол «*dürfen*» в субъективном значении, неопределённо-личное местоимение «*man*» и составное сказуемое с модальным глаголом «*können*» употребляются для выражения предположения, снижая категоричность суждения. Вместо формулировки «*Sie haben süchtiges Verhalten*» с прямым дополнением в винительном падеже коммуникант вводит существительное с неопределённым артиклем «*eine Neigung*», которое предшествует прилагательному с основой «*Sucht-*». Затем адресант использует однокоренное существительное в составе сложного слова «*Suchtstruktur*». Вместо прямых номинаций «*Esssucht*», «*Kaufsucht*» врач употребляет существительное «*Essen*» и глагол «*kaufen*», сужая значение, применяя способ эвфемизации. Кроме того, вопросом в конце высказывания реализуется приём «позволить объяснить себе». Визуальный контакт, сокращение дистанции между коммуникантами, замедленный темп и пониженный тон речи вместо восходящей интонации провоцируют адресата на откровенный ответ, который следует в продолжение диалога.

Можно отметить, что в общении с пациенткой Кальвасс часто использует распространённые описательные конструкции, придаточные определительные, вопросительные предложения, которые комбинируются с медицинскими терминами, перифразами, усечёнными формами исходных словосочетаний, позволяющими эксплицировать табуированные речесмыслы преимущественно в рамках дискурсивной практики табуирования, значительно реже прибегая к прямой номинации как способу детабуирования.

Сюжет немецкоязычной телепередачи «*Mit System zum Traumpartner*» («Систематично к партнёру Вашей мечты») рассказывает о судьбе людей, которые по определённым причинам остались одинокими и испытывают проблемы с построением новых отношений [44]. Так, в беседе с психологом молодой человек по имени Томас (далее Т.) неохотно эксплицирует табуированные речесмыслы, связанные с его внутренними переживаниями и

страхами. Функционирование табуированных речесмыслов обусловлено для говорящего, во-первых, интимным характером самой тематики, которая относится к разряду личностно-тезаурусных табу. Во-вторых, влиянием гендерного фактора: рассказать о своей проблеме он должен представительнице противоположного пола, с которым у Т. не складываются отношения. Большое количество пауз, модальные слова с семантикой предположения («vielleicht»), форма сослагательного наклонения указывают на наличие коммуникативных ограничений. Оценив подобную сдержанность, психолог пытается всячески наладить контакт с пациентом. Она использует разговорный стиль, слова молодёжного сленга («*Das ist doch der Hammer, das Bild!*» – «*Это фото просто улет!*»), образные выражения и метафоры («...*dass er seinen emotionalen Rucksack ein bisschen ablegen kann*» – «...чтобы он сбросил свой эмоциональный балласт»), провоцируя собеседника вступить с ней в коммуникацию.

Ответные реплики участника сюжета характеризуются паузами хезитации, повторами отдельных слов и частей фраз, прерыванием предложений и умолчаниями, повышением темпа речи. Дискурсивный маркер «*wie sag ich das*», риторическое восклицание «*Mensch!*» указывают на наличие коммуникативных ограничений. Но устойчивое разговорное выражение «*j-m. Kummer machen*», негативно-коннотированный глагол «*befürchten*» («*etwas Unangenehmes, was vielleicht eintreten könnte*» [Duden online: электрон. ресурс]), наречие «*allein*» в инфинитивной конструкции с глаголом «*bleiben*» раскрывают смысловое содержание высказывания. При этом соединительный союз «*und*» подразумевает продолжение фразы с помощью другой инфинитивной конструкции, соотносящейся с глаголом «*befürchten*» («*und keine Familie zu haben*»), но вместо неё коммуникант употребляет выражение «*einen Wunsch haben*» с однородными дополнениями в дательном падеже («*Familie*», «*Partnerschaft*»), заменяя отрицательную конструкцию и скрывая табуированный речесмысл. После отрицательной частицы «*nicht*» говорящий прибегает к коммуникативному замалчиванию, опуская часть предложения с определением, которому имплицитно противопоставлены эмоционально-окрашенное словосочетание

«fürs ganze Leben» и прилагательное «fest»: «Das einzige, was mir fehlt, noch Kummer macht ist, dass ich... ah... wie sag ich das (*вполголоса*)... dass ich im, Mensch! Ich befürchte, in meinem Leben allein zu bleiben und ich habe den Wunsch nach einer Familie... nach einer festen Partnerschaft... also nicht... entweder eine Beziehung dann auch... wirklich... fürs ganze Leben...» («Единственное, чего мне не хватает, что приносит переживания, это то, что я... э... как это сказать... что я, о Господи! Я боюсь остаться один в жизни, а я хочу иметь семью... крепкий гражданский брак... или отношения, но тоже... чтобы, действительно, на всю жизнь...»). Табуированные речесмыслы эксплицируются в дискурсивных практиках детабуирования и табуирования с помощью способов прямой номинации и криптолалии соответственно.

В русскоязычном проекте «03. Точка отсчёта. Неделя жизни России глазами бригады скорой помощи» журналисты сопровождают врачей скорой помощи на вызовах [29]. В репортажах табуированные речесмыслы, обусловленные культурно-узуальными табу, достаточно часто выражаются в дискурсивной практике детабуирования. Например, в интернет-статье журналист приводит фрагмент беседы с фельдшером: «— Которые наркоманы со стажем, в системе, они, как правило, более-менее адекватные, — рассказывает фельдшер Наташа. — Приезжаешь, никаких заморочек: «Извините, ребята, не рассчитали». Чисто открыто общаются, называют свои вичовые номера. А некоторые ничем не гнушаются: один в передозе, а другой тут же при тебе выворачивает его карманы. Очухался — а где деньги, где телефон? А потом начинается: «А, это «скорая» меня обокрала!». Сейчас же модно кидать камень в медицину. Не обосрал доктора — день даром прошёл. А у них ничего святого, им же на следующую дозу надо». Врач использует разговорный стиль общения, передавая специальные термины с помощью разговорных лексем («передоз», «вичовый»), просторечных глаголов и выражений («гнушаться», «очухаться», «выворачивать карманы», «никаких заморочек», «ничего святого»). Негативное стереотипное представление о пренебрежительном отношении к медикам передаётся посредством суждения «сейчас же модно» и усечённой формы фразеологизма «кидать камень в чей-либо огород», прямой речи, глагола в прямом денотативном значении «обкрадывать», безличной конструкции в форме настоящего времени «А потом начинается» и дисфемизма «обсирать». Способы

стереотипизации и дисфемизации реализуют дискурсивную практику детабуирования.

Репортёр резюмирует слова опрошенных медработников следующим образом: *«Подавляющее большинство вызовов «03» – не скоромощные. Как ни странно, это именно наша, российская специфика... В России «скорую» вызывают, чтобы дать ребёнку жаропонижающее, измерить давление, перевязать порезанный палец. В итоге врачи спят по три часа в сутки, диспетчерская разрывается от звонков, а толку в этом в общем-то мало: почти все силы уходят на рутинные недомогания. Это можно понять: система поликлинической помощи почти развалилась, поэтому все функции первичного приёма, а нередко и терапии ложатся на «скорую». Она приезжает быстро, лечит бесплатно, вколет лекарство, даст рекомендации – и даже паспорт не попросит».* Прилагательным с отрицательной частицей «не скоромощные» журналист намекает на незначительность, абсурдность большинства ситуаций, в которых люди вызывают «скорую помощь». В высказывании он прибегает к приёму гиперболизации, используя собирательное существительное с прилагательным, выражающим крайнюю меру, количество, придаточное предложение цели, которое распространено с помощью однородных сказуемых с дополнениями в винительном падеже, параллельные конструкции с количественным числительным и эмоционально-окрашенным разговорным глаголом «разрываться». Контрастно противопоставлено перечисленным языковым средствам суждение автора с количественным наречием «мало». Так, табуированные речесмыслы эксплицируются с помощью способа «сенсационализации». Одновременно с ним реализуется способ стереотипизации. Вводная конструкция «Как ни странно» выражает субъективную оценку говорящего, словосочетание «российская специфика», топоним «Россия» соотносятся с утверждением «система поликлинической помощи почти развалилась». Однако негативно-коннотированному разговорному глаголу предшествует ограничительная местоимённая лексема «почти», которая придаёт неполноту действию, реализуя эвфемистический потенциал.

Таким образом, медицинский дискурс граничит с необходимостью постоянно преодолевать коммуникативный дискомфорт, обусловленный

функционированием множества культурно-узуальных и личностно-тезаурусных табу. Врачи при этом используют особые модели поведения, составляющие специфику общения с пациентом. Пользуясь обширной медицинской терминологией, они камуфлируют табуированный денотат, применяя способы криптолалии и эвфемизации. Расшифровка табуированных речесмыслов происходит через иносказания, перифразы, метафоры и т.д. В диалогическом общении с пациентами врачи часто прибегают к коммуникативной обработке посредством приёма «позволить объяснить себе», что соответствует представлению о суггестивности медицинского дискурса. Врач провоцирует пациента, который, преодолевая личностно-тезаурусные табу, старается сохранить табуированный денотат. Дискурсивная практика табуирования значительно преобладает. Но иногда табуированный денотат нарушается посредством сенсационализации, стереотипизации, дисфемизации. Прямым номинациям, как правило, предшествуют такие коммуникативные маркеры, как *«я вынужден сообщить»*, *«говоря прямым текстом»*, *«если говорить на простом языке»* и т.д.

3.8. Масс-медиаальный деловой дискурс

Деловые отношения между людьми и институтами предполагают реализацию целенаправленной статусно-ролевой речевой деятельности, коммуникацию как между организациями, так и между отдельными индивидами. Она базируется на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе [Ширяева 2008: 7].

Деловой дискурс нацелен на то, чтобы наладить и поддержать контакт, сообщить актуальную информацию партнёру, добиться конкретного результата в определённом деле. Соответственно, отношения его участников будут строиться по строгим правилам делового партнёрства [Алексеева 2001: 187]. С помощью формул вежливости участники дискурса сигнализируют друг другу о хорошем отношении, об уважении и положительных намерениях

относительно общего дела. В целом деловой дискурс характеризуется стабильностью, традиционностью, стандартизованностью, строгой точностью, объективностью, конкретностью, лаконичностью, отсутствием образности и эмоциональности. Такие особенности предполагают наличие шаблонных фраз, клише, приёмов стереотипной демонстрации, отвечающих за сохранение названных характеристик и служащих ритуализации делового общения. Табуированные речесмыслы, возникающие спонтанно, не должны препятствовать осуществлению коммуникативной цели делового общения, нарушать интеракционные схемы, которым участники следуют в разных профессиональных областях. С другой стороны, коммуникативные механизмы и набор языковых средств в масс-медиаальном деловом дискурсе, который одновременно является и лингвистическим, и социальным явлением, продуктом массовой культуры, безусловно, зависят от ситуации общения и требований современного мира бизнеса, поэтому изменения бизнес-сообщества в рамках процессов глобализации неизменно сказываются на особенностях обмена информацией между его представителями [Шлёпкина 2011].

Экспликация табуированных речесмыслов в данном типе дискурса происходит преимущественно с помощью способов эвфемизации, ритуализации, коммуникативного приёма «позволить объяснить себе», прямой номинации.

В качестве примера делового дискурса обратимся к сюжету популярного в Германии ток-шоу «Hart aber fair» с ведущим Франком Пласбергом (Frank Plasberg). Анализируемый фрагмент посвящён деловому визиту предпринимателя Вольфганга Группа (далее Г.) в один из филиалов его фирмы. Бизнесмен посещает с целью проверки торговый зал. Приведём часть диалога Г. с двумя сотрудницами [79].

<i>Herr Grupp: Wo sind die... Bestellungen, Zettel?</i>	<i>Групп: Где все... заказы, счета?</i>
<i>Mitarbeiterin1: (sucht nach Bestellungen)</i>	<i>Сотрудница 1: (ищет заказные листы)</i>
<i>Herr Grupp: Sie müssen eins wissen: das, was hier zwei Damen konstant nicht sehen, sehe ich,</i>	<i>Групп: Вы должны усвоить одно: то, что постоянно не видят две дамы, я вижу сразу с</i>

wenn ich reinkomme. Mitarbeiterin1: Bitte (sehr still)(reicht die Zettel) Herr Grupp: Aber dann müssen Sie das... das... dran tun... sie sind außerdem nicht geordnet, das ist hier von... (sortiert die Zettel). Hier müssen Sie es immer richtig ordnen und hier ein bisschen hochstellen. Können Sie das? Mitarbeiterin 2: (beginnt die Zettel zu sortieren) Herr Grupp: Und dann würde ich hier eine Tasse umdrehen, dass man sieht, dass sie im Prinzip... ah... zu verkaufen sind... (dreht die Souvenir-Tassen um)	порога. Сотрудница 1:Пожалуйста (очень тихо)(подаёт листы со стенда) Групп: Но тогда Вы должны всё... это... разложить стопкой... они ещё и не рассортированы, вот это для ...(сортирует листы). Здесь Вы должны всегда правильно рассортировать и поставить на подставку. Вы можете это сделать? Сотрудница 2: (начинает сортировать бумаги) Групп: А здесь я бы развернул эту кружку, чтобы было видно, что вообще-то это... э... продаётся... (разворачивает сувенирные кружки)
--	---

В целом Г. достаточно сдержанно общается с подчинёнными, однако его интонация, жесты и телодвижения выражают некоторую раздражённость. Недовольство работой сотрудниц, намерение сделать замечание, указать на недостатки провоцируют наличие коммуникативных ограничений, которые маркированы в речи говорящего паузами хезитации. Мужчина часто употребляет модальный глагол «*müssen*» с семантикой долженствования. Коммуникант указывает на то, как должна выполняться работа, вероятно, подразумевая, что в данный момент она не выполняется должным образом, но не вербализуя это прямо. Начальник называет сотрудниц «*zwei Damen*» и говорит о них в третьем лице, используя глагол «*sehen*» с отрицательной частицей «*nicht*» и эмоционально-оценочное наречие «*konstant*», завуалированно намекая на их невнимательность. Наречием «*außerdem*» и глаголом в форме прошедшего времени с отрицательной частицей «*sie sind außerdem nicht geordnet*» начальник выражает замечание, которое сменяется конструкцией с однокоренным глаголом «*ordnen*» и модальным глаголом «*müssen*». В вопросительном предложении происходит смена модального глагола: «*Können Sie das?*».

Говорящий смягчает категоричность высказываний, используя в следующей реплике сослагательное наклонение: *«dann würde ich hier eine Tasse umdrehen»*. Но поясняя, почему необходимо сделать так, мужчина применяет уже изъявительное наклонение, придаточное предложение цели с неопределённо-личной конструкцией *«dass man sieht, dass...»*. Табуированные речесмыслы актуализируются здесь в рамках дискурсивной практики табуирования.

Комментируя кадры, предприниматель замечает, что этот сюжет съёмочной группе удалось запечатлеть, *«потому что в этом магазине, возможно, немного чего-то не хватало»* (*«weil in diesem Geschäft... vielleicht... ein bisschen... einiges gefehlt hat...»*) [79]. При этом последняя часть фразы произносится в ускоренном темпе. Паузы в высказывании, модальное слово с семантикой вероятности, неопределённое местоимение и наречие *«ein bisschen»*, придающее неполноту действия глаголу *«fehlen»*, реализуют способ эвфемизации, передавая табуированные речесмыслы, обусловленные личностно-тезаурусным табу.

Иллюстративными примерами делового консьюмеристского дискурса служат фрагменты телепередачи *«Mieten, kaufen, wohnen»* (*«Снимать в аренду, покупать, проживать»*) [63], где агенты по недвижимости встречаются со своими клиентами и демонстрируют им подобранные варианты жилья. В одном из выпусков программы риэлтор показывает несколько квартир молодой паре, одним из предварительных условий которой было наличие большой ванной комнаты. Осмотрев предлагаемые варианты, клиенты выражают недовольство с помощью невербальных сигналов (мимика, визуальный контакт, жесты, позы). Заметив их, маклер предлагает *«высказать своё мнение прямо»* (*«sich direkt äußern»*), на что девушка отвечает, что в квартире *«маленькая ванная»* (*«ein kleines Bad»*), применяя словосочетание с прилагательным в положительной степени. При этом клиентка не выражает вербально, что квартира ей не нравится, что маклер не справился с поставленной задачей. Следует реакция агента: *«Aber Sie brauchen nicht ein sehr langes Bad, ich meine das soll ja nicht riesig sein. Ich schätze ja 5 Minuten bei Ihnen, zwar für ihre hübschen Augen... blauen Augen...»* (*«Но Вам же не нужна очень длинная ванна, мне кажется, она не должна быть гигантской. По-моему 5 минут достаточно вашим*

милым глазкам... голубым глазкам...»). Противительный союз «*aber*», личное местоимение «*Sie*», глагол «*brauchen*» в изъявительном наклонении с отрицательной частицей «*nicht*» позволяют выразить несогласие. Однако мужчина смягчает его категоричность с помощью разговорных частиц «*ja*», модальных конструкций с семантикой предположения «*ich meine*», «*ich schätze*». Говорящий произносит первую часть высказывания в ускоренном темпе, интонационно выделяя и долго произнося прилагательные «*sehr lang*», «*riesig*», а затем делает акцент на последней комплиментарной части, пытаясь флиртовать с девушкой, чтобы расположить её к себе и, вероятно, убедить принять решение в пользу показанной квартиры. Невербальные сигналы (визуальный контакт, улыбка, мимика) сопровождают способ эвфемизации.

Девушка не даёт договорить маклеру фразу до конца: «*Herr G..., Sie sind charmant und alles ist schön und gut, aber ... aber ich brauch' in WC meinen Platz im Bad und... Sie reden schon lange drum herum! Was kostet denn die Wohnung?*» («Господин Г (...), Вы, конечно, обаятельны, и всё хорошо и замечательно, но (на этой фразе поворачивает голову в сторону ванной, отводя взгляд от маклера)... но мне нужно моё пространство в ванной, а... Вы ходите вокруг да около! Сколько стоит эта квартира?»). Прерывая собеседника, девушка невербально сигнализирует о нежелании выслушивать партнёра по коммуникации, нарушая принцип вежливости и демонстрируя свою раздражённость. На желание мужчины быть обаятельным она отвечает комплиментом, перечисляя положительные эмоционально-оценочные лексические единицы «*charmant*», «*schön*», «*gut*». После противительного союза «*aber*» следует непродолжительная пауза. Девушка повторяет использованный маклером глагол «*brauchen*», выделяя его интонационно и редуцируя личное окончание. Устойчивым разговорным оборотом «*dum herumreden*» она эвфемистично обвиняет агента в том, что он пытается навязать дорогое жильё, скрыть высокую стоимость квартиры. Прямое вопросительное обращение с глаголом «*kosten*» выражает пресуппозиции говорящей. Табуированные речесмыслы актуализируются в примере с помощью невербального способа детабуирования и эвфемизации.

В следующей части выпуска девушка-маклер показывает подобранные варианты жилья студентке, которая хочет приобрести квартиру в собственность. Риэлтор обращается к клиентке: *«Ich habe auch Pädagogik gemacht. Ja, aber das interessiert Sie jetzt weiter nicht, denke ich mal, meine Lebensgeschichte (lustig), wir sind ja heute wegen ihrer Wohnungssuche hier (seriös)»* («Я тоже изучала педагогику. Вот так, но Вам вряд ли будет интересна моя история. Мы ведь сегодня собрались ради поиска Вашей квартиры...») [63]. Сменой тональности женщина разграничивает сферы личного и делового общения, которые намеренно были смешаны ею в начале беседы. С помощью контактоустанавливающего высказывания агент создаёт переход к интересующему её вопросу о платёжеспособности клиентки, который, с одной стороны, является неотъемлемой частью делового соглашения, но, с другой стороны, затрагивает табуированную сферу:

<i>Maklerin: Ja, ich hoffe, Sie nehmen mich nicht übel, aber das ist natürlich mein Job als Maklerin, also ein bisschen... dem Eigentümer gegenüber zu recht... zu rechtfertigen, wie sich der Kunde finanziell... äh... ja, wie machen Sie es denn, wo nehmen Sie das Geld?</i> <i>Kundin: Ja, also natürlich finanzieren mich meine Eltern, aber ich gehe auch nebenbei arbeiten. Das macht mir recht viel Spaß! Ich geb' ja Nachhilfe in Deutsch und Mathe...</i>	<i>Маклер: Я надеюсь, что Вы не подумаете обо мне плохо, но это моя обязанность как агента по недвижимости, немного... в интересах собственника квартиры... оправдаться, насколько клиент финансово... э... да, как Вы сможете, где Вы возьмёте необходимую сумму?</i> <i>Клиентка: Понятно, конечно, меня финансируют мои родители, но я тоже подрабатываю. Это доставляет мне удовольствие! Я занимаюсь репетиторством, даю уроки немецкого и математики...</i>
--	---

Ментальный глагол *«hoffen»*, устойчивое разговорное выражение с негативно-коннотированной лексемой *«übel»* составляют этикетную формулу извинения, маркируя наличие коммуникативного ограничения. Коммуникант пытается снять с себя ответственность за нарушение табу, ссылаясь на должностные обязанности *«mein Job»* и идентифицируя свой социальный статус с помощью обособления *«als Maklerin»*. Паузы хезитации, наречие *«ein bisschen»*,

прилагательное «*finanziell*», опущение части предложения, замена прямого обращения (личного местоимения «*Sie*») существительным «*der Kunde*», придающим высказыванию определённую степень абстрактности, репрезентируют табуированные речесмыслы в рамках дискурсивной практики табуирования с помощью способа эвфемизации. Затем маклер снова употребляет личное местоимение, выстраивая вопросительное обращение посредством глагола с широкой семантикой «*machen*» и артикля среднего рода в функции указательного местоимения: «*wie machen Sie es denn?*», применяя приём «позволить объяснить себе» и скрывая табуированный денотат. В заключительном предложении происходит смена дискурсивных практик. Вопросительное слово «*wo*», глагол «*nehmen*» и лексема «*das Geld*» эксплицитно выражают смысловое содержание высказывания, реализуя способ прямой номинации.

В ответе девушка завуалированно пытается убедить маклера в своей платёжеспособности. Клиентка использует обратный порядок слов. При этом утвердительная частица «*ja*», модальное слово «*natürlich*» выносятся в начало предложения и выделяются интонационно. Вместо лексемы «*Geld*» говорящая употребляет специальный термин «*finanzieren*». После подлежащего «*meine Eltern*» коммуникант подчёркивает противительным союзом «*aber*» и предлогом «*auch*», что она «*тоже работает*», но избегает глагола «*verdienen*» (*зарабатывать*). Перед пояснительным предложением девушка употребляет риторическое восклицание. Эмоциональная информация, невербальные сигналы (при перечислении источников дохода загибает пальцы на руке, растягивает слова, утвердительно кивает головой) и языковые средства эвфемизации выражают табуированные речесмыслы и реализуют манипулятивный потенциал высказывания.

Таким образом, экспликация табуированных речесмыслов в масс-медиальном деловом дискурсе подчинена правилам вежливости, этике делового общения. Участники взаимодействия, как правило, стремятся создать коммуникативный комфорт и выстроить доверительные партнёрские

отношения, поэтому проявление грубости здесь допустимо лишь в исключительных случаях. Дискурсивная практика табуирования реализуется с существенным преимуществом с помощью способов эвфемизации, ритуализации, коммуникативного приёма «позволить объяснить себе». Употребление способов детабуирования (прямая номинация, «сенсационализация») компенсируется применением этикетных формул вежливости, идентификацией статуса говорящего как представителя той или иной организации, социального института, что позволяет ему снять с себя личную ответственность.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнём, что нами были рассмотрены интегрированные в масс-медиальном интердискурсе разные типы институционального общения. Данные типы дискурса анализировались нами с целью выявления в них специфики коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, которая систематизированно изложена в выводах по третьей главе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В работе в качестве продуктивного – с точки зрения исследуемой проблематики – был избран масс-медиаальный интердискурс, интегрирующий разные типы институционального дискурса.

Мониторинг масс-медиаального интердискурса позволил нам выделить ряд наиболее частотно представленных в нём институциональных типов, таких как: политический, военно-политический, рекламный, религиозный, спортивный, научный, медицинский и деловой.

В результате проведённого анализа была выявлена следующая специфика реализации способов коммуникативной обработки табуированных речесмыслов в рамках дискурсивных практик табуирования и детабуирования.

В политическом дискурсе незначительно чаще встречается дискурсивная практика табуирования, в рамках которой преобладают такие способы коммуникативной обработки, как эвфемизация и криптолалия. Дискурсивную практику детабуирования реализуют: способ «сенсационализации» как наиболее предпочтительный, а также номинации, принадлежащие к бинарной оппозиции «свой/чужой», прямая номинация, стереотипизация и дисфемизация. Следует отметить, что в данном типе дискурса актуализируются как вербальные, так и невербальные способы коммуникативной обработки. Числовая корреляция практик табуирования и детабуирования проявляется как 53,7 % к 46,3 % соответственно.

В масс-медиаальном политическом и военно-политическом дискурсах табуированные речесмыслы, детерминированные табу на интракультурном уровне, эксплицируются чаще в дискурсивной практике табуирования, в то время как речесмыслы, чьё функционирование связано с межкультурно-обусловленными табу, выражаются в дискурсивной практике детабуирования. Такая ситуация не является закономерностью в институциональном общении, а объясняется влиянием ряда прагматических факторов. Здесь наблюдается постоянная смена дискурсивных практик. Достаточно часто способы

детабуирования сочетаются со способами табуирования в рамках одного высказывания с целью реализации манипулятивного воздействия на адресата.

В военно-политическом дискурсе тенденция коммуникативной обработки приближена к соотношению 58,3 % к 41,7 % по вектору табуирования. Конфликт и борьба как минимум двух сторон объясняют широкое употребление здесь номинаций, принадлежащих к бинарной оппозиции «свой/чужой», дисфемизмов, средств стереотипизации и «сенсационализации». Практику табуирования, как правило, реализуют криптолалия, дезинформация и эвфемизация.

Помимо национально-культурного фактора, способы коммуникативной обработки в масс-медиаальном военно-политическом дискурсе детерминированы социальным статусом его участников, их ролью в каком-либо событии, которому посвящён данный дискурс. От факторов времени и пространства, от того, как давно произошло какое-то событие, затрагивает ли оно сферу личностно-тезаурусных табу, зависит выбор лингвокоммуникативных средств репрезентации табуированных речесмыслов.

В масс-медиаальном рекламном дискурсе актуальность использования способов детабуирования составляет 61,5 %, а способов табуирования – 38,5 %. Способы эвфемизации и дезинформации уступают популярным формам рекламного воздействия, строящимся на обращении к неприличному и запретному. Преобладающими в рамках дискурсивной практики детабуирования являются невербальные способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов, стереотипизация, «сенсационализация» и псевдодисфемизация. В рекламном дискурсе чётко прослеживается зависимость способов коммуникативной обработки от возрастного и культурно-национального факторов. Возраст потенциального реципиента определяет не только выбор тематики рекламного сообщения, но и выбор вербальных и невербальных средств выражения речесмыслов. Исследование показало, что многие табуированные тематики, используемые в рекламном дискурсе, имеют сходства в русской и немецкой лингвокультурах, например:

демонстрация обнаженного тела, сексуальные отношения, посягательство на религиозные воззрения человека, насилие, интимная гигиена и т.д. Наблюдаются также отличия. Крайне табуированная в немецкой лингвокультуре тематика смерти и тяжёлых заболеваний затрагивается достаточно часто в немецкоязычном рекламном дискурсе, тогда как в русской рекламе она представлена значительно реже. В русскоязычном рекламном дискурсе часто эксплицируются негативные этностереотипы, умаляющие культурную самодостаточность представителей определённой нации, что не было обнаружено в немецкоязычном материале.

Масс-медиаальный религиозный дискурс предполагает ритуализованную экспликацию табуированных речесмыслов с помощью стереотипных представлений и установок, реализующих манипулятивный потенциал высказываний. Чередование прямых номинаций, номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой», способ «сенсационализации» (47,2 %) компенсируются обращением к криптофорным формам и эвфемизмам (52,8 %).

В опосредованном масс-медиа спортивном дискурсе соотношение дискурсивных практик табуирования и детабуирования выражено очевидным преобладанием первой: 89,4 % к 10,6 % соответственно. Как правило, здесь табуируется всё, что касается прогнозов на предстоящие игры, соревнования и т.д. Наиболее актуальны способы эвфемизации и криптолалии. Они детерминированы фактором пресуппозиционных установок и часто сопровождаются невербальными сигналами и ритуальными действиями. Дискурсивная практика детабуирования реализуется посредством «сенсационализации», стереотипизации, прямой номинации, номинаций из бинарной оппозиции «свой/чужой».

Нивелирование эмоциональной составляющей относится к одной из основных особенностей научного дискурса в целом и коммуникативной обработке в нём табуированных речесмыслов в частности. Коммуникант постоянно снимает с себя личную ответственность за то или иное утверждение, дистанцируясь с помощью личного местоимения 1-го лица множественного

числа. Использование узкоспециальных терминов, аббревиатур и заимствований, клише, перифраз и тропов с целью криптолалии, эвфемизации и ритуализации детерминировано социальным статусом коммуникантов, фактором вежливости. Однако, попав в масс-медиа-пространство, научный текст превращается в научно-популярный, доступный для широкого круга лиц. Объективная научная информация подаётся в опосредованном виде с помощью различных коммуникативно-языковых средств, которые делают её зависимой от контекста. Способы «сенсационализации» и прямой номинации реализуют здесь дискурсивную практику детабуирования. Соотношение дискурсивных практик табуирования и детабуирования выражается как 87,2 % к 12,8 % соответственно.

Медицинский дискурс граничит с необходимостью постоянно преодолевать коммуникативный дискомфорт, обусловленный функционированием множества культурно-узуальных и личностно-тезаурусных табу. Врачи применяют специфичные модели поведения, пользуются обширной терминологией, с которой не всегда знаком пациент, камуфлируя табуированный денотат. Средства эвфемизации и коммуникативный приём «позволить объяснить себе» провоцируют пациента, который старается, как правило, сохранить табуированный денотат с помощью способов табуирования. В масс-медиально опосредованном медицинском дискурсе также применимы способы прямой номинации, «сенсационализации», стереотипизации и дисфемизации, которые не только доносят до массового получателя когнитивную информацию, но и формируют у него определённые представления о медицине, врачах и пациентах, вызывают те или иные эмоции. Подсчитав частоту актуализации табуированных речесмыслов в обеих практиках, мы обнаружили следующее процентное соотношение табуирования и детабуирования: 74,3 % к 25,7 % соответственно.

Экспликация табуированных речесмыслов в масс-медиальном деловом дискурсе подчинена правилам вежливости, этике делового общения. Участники взаимодействия, как правило, стремятся создать коммуникативный комфорт и

выстроить доверительные партнёрские отношения. Этому служат способы коммуникативной обработки в рамках дискурсивной практики табуирования, преобладающей в деловом дискурсе (81,6 %): эвфемизация, ритуализация, коммуникативный приём «позволить объяснить себе». Дискурсивная практика детабуирования реализуется с помощью невербальных способов детабуирования, «сенсационализации», прямой номинации значительно реже (18,4 %).

Таким образом, соотношение дискурсивных практик табуирования и детабуирования варьируется в разных типах институционального масс-медиаально опосредованного дискурса; в рамках данных практик преобладают различные способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов. Выявленные тенденции коммуникативной обработки систематизированно представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1.

Масс-медиаальный интердискурс		Табуирование	Детабуирование	Способы коммуникативной обработки
	политический дискурс	53,7 %	46,3 %	эвфемизация, криптолалия, «сенсационализация», «свой/чужой», прямая номинация, стереотипизация, невербальные способы т. / дет., дисфемизация
	военно-политический дискурс	58,3 %	41,7 %	«сенсационализация», криптолалия, дезинформация и эвфемизация, «свой/чужой», прямая номинация, стереотипизация, дисфемизация
	рекламный дискурс	38,5 %	61,5 %	«сенсационализация», невербальные способы т. / дет., псевдодисфемизация, стереотипизация, эвфемизация, дезинформация
	религиозный дискурс	52,8 %	47,2 %	криптолалия, эвфемизация, ритуализация, «сенсационализация», «свой/чужой», прямая номинация
	спортивный дискурс	89,4 %	10,6 %	эвфемизация, криптолалия, невербальные способы т. / дет., «свой / чужой», стереотипизация, «сенсационализация»
	научный дискурс	87,2 %	12,8 %	ритуализация, эвфемизация, криптолалия, прямая номинация, «сенсационализация»
	медицинский дискурс	74,3 %	25,7 %	эвфемизация, криптолалия, «позволить объяснить себе», «сенсационализация», стереотипизация, прямая номинация
	деловой дискурс	81,6 %	18,4 %	эвфемизация, ритуализация, «позволить объяснить себе», «сенсационализация», прямая номинация

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос об эффективности межличностного взаимодействия тесно связан с проблемой выражения смыслов, которая обсуждается различными науками ввиду многоаспектности самого явления. Данный процесс требует постоянных усилий со стороны говорящего и со стороны интерпретатора, поиска необходимых коммуникативно-языковых средств для передачи содержания, которое, в свою очередь, взаимодействует с контекстом и речевой ситуацией, элементами опыта и знаний говорящего и слушающего, со всем, что входит в понятие дискурса. Нередко при передаче этого содержания не прямые формы высказывания предпочитаются намеренно. Одной из причин такой осложнённой актуализации речесмыслов является функционирование разного рода табу.

В диссертации были рассмотрены имеющиеся подходы к пониманию и определению данного феномена. Мы пришли к выводу, что необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков обусловлена прагматической мотивированностью коммуниканта, зависит от общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей, предписаний и возникает на приватном (личностном), интракультурном и интеркультурном уровнях. В зависимости от уровня табуирования были выделены три вида табу: личностно-тезаурусные, культурно-узуальные и межкультурно-обусловленные.

Понятие табуированного речесмысла, передающего разноуровневые табу в процессе институционального взаимодействия, стало ключевым термином работы.

Экспликация табуированных речесмыслов рассматривается в диссертации в контексте современного масс-медиального дискурса, что обусловлено его постоянно возрастающей ролью в жизни современного общества, способностью интегрировать разные типы институционального дискурса, а

также спецификой, заключающейся в двух одновременно прослеживающихся тенденциях: отказе от открытой оценочности, с одной стороны, и явном сдвиге в пользу экспрессии и использования ярких оценочных средств, с другой стороны. Такое противоречие позволило нам в результате исследования выявить как минимум две дискурсивные практики, в которых актуализируются табуированные речесмыслы: табуирования и детабуирования.

Под табуированием в работе подразумевается экспликация табуированных речесмыслов при сохранении табуированного денотата. Под детабуированием рассматривается их реализация при нарушении табуированного денотата. Обе дискурсивные практики характеризуются применением участниками институционального общения комплекса коммуникативно-языковых действий, направленных на предотвращение сбоя (провала) в межличностном общении или корректировку нежелательного дискурсивного эффекта. Иными словами, все табуированные речесмыслы в процессе экспликации подвергаются коммуникативной обработке.

Рассмотрев наиболее частотные в масс-медиаальном интердискурсе типы институционального дискурса в фокусе экспликации в них табуированных речесмыслов, удалось выделить 12 способов коммуникативной обработки, целью которых является сохранение или нарушение табуированного денотата.

Было установлено, что соотношение реализаций дискурсивных практик варьируется в разных типах масс-медиаально опосредованного институционального дискурса: в политическом, военно-политическом и религиозном дискурсах табуирование преобладает незначительно, и интенсивность детабуирования очень высока; в спортивном, научном, медицинском и деловом дискурсах наиболее частотны способы табуирования, в то время как в рекламном дискурсе предпочтительны способы детабуирования.

Проведённое исследование позволило сделать выводы о том, что табуированные речесмыслы, детерминированные разными видами табу, эксплицируются в дискурсивных практиках дифференцирующими

разноуровневыми языковыми средствами, которые систематизированно представлены ниже в таблице 2.

Таблица 2.

1.	Уровень дискурсивного табуирования	Приватный
	Вид табу	Личностно-тезаурусные
	Актуализация в дискурсивных практиках	<i>Преимущественно в рамках табуирования, крайне редко в дискурсивной практике детабуирования с помощью разноуровневых языковых средств:</i> - <i>фонетических</i> (коммуникативное молчание, паузы хезитации, изменение темпа, понижение тона речи); <i>реже:</i> интонационное выделение определённых сегментов высказываний, восклицательная интонация; - <i>лексико-стилистических</i> (антонимическая оценочная лексика, сравнения, метафоры, метонимия, лексические повторы, гиперонимы вместо гипонимов, риторические вопросы и восклицания, экспрессивные прилагательные и другие лексические единицы, которые обозначают эмоциональные состояния, специальные термины, слова с диффузной семантикой, модальные слова с семантикой возможности, вероятности, сомнения, предположения, вводные предложения и части предложения с умолчаниями и эллипсисами); <i>реже:</i> просторечия, вульгаризмы, жаргонизмы, пейоративные номинации, зачастую усиленные частицами и наречиями, сложные существительные с негативно-коннотированными лексемами; - <i>морфологических</i> (формы сослагательного наклонения Konjunktiv I, II, безличные

		конструкции, образование путём сложения основ существительных, образование суффиксальным способом абстрактных существительных, выражающих эмоциональное восприятие, оценку, определённый артикль среднего рода в функции указательного местоимения «das» в сочетании с глаголом широкой семантики «machen»; <i>реже</i>: аббревиация, формы изъявительного наклонения; - <i>синтаксических</i> (усечённые формы предложений с опущением главных членов, сложноподчинённые предложения с пояснительными вставными конструкциями, осложнённые разными видами придаточных (преимущественно определительными и изъяснительными))
	Дискурсивные маркеры	Фразы (и невербальные сигналы), указывающие на нежелание говорящего затрагивать определённую тему, отвечать на вопрос и т.д.
2.	Уровень табуирования	Интракультурный
	Вид табу	Культурно-узуальные
	Актуализация в дискурсивных практиках	<i>Относительно равнозначно реализуются в обеих дискурсивных практиках с помощью следующих средств:</i> - <i>фонетических</i> (интонационное выделение, долгое произношение определённых слов, фонетические аллюзии, непродолжительная паузация); - <i>лексико-стилистических</i> (общезыковые конструкции-клише, обобщающие, выражающие оценку сказанного,

		указывающие на широкую известность и доступность информации, к которой обращается говорящий, юридические термины, слова высокого, книжного стиля, лексические единицы в прямом денотативном значении, негативно-коннотированные слова, сравнения и метафоры с пейоративным компонентом, фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения, ирония, языковая игра); - <i>морфологических</i> (притяжательные местоимения в форме множественного числа, неопределённые местоимения, конструкции с неопределённо-личным местоимением «тап», наречия с семантикой регулярности и частотности, модальные глаголы с семантикой разрешения, запрета и долженствования, образование составных существительных путём сложения основ); - <i>синтаксических</i> (простые и сложносочинённые предложения, распространённые с помощью однородных членов (часто парцелированные))
	Дискурсивные маркеры	Фразы, указывающие на наличие коммуникативного ограничения и намерение говорящего смягчить, перефразировать высказывание, заменить определённую лексику или, напротив, выразиться прямо
3.	Уровень дискурсивного табуирования	Интеркультурный
	Вид табу	Межкультурно-обусловленные
	Актуализация в дискурсивных практиках	Реализуются в обеих дискурсивных практиках при их постоянной смене с помощью: - <i>фонетических средств</i> (интонационное

		выделение определённых сегментов высказывания и намеренное безакцентное произношение фраз, содержащих экспрессивную оценку, эмоциональную информацию, паузы хезитации); - <i>лексико-стилистических</i> (средства выражения контрастивной оценочности; топонимы, существительные и прилагательные-этнонимы, местоимения и другие части речи с обобщающей семантикой, использующиеся в целях гиперболизации, имена собственные в качестве нарицательных, транскрибированные или калькированные с языка заимствования слова-реалии, языковая игра, наречия, усиливающие категоричность, выражающие степень, частотность, интенсивность, оценочные прилагательные, варьирование формальных и неформальных лексических единиц, чередование и противопоставление положительно- и негативно-коннотированных слов, чередование модальных слов с семантикой возможности, предположения и с семантикой уверенности, ирония, сарказм, сравнения, метафоры с семантикой обмана, враждебности, опасности); - <i>морфологических</i> (личные, притяжательные и указательные местоимения в форме множественного числа, сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий в повторяющихся конструкциях; противительные союзы в контрастивных конструкциях; предлоги и наречия с
--	--	---

		указанием на пространственно-временную соотнесённость; чередование форм наклонения глаголов (Konjunktiv, Indikativ), прямая речь); - <i>синтаксических средств</i> (изменение тематического соотношения в предложении, сложносочинённые предложения, осложнённые перечислением однородных дополнений, обстоятельств, сказуемых, сложноподчинённые предложения с большим количеством придаточных определительных, изъяснительных, условия).
	Дискурсивные маркеры	Частотные этикетные формулы извинения, метакоммуникативные вклады

Кроме того, в результате анализа практического материала было обнаружено, что:

1) способы эвфемизации и «сенсационализации» встречаются во всех проанализированных фрагментах при относительном преобладании других способов коммуникативной обработки в разных институциональных типах масс-медиаального интердискурса;

2) неизменная в масс-медиаальном дискурсе установка на манипулирование массовым сознанием осуществляется не столько посредством нарушения табу, сколько посредством намеренного «переключения» разнонаправленных дискурсивных практик;

3) культурно-узуальные табу в русской и немецкой культурах часто перекликаются, однако отношение к ним, интенсивность табуирования и другие показатели варьируются от культуры к культуре.

Проведённое исследование показало, что способы коммуникативной обработки табуированных речесмыслов контекстуально обусловлены, социально детерминированы, зависят от ряда прагматических факторов,

уровней табуирования и типа дискурса. Таким образом, подтвердились гипотеза и теоретические предположения, выдвинутые в первой главе работы.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении других типов институционального общения, интегрированных в масс-медиаальном пространстве, с целью выявления в них особенностей актуализации табуированных речесмыслов, установления корреляций с различными прагматическими факторами, рассмотренными в рамках диссертации. Особый интерес представляет, на наш взгляд, отдельная разработка данной проблематики в контексте прямого межкультурного взаимодействия между носителями разных культур, способная повысить его эффективность на практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов н / Д.: Феникс, 2004. – 288 с.
2. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Союз, 2001. – 288 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс. Межвуз. науч. альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – Вып. 3. – С. 5–13.
4. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. – Алматы, 2010. – 300 с.
5. Алтунян А.Г. Манипуляция общественным мнением с помощью СМИ // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире: сб. мат-лов научно-практич. конф. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. — Ч. 1. – С. 48–49.
6. Амири Л.П. Языковая игра в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная моногр. / под ред. Т.Н. Колокольцевой. – Волгоград: Перемена, 2010. – С. 201–218.
7. Аникина Э.М. Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Аникина Элина Михайловна. – Уфа, 2004. – 22 с.
8. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
9. Антонова Н.А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Антонова Наталия Александровна. – Саратов, 2007. – 25 с.

10. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и язык. – М., 1973. – Т. 32. – № 1. – С. 84–89.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
12. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1994. – С. 106–117.
13. Арутюнова Н.Д. Неисследимые смыслы: просто так, да не так просто // Известия РАН. Сер. лит. и язык. – М.: МГУ, 2006. – Т. 65. – № 2. – С. 14–22.
14. Балабанова И.Я. Семантика и прагматика рекламного дискурса на материале французского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ирина Яковлевна Балабанова. – Казань, 2004. – 198 с.
15. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
16. Бгажноков Б.Х. Табу в коммуникативном поведении адыгов. Социальные функции и типы табу // Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – С. 116–143.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
18. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. – М.: Университетская книга, 2007. – 320 с.
19. Бердова Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бердова Неля Михайловна. – Киев, 1981. – 230 с.
20. Бессарабова Н.Д. Слова-прикрытия в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. – М.: МГУ, 1996. – Вып. 1. – С. – 57–69.
21. Биби С., Зарицкая Ж.В. Межличностная коммуникация и культурное разнообразие: ориентируясь на собеседника // Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О. И. Матяш. – СПб.: Речь, 2011. – С. 425–484.

22. Блумфильд Л. Язык. – М., 1968. – 607 с.
23. Бобровская Г.В. Массово-информационный дискурс: теоретические и методологические аспекты исследования [Электронный ресурс] // Global Media Journal. Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2012. – Вып. 2. – Т.1. – Режим доступа: http://www.global-media.pglu.ru/plugins/aacgc_pnews/News_Details.php?det.4
24. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс в системе типов общения [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации. – Тверь, 2007. – 1(6). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/006/section_3_6/3_4_6.htm
25. Бойко В.В. Энергия эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – 474 с.
26. Болдырев Н.Н. Проблема значения и смысла языковых единиц в контексте познавательных процессов // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл: сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова / под ред. В.З. Демьянкова, В.Я. Порхомовского. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 219–234.
27. Болотнова Н.С. Эвфемизация в современном употреблении и языковая компетентность личности // Языковая компетенция: грамматика и словарь. – Новосибирск, 1998. – С. 19–23
28. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 4–13
29. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1954. – Ч. 2. – 177 с.
30. Буров А.А. Некоторые особенности эвфемистического обозначения в русском языке // Вопросы русского языка и методика его преподавания. – Пятигорск, 1994. – С. 3–10.
31. Бушуева Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бушуева Татьяна Сергеевна. – М., 2005. – 20 с.

32. Валгина Н.С. Основные проблемы изучения языка современных СМИ // Язык и стиль современных средств массовой информации: межвуз. сб. науч. трудов. – М.: МГУП, 2007. – С. 7–18.
33. Ван Дейк Т.А. Предубеждения в дискурсе: рассказы об этнических меньшинствах / пер. с англ. В.С. Оптовой // Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 161–190.
34. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю). – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004 – 408 с.
35. Васильев А.Д. Манипулятивные игры в слова // Филология и человек. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. – № 4. – С. 67–77.
36. Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вебер Елена Александровна. – Иркутск, 2004. – 18 с.
37. Вепрева И.Т. Метаязыковой аспект не прямой коммуникации // Прямая и не прямая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов, 2003. – С. 109–119.
38. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология: материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. – М., 1967. – С. 267–285.
39. Вильданова Г.А. Проблема эвфемистического способа номинации // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Актуальные проблемы лингводидактики: межвуз. сб. науч. статей. – Бирск: Бир ГСПА, 2007. – Вып. 3 – С. 21–27.
40. Вильданова Г.А. Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вильданова Гузель Агзамовна. – Бирск, 2008. – 194 с.
41. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 137 с.

42. Ворошилова М.Б. Креолизированный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 3. – (23). – С. 73–78.
43. Газизов Р.А. Коммуникативные табу в немецкой лингвокультуре // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология и искусствоведение. – Челябинск, 2011. – Вып. 51. – № 8 (223). – С. 37–40.
44. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
45. Гришина О.Н. О качественных различиях информации речевого сообщения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 69–79.
46. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 352 с.
47. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
48. Далецкий Ч. – М.: Омега-Л, Высш. школа, 2003. – 488 с.
49. Данилова А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет, Изд-во КДУ, 2009. – 234 с.
50. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
51. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М: ИНИОН РАН, 2002. – №3. – С. 32–43.
52. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. лит. и язык. – М., 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 336.
53. Демьянков В.З. О формализации прагматических свойств языка // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: сб. обзоров. – М.: АН СССР, 1984. – С. 197–222.
54. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. – 344 с.

55. Ежова Т. В. Педагогический дискурс и его проектирование [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Эйдос. – 2007. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-5.htm>
56. Ерофеева Е.В. Факторы коммуникативной ситуации, стиль и подсистемы языка // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. М.П. Котюрова. – Пермь: ПГУ, 2005. – С. 25–31.
57. Жданова Е.В. К гендерным аспектам психолингвистического типажа коммуникантов // Язык и межкультурная коммуникация: сб. статей 1 междунар. конф. 23.01.2007. – Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. – С. 101–103.
58. Железанова Т.Т. Невербальные компоненты речевого общения в преподавании иностранных языков [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnye-komponenty-rechevogo-obscheniya-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov>
59. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М., 2004. – 48 с.
60. Желтухина М.Р. Масс-медіальний дискурс і масова культура // Наукові записки Луганського національного університету. Сер. Філологічні науки: Зб. наук. праць [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття] / Луган. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганск: Альма-матер, 2008. – Вып. 7. – Т. 1. – С. 145–156.
61. Жельвис В.И. Грубость: Проблемы классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): мат-лы междунар. научно-практич. конф., посвященной юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович. – Кострома, 2008. – С. 71–76.

62. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 352 с.
63. Жуков И.В. Война в дискурсе современной прессы [Электронный ресурс] // История русской литературы XX века. Советская классика: учебник on-line. – 2001. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm
64. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высш. школа, 1989. – 126 с.
65. Зайцев И.В., Чернов А.Ю. Дискурсивные практики обыденного политического сознания // Философская теория и социальная практика: сб. статей / отв. ред. Н. В. Омельченко; ВолГУ, фак. филос. и соц. технологий. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 149–159.
66. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зарецкая Анна Николаевна. – Челябинск, 2010. – 180 с.
67. Землянский Ф.М., Никонов А.И. Картина мира в процессе становления индивидуально-личностного мировоззрения // Вестник ЮУрГУ: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2010. – Вып. 14 – №8 (184). – С. 121–123.
68. Йетик З., Кох К. Турки и немцы в зеркале стереотипов [Электронный ресурс] // DW-WORLD. – 2004. – Режим доступа: <http://www.dw.de/турки-и-немцы-в-зеркале-стереотипов/a-1430401>
69. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных. – СПб.: Питер, 2011. – 573 с.
70. Имплицитность в языке и речи: Коллективная монография / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М.: Языки славянских культур, 1999. – 200 с.
71. Ипатова Н.А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ: дис. ... канд. социологических наук: 22.00.06 / Наталья Александровна Ипатова. – СПб., 2009. – 213 с.

72. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
73. Казаринова Н.В. Межличностная коммуникация: социально-конструкционистский анализ. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006. – 146 с.
74. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 486 с.
75. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания АН СССР, ВГПУ, 1991. – 495 с.
76. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
77. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
78. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. –Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
79. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 448 с.
80. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
81. Карицкий И.Н. Современные социально-психологические практики: Теоретико-методологическое исследование: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Карицкий Игорь Николаевич. – Ярославль, 2002. – 232 с.
82. Касьянова К.К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.
83. Кацев А.М. Эвфемистический потенциал и его реализация в речи // Некоторые проблемы слова и предложения в современном английском языке. – Горький: ГГПИ, 1976. – С. 19–35.
84. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: Опыт социолингвистического описания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Л., 1977. – 190с.

85. Кацев А.М. Табу и эвфемия. – Л., 1986. – 42 с.
86. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
87. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
88. Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 246–252.
89. Ким Л. Гендерные стереотипы // Введение в теорию и практику гендерных отношений: сб. науч. статей. – Ташкент, 2007. – С. 44–60.
90. Кипрская Е.В. Основные характеристики современного политического текста // Текст в системе высшего профессионального образования. – Таганрог: ТГПИ, 2003. – С. 57–58.
91. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кипрская Екатерина Викторовна. – Ижевск, 2005. – 17 с.
92. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986. – С. 7–21.
93. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
94. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 2007. – С. 304–359.
95. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
96. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов: лекция. – Л.: Изд-во ГПИ, 1955. – 28 с.

97. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости БелГУ. – Белгород, 2010. – Вып. 6. – № 12 (83). – С.13–21.
98. Кожемякин Е.А., Кротов Е.А. Дискурс [Электронный ресурс] // Альманах Дискурс-Пи. Междунар. академия: дискурс исследований. – 2009. – Режим доступа: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=137:discursologia-proyecto-enciclopedico&catid=134:discursologia-proyecto-enciclopedico
99. Коняхина О.В. Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека: дис. ... кандид. филол. наук: 10.02.01 / Коняхина Олеся Викторовна. – Тамбов, 2005. – 250 с.
100. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2008. – 176 с.
101. Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Копнина Галина Анатольевна. – Красноярск, 2010. – 38 с.
102. Кормилицына М.А., Шамьенова Г.Р. Категория вежливости в оценочных речевых жанрах // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во гос. учебно-научного центра «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 257–266.
103. Кострова О.А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 252–262.
104. Котовская М.Г. Мужские и женские образцы поведения в традиционном обществе // Гендер и этнические стереотипы. – М., 1999. – 345 с.
105. Кохан О.В. Национальные особенности общения в немецкой и русской культуре [Электронный ресурс] // Теория и практика

- общественного развития. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2012/culture/kokhan.pdf>
106. Кохан О.В. Коммуникативные стереотипы в повседневных практиках (на материале немецкой и русской культур): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Кохан Ольга Владимировна. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – 16 с.
 107. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?: монография. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
 108. Красных В.В. Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов) // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Макс-Пресс, 2000. – Вып. 15. – 124 с.
 109. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 581 с.
 110. Крестинский С.В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации // Тверской лингвистический меридиан: теор. сб. / под ред. И.П. Сусова. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – Вып. 1. – С. 74–79.
 111. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1–2. – С. 28–49
 112. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово своё и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 262–286
 113. Кужим Г.Г. Универсальный лингвистический закон триады. Мелиорация и детериорация в современном английском и русском языках. Явление эвфемии в свете закона триады: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кужим Галина Григорьевна. – Краснодар, 2003. – 27 с.
 114. Куликова Л.В. Теория межкультурной коммуникации (Коммуникация. Стилъ. Интеркультура). – Красноярск: СФУ, 2010. – 290 с.

115. Куликова Л.В. Современные дискурсивные практики как конституент технологичной коммуникации // Человек. Язык. Культура: сб. науч. статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов / Сер. Концептуальный и лингвальный миры. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Вып.2. – Ч. 2. – С. 141–147.
116. Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – 304 с.
117. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
118. Лазуткина Е.М. Парламентские жанры // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 34–46.
119. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сб. статей, посвящённый 75-летию акад. И.И. Мещанинова. – Л.: ЛГУ, 1961. – Вып. 60. – № 301. – С. 110 – 124.
120. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 516 с.
121. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
122. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения – М.: Педагогика, 1983. – Т.1. – 392 с.
123. Леонтьев В.В. Стратегии невежливой коммуникации в компьютерном дискурсе // Человек. Язык. Культура: сб. науч. статей, посвящённых 60-летнему юбилею проф. В. И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов М.В. Пименова, В.И. Теркулов / Сер. Концептуальный и лингвальный миры. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 714–723.
124. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 488 с.

125. Лисовский С.Ф. Политическая реклама: функциональные и жанрово-стилистические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Лисовский Сергей Фёдорович. – М., 2000. – 23 с.
126. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
127. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. – 199 с.
128. Малгожата К. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка / пер. В.В. Дементьева // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов, 2003. – С. 159–176.
129. Мангутова В.Р. Спортивный дискурс и его участники [Электронный ресурс] // ВУЗ Культуры и искусств в образовательной системе региона: пятая электрон. Всерос. науч.-практич. конф. / Самарская гос. акад. культуры и искусств. – Самара, 2007. – Режим доступа: http://www.acis.vis.ru/8/1/1_7/mangutova.htm
130. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999. – С. 159.
131. Массалина И.П. Дискурсивные маркеры // Известия Калининградского гос. технич. ун-та. – Калининград: КГТУ, 2009. – №15. – С. 211–217.
132. Матьяш О.И. Процесс человеческой коммуникации // Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб: Речь, 2011. – С. 15–86.
133. Матьяш О.И. Человеческая коммуникация: опыт смыслообразования // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Философия. – М., 2012. – № 1. – С. 55–74.
134. Меликова Э.А. Современные проявления эвфемизации и табуирования // сб. науч. трудов Северо-Кавказ. гос. техн. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Ставрополь, 2005. – № 1. – С. 159–160.

135. Мельник Г.С. Психологические эффекты СМИ: учеб. пособие для фак-тов психологии, социологии, экономики и журналистики. – Самара: БАХ-РАХ-М, 2001. – 752 с.
136. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России): монография / под общ. ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – 474 с.
137. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
138. Милоенко Е.О. Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Милоенко Екатерина Олеговна. – Курск, 2009. – 23 с.
139. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
140. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – 4-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 264 с.
141. Нымм Е.Ю. Этностереотипы русских и эстонцев в анекдотах // Псковский региональный журнал / Социология. – Псков, 2006. – № 3. – С. 180–185.
142. Олешков М.Ю. Коммуникативная ситуация как дискретная единица институционального дискурса // Человек. Язык. Культура. – Киев, 2013. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 155–161.
143. Олянич А.В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник ВолГУ. Сер. 2. – Волгоград, 2004. – Вып. 3. – С. 119–126.
144. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 1977. – Вып.8. – С. 91–125.
145. Панасюк А.Ю. Как убеждать в своей правоте: Современные психотехнологии убеждающего воздействия. – М.: Дело, 2002. – 309 с.
146. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

147. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Книга по требованию, 2013. – 502 с.
148. Платонов О.А. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. – 816 с.
149. Поваляева М.А., Рутер О.Я. Невербальные средства общения. – Ростов н / Д: Феникс, 2004. – 352 с.
150. Погольша В.М. Восприятие и понимание в межличностной коммуникации // Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – С. 275– 339.
151. Потапова Н.М. Эвфемизмы в языке и речи (на материале англоязычного делового дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Потапова Наталья Михайловна. – М., 2008. – 18 с.
152. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 116 с.
153. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестник Моск. гос. ун-та / Сер. Филология. – М., 1999. – № 1. – С. 34–49.
154. Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Прядильникова Наталья Викторовна. – Самара, 2007. – 179 с.
155. Прудывус А.Н. Эвфемизмы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Прудывус Анна Николаевна. – СПб., 2006. – 17 с.
156. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 536 с.
157. Роботова А.С. Современный педагогический дискурс // Информационно-аналитический научно-образовательный журнал РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – С. 19–25.

158. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиологический аспект: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Рогозина Ирина Владимировна. – Барнаул, 2003. – 42 с.
159. Рутер О.А. Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой (лингвистический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рутер Ольга Александровна. – Ростов н / Д, 2007. – 259 с.
160. Рынина Т.Н. Эвфемия и смежные явления (на материале англ. яз.) [Электронный ресурс] // Международная науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы современных наук: теория и практика» (01.06.2005 – 08.06.2005): тез. докл. / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2005. – Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/Filology/67.html>
161. Рябов О.В. Свои и Чужие в межкультурном дискурсе: Опыт гендерного анализа // Методология исследования: преподавание иностранных языков в межкультурном пространстве. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2003. – С. 240–244.
162. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Саакян Левон Николаевич. – М., 2010. – 195 с.
163. Савватеева Л.В. Идеи политкорректности и их воплощение в современном лингвориторическом пространстве: на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Савватеева Любовь Васильевна. – Ростов н / Д, 2008. – 21 с.
164. Садыкова И.А. Этнокультурные традиции в речевом поведении личности (на материале этноречевых запретов) / И.А. Садыкова // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых: сб. науч. трудов. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2003. – С. 67–73.
165. Садыкова И.А. Коммуникативный базис фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц со значением запрета и коррекции высказывания собеседника) // Мат-лы междунар. науч. конф.

- «Язык образования и образование языка». – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. – С. 263–264.
166. Сахно О.С. Эвфемистический потенциал фразового наименования в русском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. – Ростов н / Д: ЮФУ, 2006. – С. 49–53.
 167. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – Киев: ЦУЛ, Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
 168. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс. – М.: Высш. школа, 2006. – 151 с.
 169. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.
 170. Сёрль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М., 1987. – 331 с.
 171. Синицына Ю.Н. Интерпретационный потенциал дискурсивных практик: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Синицына Юлия Николаевна. – Краснодар, 2008. – 22 с.
 172. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-методич. бюл. / Краснояр. гос. ун-т / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск; Ачинск, 1997. – Вып. 3. – С. 10–15.
 173. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
 174. Сорока Ю.Г. Кинодискурс повседневности постмодерна // Постмодерн: новая магическая эпоха / под ред. Л.Г. Ионина. – Харьков: Харьковский нац. ун-т им. Н.В. Карамзина, 2002. – С. 47–49.

175. Сорокин Ю.А. Отечественные исследования по массовой коммуникации // Знаковые проблемы письменной коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. – Куйбышев, 1985. – С. 3–15.
176. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1996. – № 2. – С. 45–64.
177. Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. трудов / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 91–108.
178. Сусов А.А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2006. – № 2. – С. 133–138.
179. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика: учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). – Винница: Нова Книга, 2009. – 271 с.
180. Сухих С.А. Табу и эволюция сознания // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – С. 9–16.
181. Танасов Г.Г. Личностная обусловленность поведения субъекта в ситуации переговоров с партнёрами равного и более высокого статуса [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnaya-obuslovlennost-povedeniya-subekta-v-situatsii-peregovorov-s-partnerami-ravnogo-i-bolee-vysokogo-statusa>
182. Тахтарова С.С. Этнокультурные аспекты коммуникативного смягчения (на материале немецкой лингвокультуры) // Вестник ВГУ. Сер. Языкознание. – Воронеж, 2008. – №2(8). – С. 99–104.

183. Тишина Н.В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тишина Наталья Вячеславовна. – М., 2006. – 201 с.
184. Тишина Н.В. К вопросу о национально-культурных особенностях эвфемии медицинского дискурса английского и русского языков // Объединенный научный журнал. – М.: Фонд научных публикаций, 2005. – № 9 (137). – С. 62–64.
185. Тульнова М.А. Табу в контексте глобализации // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 4 (34). – С. 176–81.
186. Турганбаева Л.С. Функциональная семантика эвфемизмов в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Л.С. Турганбаева. – М., 1989. – 25 с.
187. Ульяновский А. В. Реклама на границах запретного [Электронный ресурс] // YES: сетевой журн. – 1997. – № 5 (21). – Режим доступа: <http://www.advi.ru/archive/article.php3?pid=297>
188. Уфимцева Н.В. Этнокультурные исследования языкового сознания // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Изд-во Института языкознания РАН, 2003. – С. 135–171.
189. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
190. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с.
191. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
192. Фрезер Дж.Дж. Разновидности табу. Золотая ветвь. – М., 1983. – С. 188–250.
193. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь: исследования магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

194. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/fr_tabu/
195. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. / общ. ред. Левченко – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
196. Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок: лингвистика детской речи. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2000. – 240 с.
197. Цурикова Л.В., Гришаева Л.И. Культурные табу и их влияние на результат коммуникации // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – Воронеж, 2005. – № 2. – С. 282 – 298
198. Цурикова Л.В. Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. – Воронеж, 2001. – № 2. – С. 17–25.
199. Цыбина Л.В. Структура и параметрические характеристики кинематографического дискурса // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. – Вып. 5. – С. 120
200. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 238 с.
201. Шевченко О.П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений: на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шевченко Ольга Петровна. – Краснодар, 2009. – 208 с.
202. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000 – 368 с.
203. Шейгал Е.И. Театральность политического // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: СГАП, 2000 г. – – Вып. 6. – С. 92–96.

204. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 848 с.
205. Ширяева Т.А. К вопросу о статусе дискурса // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2006. – № 2–3. – С. 30–37.
206. Ширяева Т.А. Деловой дискурс как разновидность институционального дискурса // Языковая личность – Текст – Дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: мат-лы междунар. науч. конф. – Самара, 2006. – Ч.1. – С. 136–145.
207. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ширяева Татьяна Александровна. – Краснодар, 2008. – 51 с.
208. Шлёпкина М.А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: мат-лы междунар. науч. конф. – Уфа, 2011. – С. 222–227
209. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. – М., 1974. – С. 90–101
210. Щурина Ю.В. Игровые стратегии в современном российском медиа-дискурсе // Вестник ВГУ. Сер. Языкознание. – Воронеж, 2009. – №1(9). – С. 50–57.
211. Якубина Т.Я., Синельников Ю.Г. Эвфемизмы как фактор реализации принципа вежливости в языке женских изданий (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – Ч.1. – С. 233–235.
212. Balle C. Tabus in der Sprache. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1990. – 205 S.
213. Birkner K., Meer D. Institutionalisierte Alltag: Mündlichkeit und Schriftlichkeit in unterschiedlichen Praxisfeldern. – Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2011. – 194 S.
214. Bölling K. Tabus in diesem Land // Zwanzig Jahre danach. Eine deutsche Bilanz 1945–1965. 38 Beiträge deutscher Wissenschaftler,

- Schriftsteller und Publizisten. – Wien, Basel: Helmut Hammerschmidt, 1965. – S. 374–389.
215. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge, 1978. – 347 p.
216. Browne R. B. Forbidden Fruits. Taboos and Tabooism in Culture. – Ohio, 1984. – 195 p.
217. Cook G. The Discourse of Advertising. Second Edition. – London: Routledge, 2001. – 257 p.
218. Dahrendorf R. Politik im Garten der Tabus // Magnum: Zeitschrift für das moderne Leben. – Köln: DuMont Verlag, 1961. – № 36. – S. 58–73
219. Dürscheid C. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme // Zeitschrift für angewandte Linguistik, 2003. – № 38. – S. 37–56
220. Eggert H., Golec J. Tabu und Tabubruch. Literarische und sprachliche Strategien im 20. Jahrhundert. – Stuttgart; Weimer: Metzler Verlag, 2002. – 241 S.
221. Fairclough N. Media Discourse. – L.: Edward Arnold, 1995. – 224 p.
222. Fairclough N. Analysing Discourse. – New York: Routledge, 2003. – 270 p.
223. Foucault M. Discipline and Punish. – Harmondsworth: Penguin, 1977. – 333 p.
224. Frege G. On sense and reference // Translations from the philosophical writings of G.Frege. – Oxford, 1952. – P. 56–78.
225. Freud S. Totem und Tabu. – Hamburg 1956. – 200 S.
226. Ganguin S., Sander U. Sensation, Skurrilität und Tabus in den Medien. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. – 1. Auflage. – 162 S.
227. Goffman E. Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. – 297 S.

228. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. – N.Y.: Acad. Press, Vol. 3 Speech Acts. Pragmatics. / Ed. By P. Cole, 1975. – P. 41–59.
229. Hecht A. Tabus in der interkulturellen Kommunikation. Ein Beitrag zur Tabuforschung interkultureller Germanistik: Magisterarbeit. – Beyreuth, 2000. – 101 S.
230. Helmers S. Tabu und Faszination: über die Ambivalenz der Einstellung zu Toten. – Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1989. – 345 S.
231. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. – N.Y.: Vintage Books, 2000. – 415 p.
232. Hymes D. Models of Interaction of Language and Social Life // Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication / Eds. Gumperz J.J., Hymes D. – New York, 1972. P. 35–72.
233. Kaltebrunner G.-K. Der innere Zensor. – München, 1978. – 191 S.
234. Katz J., Postal P. An integrated theory of linguistic descriptions. – Cambridge; Mass., 1964. – 178 p.
235. Keller R. Worttabu und Tabuwörter // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht 60, 1987. – S. 2–9.
236. Kiener F. Das Wort als Waffe. Zur Psychologie der verbalen Aggression. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1983. – 304 S.
237. Lakoff R. Language and Womens Place. – New York, 1975. – 308 p.
238. Lakoff R. The Logic of Politeness or Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. – Chicago, 1983. – P. 292–305.
239. Leech G.N. Principles of Pragmatics Text. – London, N. Y.: Longman, 1983. – 250 p.
240. Leisi I. Sprach-Knigge oder Wie und Was soll ich reden? –D: Zenodot Verlagsgesellschaft, 2011. – 172 S.

241. Limbach A. Fremde auf deutschen Bildungswegen: Lebensgeschichtliches Erzählen über deutsche Bildungsinstitutionen: Masterarbeit. – Bayreuth: Universität Bayreuth, 2014. – 138 S.
242. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit e. Beitrag zu „Deutsch als Fremdsprache“. – Frankfurt am Main; Bern; New York: Peter Lang Verlag. 1985. – 301 S.
243. Musolff A. Sind Tabus tabu? Zur Verwendung des Wortes Tabu im öffentlichen Sprachgebrauch // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht, 1987. – (60). – S. 10–18.
244. Pekelny I. Benetton. Рекламные кампании (5) [Электронный ресурс] // Unique journal. – 05.05.2010. – Режим доступа: <http://voguedaily.com/page/75/>
245. Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. – Athenäum Fischer Verlag, 1973. – 312 S.
246. Rada R. Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. – Budapest: Verlag Akademiai Kiado, 2001. – 213 S.
247. Reiseberichte von Deutschen über Russland und von Russen über Deutschland / Herausgegeben von Friedhelm Berthold Kaiser und Bernhard Stasiewski. – Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1980. – 174 S.
248. Schröder H. Tabuforschung als Aufgabe interkultureller Germanistik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache, 1995. – (21). – S. 15–35.
249. Schröder H. Tabu // Handbuch Interkulturelle Germanistik – Stuttgart: Metzler, 2003. – S. 307–315.
250. Scollon R. Interdiscursivity and identity // Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Ed. Michael Toolan. – Vol. IV: Current Debates and New Directions. – London; New York: Routledge, 2002. – P. 79–94.

251. Seibel K. Zum Begriff des Tabus. Eine soziologische Perspektive. – Frankfurt am Main: J.W. v. Göthe-Universität, 1990. – 338 S.
252. Strecker B. Sprache und Kommunikation als Spiel // Strategien des kommunikativen Handelns: Sprache der Gegenwart. – Düsseldorf: Schwann, 1987. – 1. Auflage. – S. 32–46.
253. Tannen D. You just don't understand. – N.Y.: William Morrow, 1990. – 333 p.
254. Trad A.R. Tabuthemen in der interkulturellen Kommunikation: ein Beitrag zur Landeskundendidaktik im DaF-Studium. – Frankfurt am Main: Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2001. – 181 S.
255. Türcke C. Tabu [Электронный ресурс] // Die Zeit: Zeit online. – 02.09.1994. – № 36. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/1994/36/tabu>
256. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. – Oxford, 1962. – 278 p.
257. Wilss W. Anspielungen: Zur Manifestation von Kreativität und Routine in der Sprachverwendung. – Niemeyer Max Verlag, 1989. – 238 S.
258. Wingen K. Die 10 Tabus // Psychologie Heute. – Julius-Beltz-Gesellschaft, 1987. – 14 H (1). – S. 12–13.
259. Yule G. Pragmatics. – OxfordUniversity Press, 1996. – 138 p.
260. Zhelvis V.I. Rudeness as a System of Strategies and an Object of Classification // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – Krasnoyarsk, 2012. – 5 (12). – С. 1790–1797.
261. Zöllner N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen. – Frankfurt am Main: Lang, 1997. – 445 S.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 590.

2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Толковый словарь (сборник электронных словрей). – Режим доступа: <http://slovo.ru/index.php?ID=71645&pg=11&w=%D6%D3%CD%C0%CC%C8&s=%D6&a=>
5. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 345–346.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 1999. – 448 с.
7. Завьялова О.Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 566–570.
8. Законопроект о запрете использования в коммерческой рекламе изображений людей в нижнем белье [Электронный ресурс] // Sostav.ru. – 04.04.2003. – Режим доступа: <http://www.sostav.ru/news/2003/04/04/gl48/>
9. Иллюстрированный энциклопедический словарь / пер. с нем. Ю.О. Бема. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 880 с.
10. Интернет-проект музыкальной тематики [Электронный ресурс] / Last.fm. – 2013. – Режим доступа: www.lastfm.ru/music/Jimi+Hendrix
11. Кон И.С. Краткий словарь сексопатологических терминов [Электронный ресурс] // Национальная психологическая энциклопедия. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/17>
12. ЛЭС / Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

13. Кордуэлл М. Психология от А до Я: Словарь-справочник [Электронный ресурс] // Национальная психологическая энциклопедия. – 2000. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/479>
14. Мультитран [Электронный ресурс] // Электронный онлайн-словарь. – Режим доступа: <http://www.multitrans.ru>
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
16. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова / под ред. Р.И. Иванесова / РАН. Ин-т рус.яз. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1997. – 688 с.
17. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко [Электронный ресурс] // Инфолио электронная библиотека. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/interdiskurs.html>
18. Психология. А–Я: словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
19. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/diskurs-v-mezhkulturnoi-komunikaci>
20. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
21. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
22. Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – 648 с.

23. Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 402.
24. Энциклопедия НЛП [Электронный ресурс] // Энциклопедия нейролингвистического программирования: глоссарий. – Режим доступа: <http://trenings.ru/entsiklopediya-nlp.html>
25. Ядерный Маяк. Авария на ПО «Маяк» 29 сентября 1957 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=WsJBsfKqD_A
26. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Dudenverlag, 2001. – 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – 1892 S.
27. Duden online [Электронный ресурс] // Wörterbuch. – Режим доступа: <http://www.duden.de/woerterbuch>
28. LaFee – Das Comeback [Электронный ресурс] // Персональный сайт. – 2011. – Режим доступа: <http://elvira2email-ru.narod.ru/index/0-6>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Абрамова Е. Пекинский список [Электронный ресурс] // Российская газета. – Верхняя Волга. – 10.07.2008. – № 4703. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/gazeta/rg-vvolga/2008/07/10.html>
2. Антон Худобин: «В матчах с топ-клубами судьи нас не жалуют» [Электронный ресурс] // Sports.ru. – 24.12.2012. – Режим доступа: <http://www.sports.ru/hockey/145656725.html>
3. Архив X Международной конференции (7 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс] // Тенденции и перспективы развития современного научного знания. – Режим доступа: <http://teoretika.com/arhiv.php>
4. Бездомная звезда [Электронный ресурс] // Говорим и показываем – 19.03.2012. – Режим доступа: http://www.ntv.ru/peredacha/Govorim_i_pokazyvaem/archive/i99157#233919

5. Виктор Маматов ответил на вопросы читателей [Электронный ресурс] // Rusbiathlon.ru. – 09.04.2012. – Режим доступа: <http://rusbiathlon.ru/news/biathlon/id22670?biathlon=id22670&sheet=2>
6. Владимир Путин о своём преемнике, зарплатах чиновников и миллиардах для Украины [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – 19.11.2013. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26174.4/3062958/>
7. В мире очень много наций, которые не умеют играть в футбол [Электронный ресурс] // STOLICA.FM – 23.06.2014. – Режим доступа: <http://stolica.fm/post/5020>
8. Дискуссия. Научная диаспора и будущее [Электронный ресурс] // YouTube. – 09.08.2010. – Режим доступа: <http://yandex.ru/video/search?filmId=8rgigcaiUXI&text=научная%20дискуссия%20видео&path=wizard>
9. Допинг-скандал в Сочи – немецкий спортсмен может потерять медаль [Электронный ресурс] // Россия-онлайн. – 22.02.2014. – Режим доступа: <http://www.russia-on.ru/64744>
10. Имодиум от поноса в отпуске [Электронный ресурс] // TeleAd. – Режим доступа: <http://www.telead.ru/imodium.html>
11. Интерны [Электронный ресурс] // 3 сезон сериала Интерны: 3 серия. – Режим доступа: <http://interny-serial.com/series/153/>
12. Мероприятия в Нормандии стали поводом для встречи крупнейших политических игроков [Электронный ресурс] // Первый канал. – 06.06.2014. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/260522>
13. На Олимпиаде-2012 опять засудили украинского спортсмена [Электронный ресурс] // TRUST.UA. – 07.08.2012. – Режим доступа: <http://www.trust.ua/news/66212-na-olimpiade-2012-opyat-zasudili-ukrainskogo.html>
14. Не с пустыми руками [Электронный ресурс] // Sport-34.com. – 06.06.2013. – Режим доступа: http://www.sport-34.com/martialarts/18689/?ELEMENT_ID=18689&PAGEN_2=4

15. Олимпийские надежды России [Электронный ресурс] // Интернет-газета ДНИ.РУ. – 17.09.2013. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/sport/2013/9/17/260181.html>
16. Опять наши проиграли [Электронный ресурс] // Советский спорт. – 20.05.2013. – Режим доступа: <http://www.sovsport.ru/gazeta/article-item/610684>
17. Патриарх Кирилл о терактах в Волгограде и Пятигорске [Электронный ресурс] // SMOTRI.com. – Режим доступа: <http://smotri.com/video/view/?id=v264006641af>
18. Патриарх Кирилл о терактах в Волгограде: Террористам не сломить дух народа [Электронный ресурс] // Православие.RU. – 30.12.2013. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/67142.htm>
19. Пиво Гиннес [Электронный ресурс] // Запрещённая реклама. – Режим доступа: http://vk.com/video6714521_157660849?hd=-1&t=52s
20. Президент Германии Гаук хочет покаяния России [Электронный ресурс] // YouTube. – 08.06.2013. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=bncV-BntRp0&feature=youtu.be>
21. Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в день Святой Троице в Троице-Сергиевой лавре [Электронный ресурс] // Русская Православная церковь. – 27.06.2013 – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3061390.html>
22. Рафаэля Надаля обвинили в употреблении допинга [Электронный ресурс] // Boshsoz. – 11.02.2012. – Режим доступа: <http://boshsoz.com/sport/8271-nadalya-obvinili-v-dopinge>
23. Рождественское обращение Святейшего Патриарха Кирилла к телезрителям [Электронный ресурс] // Православие.RU. – 07.01.2014. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/67347.htm>
24. Сальников Владимир [Электронный ресурс] // AllAbout.ru. – Режим доступа: <http://www.allabout.ru/a2907.html>

25. Светлана Ишмуратова: «Двумя руками голосую за омоложение тренерского состава» [Электронный ресурс] // Sports.ru – 31.05.2010. – Режим доступа: <http://www.sports.ru/biathlon/70987100.html>
26. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в неделю о Страшном Суде в храме в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Марьине [Электронный ресурс] // Русская Православная церковь. – 27.02.2011. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1418782.html>
27. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в неделю о Страшном Суде в московском храме Архангела Михаила в Тропареве [Электронный ресурс] // Русская Православная церковь. – 23.02.2014. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3577921.html>
28. Татьяна Тарасова: Лёд у нас скользкий [Электронный ресурс] // МЛІК. – 16.12.2013. – Режим доступа: <http://mlik.ru/informacionno-analiticheskaya-programma/pozner-tatyana-tarasova-led-u-nas-skolzkiy>
29. 03.Точка отсчёта. Неделя жизни России глазами бригады «скорой помощи» [Электронный ресурс] // РР: Репортаж. – 26.08.2009. – Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/2009/32/skoraya>
30. Устинова Т. От первого до последнего слова / Т. Устинова // Букинистическое издание. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
31. Abenteuer Integration // Phoenix. – 01.08.2011, 16:00 (75 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
32. Alltag im Großbordell – Das Geschäft mit dem Sex // SWR Fernsehen BW. – 22.07.2011, 23:30 (30 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
33. Ast J., Weinert C. Geheimsache Mauer. Die Geschichte einer deutschen Grenze // Phoenix: Dokumentation. – 13.08.2011, 22:30 (90 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
34. Augstein J. S.P.O.N. Im Zweifel links: Deutschland, Verbündeter 3. Klasse [Электронный ресурс] // Spiegel Online: Politik. – 01.07.2013. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/abhoerskandal-enthueilt-deutschland-als-verbuendeten-3-klasse-a-908695.html>

35. Bald ist Schwulsein selbstverständlich: Westerwelle-Interview [Электронный ресурс] // Süddeutsche.de: Leben. – 15.01.2014. – Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/leben/westerwelle-interview-bevor-ich-den-loeffel-abgebe-ist-schwulsein-eine-selbstverstaendlichkeit-1.1863232>
36. Brand S. Acht Kinder und glücklich // 3 SAT. – 05.08.2011, 20:15 (43 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
37. Das Experiment 30 Tage Moslem // RTL 2. – 09.08.2011 (92:24 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
38. Das Jahr 1978 // Mauerjahre – Leben im geteilten Berlin / RBB Fernsehen: Dokumentation in 30 Teilen. – 21.07.2011, 22:15 (15 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
39. Der englische Skandal – Macht, Moral und Machenschaften der Boulevard-Blätter // Presseclub / das Erste. – 24.07.2011 (41 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
40. Der streng geheime erste Atom – GAU [Электронный ресурс] // Youtube. – 29.08.2011. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=eFTbearvO8s>
41. Die große Samstags-Dokumentation: 50 Jahre Mauerbau // VOX. – 13.08.2011, 22:20 (250 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
42. Dreckige Deals – wie korrupt ist Deutschland? // Planet Wissen / SWR Fernsehen BW. – 12.07.2011, 12:30 (60 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
43. Duma-Chef kontert Gauck: Russland muss Sowjet-Vergangenheit nicht bereuen [Электронный ресурс] // RIANOVOSTI: Politik. – 17.06.2013. – Режим доступа: <http://de.ria.ru/politics/20130617/266312715.html>
44. Endstation Liebeskummer? Mit System zum Traumpartner // 30 Minuten Deutschland / RTL. – 01.08.2011, 23:30 (27 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)

45. Georgien. Ostwärts – mit dem Rucksack der Sonne entgegen [Электронный ресурс] // YouTube. – 21.05.2013. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=eeSwVcs5qLg>
46. Geschlossene Gesellschaft – der Missbrauch in der Odenwaldschule // das Erste: Dokumentarfilm. – 08.08.2011, 22:45 (90 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
47. Gesprächsrunde mit den Teilnehmern der XV. Potsdamer Begegnungen aus Russland und Deutschland [Электронный ресурс] // Der Bundespräsident: Reden. – 03.06.2013. – Режим доступа: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2013/06/130603-Potsdamer-Begegnungen.html>
48. Hajdamowicz S. Moschee im Missklang // Abenteuer Integration / Phoenix. – 01.08.2011, 16:00 (15 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
49. Hallo, Deutschland // ZDF: Boulevard-Magazin. – 19.08.2011, 17:15 (30 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
50. Heute in Europa // ZDF: Nachrichtenmagazin. – 20.07.2011, 19:45 (15 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
51. Ich habe überlebt wie eine Katze [Электронный ресурс] // Lebenslinien / Bayerisches Fernsehen. – 13.12.2013 – Режим доступа: <http://www.br.de/fernsehen/bayerisches-fernsehen/sendungen/lebenslinien/lebenslinien-ich-habe-ueberlebt100.html>
52. Kanzler-Handy im US-Visier? Merkel beschwert sich bei Obama [Электронный ресурс] // Spiegel Online: Politik. – 23.10.2013. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/nsa-merkel-beschwert-sich-bei-obama-a-929636.html>
53. Klaus Wowereit. Ich bin schwul [Электронный ресурс] // Youtube. – 13.11.2009. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=Ucd40hLbt7Y>

54. Liebesgrüße nach Moskau – Radio Freies Europa und der Kalte Krieg // ARTE: Dokumentation. – 04.02.2009, 21:00 (88 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
55. Limbach A. Transkript - Tatjana // Fremde auf deutschen Bildungswegen: Lebensgeschichtliches Erzählen über deutsche Bildungsinstitutionen: Masterarbeit – Bayreuth: Universität Bayreuth, 2014. – S. 88–96
56. Limbach A. Transkript - Hamid // Fremde auf deutschen Bildungswegen: Lebensgeschichtliches Erzählen über deutsche Bildungsinstitutionen: Masterarbeit – Bayreuth: Universität Bayreuth, 2014. – S. 106 – 109
57. Maggi Buchstabensuppe [Электронный ресурс] // Youtube. – 12.09.2008. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=GD4eGqimkak>
58. Markus Lanz // ZDF: Talkshow. – 16.07.11.2014, 15:30 (60 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
59. Medick V. NSA-Spähprogramm in Deutschland: Dame, König, As, Spion [Электронный ресурс] // Spiegel Online: Politik. – 30.06.2013. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/us-ueberwachung-wird-zum-problem-fuer-kanzlerin-merkel-a-908625.html>
60. Mein Körper, mein Feind. Frauen mit Essstörungen // 3sat: Reportage aus der SF-Reihe – 06.08.2011, 18:30 (30 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
61. Menschen – das Abenteuer. Außergewöhnliche Bergtour in den Alpen // ZDF: das Magazin – 13.08.2011, 17:45 (15 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
62. Merkel klärt Rätsel um ihr Handy auf [Электронный ресурс] // Stern.de: Politik. – 25.10.2013. – Режим доступа: <http://www.stern.de/politik/ausland/welches-wurde-abgehört-merkel-klärt-raetsel-um-ihr-handy-auf-2066854.html>
63. Mieten, kaufen, wohnen // Vox: Doku-Soap. – 12.07.2011, 18:00 (60 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)

64. Münchhausen! Ich habe deine Lügen satt // Britt / SAT.1: Talkshow. – 11.08.2011, 13:00 (60 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
65. Nachtmagazin // das Erste. – 11.08.2011, 00:45 (19 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
66. Plasma Fernseher – Lustige Werbung [Электронный ресурс] // Youtube. – 06.04.2009. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=kLcbfE6hXd4>
67. Pink Taxi // ARTE: Dokumentarfilm. – 19.08.2011, 10:15 (93 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
68. Raubgräber. Wie kriminelle Schatzsucher unsere Geschichte verhökern // Xenius: Dokumentation. – 26.08.2011, 17:42 (30 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
69. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel zum 20. Jahrestag des Mauerfalls auf der Bösebrücke [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. – 09.11.2009. – Режим доступа: <http://www.bundesregierung.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Reden/2009/11/2009-11-09-boesebruecke-merkel.html>
70. Rede von Papst Benedikts XVI vor dem Deutschen Bundestag am 22. September 2011 [Электронный ресурс] // Youtube. – 22.09.2011. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=0lWABLeADIY>
71. Russland: Der streng geheime erste Gau // ARTE: Reportage. – 20.08.2011, 18:15 (45 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
72. Sekten, Gurus und Gehirnwäsche // Hart aber fair / das Erste. – 20.07.2011, 21:45 (64 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
73. Science Video [Электронный ресурс] // Wissenschaft im Dialog. – Режим доступа: <http://www.wissenschaft-im-dialog.de/aus-der-forschung/science-video.html>
74. Sind Finanzmärkte irrational? [Электронный ресурс] // Neothesus.de. – 16.08.2013. – Режим доступа: <http://www.neothesus.de/2013/08/16/sind-finanzmaerkte-irrational/>

75. Tagesthemen // das Erste. – 31.03.2010, 23:05 (25 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
76. Todesfälle Love Parade – Was geschah wirklich? // Pro 7: Spezial. – 18.07.2011, 22:50 (90 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
77. Ulrich R. Moskau lässt die Puppen tanzen // MDR. – 30.07.2011, 11:36 (43 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
78. Vatikan – die verborgene Welt // Das Erste. – 06.01.2011, 21:45 (90 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
79. Wie Deutschland den Rest der Welt nervt // Hart aber fair / das Erste – 20.07.2011, 21:45 (76 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
77. Wie die Bundesregierung uns betrügt: So lügt man mit Statistik [Электронный ресурс] // KoppOnline. – 04.10.2012. – Режим доступа: <http://info.kopp-verlag.de/hintergruende/deutschland/udo-ulfkotte/wie-die-bundesregierung-uns-betruegt-so-luegt-man-mit-statistik.html>
81. Wo der Osten Urlaub machte // MDR: Spezial. – 17.08.2011, 9:30 (45 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)
82. Wo ist Peer Steinbrück? Der Kanzlerkandidat der SPD [Электронный ресурс] // Kontrovers. – 20.07.2011 – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=TmagPfJ_Amo
83. World Vision macht aus Spendern «Geburtstags-Schenker» [Электронный ресурс] // Joussenkarcliczek. – 2009. – Режим доступа: <http://www.j-k.de/projekte/kampagne/geburtstagskampagne>
84. Zwei bei Kallwass // SAT.1: Ratgeber – 03.08.2011, 14:00 (60 Min.) (запись трансляции немецкого телевидения)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстративный материал

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

Рисунок 7.

Рисунок 8.

Рисунок 9.

Рисунок 10.

Рисунок 11.

Рисунок 12.

Рисунок 13.

ОНИ БУДУТ РАБОТАТЬ КАК НЕГРЫ

РТИ из Балаково
на все узлы и агрегаты
автомобилей КАМАЗ и МАЗ
лучшее соотношение
цена & качество

РТИ 56-00-73
56-01-66

